

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2020 Том 3 № 4

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитыко Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Борисов Николай Александрович, доктор политических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Грачев Михаил Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации" (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада.

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области "Московский государственный областной университет" (МГОУ), Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2020 г., следующий:

№ 7 2020	Казахстан в мировой политике	До 1 октября 2020 г.
№ 8 2020	Номер не тематический	До 1 декабря 2020 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117513, Москва, Россия, ул. Академика Бакулева, д. 6
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2020

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2020 VOLUME 3 No. 4

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev

Doctor in History, Professor, RUDN
University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko

PhD, Assistant Professor RUDN
University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina

Doctor in History Professor, KazNU Al-
Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik

Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbybyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Borisov Nikolai Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Grachev Mikhail Nikolaevich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Degterev Denis Andreevich, Doctor in in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar.
Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

№ 7 2020	Kazakhstan in world politics	1 Octobre 2020 г.
№ 8 2020	Non-thematic	1 Decembre 2020 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

6 Academic Bakuleva str., 117513, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Фсгсрд Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курьлев, 2020

Содержание

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- Чикризова О.С., Шумакова А.А.** Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии290
- Дусметова С.И., Налибай А.А.** Проблема терроризма в Республике Казахстан297
- Бактыбаева А.Н.** Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана304
- Барсегян А.А., Кернер Е.А.** Проблема цифровизации терроризма на пространстве СНГ315
- Декола И.В., Магомедова А.Д., Петрашко Б.Э.** Проблема обеспечения кибербезопасности в Белоруссии, России и Украине323

COVID-19 КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

- Самойленко А.А.** Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19.....336
- Титова А.В.** Влияние пандемии и условия ЧС (приближенной к ЧС) на миграционные процессы и баланс трудовых ресурсов в Российской Федерации.....342

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

- Ибрагимов Ф.Э.** Роль Ирана в решении урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта.....349

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

- Косов А.П.** Двусторонние отношения Беларуси со странами СНГ в оценках белорусских экспертов.....361
- Закарян С.Б.** Евразийские инициативы России в оценках зарубежных экспертно-аналитических центров.....370

- ОТ РЕДАКЦИИ**.....377

Contents

THEMATIC DOSSIER:

THE PROBLEM OF TERRORISM IN THE POST-SOVIET SPACE

- Chikrizova O.S., Shumakova A.A.** The impact of the crisis of Islamic education on the process of radicalization in Central Asia290
- Dusmetova S.I., Nalibay A.A.** Terrorism in the Republic of Kazakhstan.....297
- Baktybayeva A.N.** Terrorism in the CIS: Uzbek Jihadism. Islamic Movement of Uzbekistan.....304
- Barsegian A.A., Kerner E.A.** The problem of terrorism's digitalization in the CIS315
- Dekola I.V., Magomedova A.D., Petrashko B.E.** The problem of providing cybersecurity in Belarus, Russia and Ukraine.....323

COVID-19 AS A CHALLENGE TO THE PRESENT

- Samoilenko A.A.** Information Technology and Their Role in Minimizing the Negative Consequences of the Spread of Coronavirus Infection COVID-19336
- Titova A.V.** The impact of the pandemic and emergency conditions (close to emergency) on migration processes and the balance of labor resources in the Russian Federation342

REGIONAL CONFLICTS

- Ibrahimov F.E.** The role of Iran in resolving the Nagorno-Karabakh conflict.....349

HISTORIOGRAPHY OF POST-SOVIET SPACE

- Kosov A.P.** Bilateral relations of Belarus with the CIS countries in the estimates of Belarusian experts.....361
- Zakaryan S.B.** Russia's Eurasian initiatives in the assessments of foreign expert-analytical centers.....370

- FROM THE EDITORIAL BOARD**.....377

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии

О.С. Чикризова, А.А. Шумакова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние проблем, существующих в системе исламского образования в центральноазиатских республиках, на процесс радикализации населения региона. Центральная Азия, которая соседствует с такими регионами, как Ближний и Средний Восток, Южный Кавказ, испытывает влияние негативных тенденций, исходящих из этих регионов. Речь идет, в первую очередь, о политической нестабильности, росте экстремистских настроений и террористической угрозы. Авторы, используя историко-описательный, историко-генетический метод, а также сравнительный анализ, исследуют причины кризиса, в котором находится система религиозного образования в государствах Центральной Азии, уделяя особое внимание историческим предпосылкам данного кризиса. Показано, что попытка восполнить дефицит местных религиозных «кадров» за счет направления студентов в зарубежные исламские университеты, не увенчалась успехом, а, напротив, породила новую угрозу – распространения чуждых местным жителям трактовок ислама, чему способствуют такие факторы, как деятельность зарубежных организаций и благотворительных фондов, а также рост популярности «интернет-проповедников», которые зачастую искажают догматы исламского вероучения ради вербовки молодых мусульман из менее благополучных стран в ряды боевиков террористических организаций. На примере Таджикистана авторы демонстрируют особенности религиозного образования в регионе, выявляют «дуализм» этой системы, в которой параллельно действуют как официальные, так и частные учебные заведения. Авторы приходят к выводу о наличии прямой зависимости низкого уровня исламского образования в регионе и роста радикализма его жителей, а также устанавливают зависимость недостатка образования и легкости вербовки местной молодежи в ряды экстремистских и террористических организаций.

Ключевые слова: Центральная Азия, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, исламское образование, медресе, терроризм, радикализм, ислам

The impact of the crisis of Islamic education on the process of radicalization in Central Asia

O.S. Chikrizova, A.A. Shumakova

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the influence of the problems existing in the system of Islamic education in the Central Asian republics on the process of radicalization of the population of the region. Central Asia, which is adjacent to regions such as the Middle East and the South Caucasus, is affected by negative trends emanating from these regions. It is, first of all, about political instability, the growth of extremist sentiments and the terrorist threat. Using the historical-descriptive, historical-genetic method, as well as comparative analysis, the authors investigate the causes of the crisis in which the religious education system in Central Asian states is located, paying particular attention to the historical background of this crisis. It is shown that an attempt to fill the shortage of local religious staff by sending students to foreign Islamic universities was unsuccessful, but, on the contrary, generated a new threat – the spread of Islamic interpretations alien to local residents, which is facilitated by factors such as the activities of foreign organizations and charitable organizations funds, as well as the growing popularity of “Internet preachers”, which often distort the tenets of Islamic religion for the recruitment of young Muslims from less prosperous countries into the ranks of militants for terrorist organizations. On the example of Tajikistan, the authors demonstrate the features of religious education in the region; reveal the “dualism” of this system, in which both official and private educational institutions operate. The authors conclude that there is a direct cor-

relation between the low level of Islamic education in the region and the growing radicalism of its inhabitants, as well as the dependence of the lack of education and the ease of recruiting local youth into the ranks of extremist and terrorist organizations.

Keywords: Central Asia, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Islamic education, madrassas, terrorism, radicalism, Islam.

Введение

Ислам традиционно занимает одно из важнейших мест в общественно-политической жизни стран Центральной Азии. Жители региона исповедуют суннитский ислам ханафитского мазхаба (религиозно-правовой школы), который позволяет сочетать особенности традиционного для региона кочевого образа жизни и его обычаи и исламской цивилизации. Однако неглубокие знания религии и во многом буквалистское понимание ее основ делает ислам статичной, негибкой системой отрывочных знаний [Zhussipbek 2013: 1], что способствует, с одной стороны, глубокому кризису системы исламского образования, а с другой – радикализации мусульман региона.

Центральная Азия представляет собой регион, испытывающий на себе сильнейшее влияние тенденции радикализации ислама, исходящей из соседних регионов – Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Центральная Азия является значимым «поставщиком» иностранных боевиков для ближневосточного театра военных действий: по оценкам экспертов, за последние годы к джихадистским группировкам, действующим на Ближнем и Среднем Востоке, присоединилось от 2 до 5 тыс. выходцев из стран Центральной Азии, преимущественно это граждане Киргизии, Таджикистана и Узбекистана [Annual Threat Assessment 2020: 71]. Таким образом, в ближайшее время страны региона могут столкнуться с тем, что их граждане, получившие опыт террористической деятельности за рубежом, будут возвращаться на родину в качестве «одиноких волков» и, возможно, захотят найти единомышленников и создать национальные террористические или преступные группы.

Еще одним фактором, обуславливающим актуальность данной темы исследования, служит обострившаяся в последние годы борьба за «умы и сердца» мусульманского населения центральноазиатских государств, которую ведут между собой Паки-

стан, Турция, Саудовская Аравия и Иран, стремящиеся оказать влияние на местные системы религиозного воспитания и образования, ослабленные длительным нахождением республик в составе атеистического Советского Союза.

В настоящее время проблемы религиозного исламского образования стала неотъемлемой частью комплекса проблем, связанных с ростом террористической угрозы в регионе и растущим числом выходцев из стран Центральной Азии, присоединившихся к таким запрещенным в России группировкам, как ДАИШ, «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир» и др. В этой связи четко прослеживается связь между уровнем исламского образования молодежи в государствах Центральной Азии и степенью вовлеченности в террористическую деятельность, что делает рассматриваемую тему очень актуальной и злободневной.

Исторические особенности формирования системы религиозного образования в странах Центральной Азии

В конце XIX – начале XX вв. в регионе Центральной Азии начали появляться просветительские и реформистские движения внутри ислама. Остро встала проблема религиозного мышления и его реформирования. Решение проблемы виделось в модернизации системы религиозного образования [Abramson 2010: 41]. Однако установление советской власти застопорило этот процесс: началась насильственная секуляризация общества, религиозные институты были отделены от государства, монополия на образование находилась в руках государства, религиозное образование стало невозможным и незаконным [Abramson 2010: 42].

В годы Великой Отечественной войны советское правительство объявило ряд уступок для всех религий, существующих на территории СССР, что было вызвано реалиями военного времени, так как религия служила дополнительным духовным стимулом для борьбы против немецко-фашистских за-

хватчиков. Однако за короткий период, когда религия официально была возвращена в жизнь советских людей, в сфере религиозного образования не произошло никаких существенных изменений.

В послевоенный период важным событием в истории религиозного образования в регионе стало открытие в 1947 г. медресе в Бухаре, которое впоследствии стало главным центром обучения мусульманских духовных лидеров для всего Советского Союза [Abramson 2010: 43].

В период хрущевской «оттепели» началось медленное возрождение религиозной жизни в Центральной Азии, что было связано с возвращением в республики многих духовных лидеров, в том числе известного мусульманского теолога Кори Мухамаджона Рустамова, также известного как Мавлави [Abramson 2010: 44].

Жесткие меры по ликвидации религиозного образования в СССР способствовали тому, что оно стало преимущественно подпольным. Уроки проводились в сотнях небольших «семейных школ», где религиозные знания передавались тайно из поколения в поколение. Власти не смогли до конца искоренить такие школы. Таким образом, сеть тайных образовательных кружков способствовала сохранению некоторых педагогических традиций дореволюционной системы религиозного образования в Центральной Азии [Rahnamo 2011].

Несмотря на атеистический государственный курс СССР, после установления советской власти на территориях современных государств Центральной Азии там все же существовали некоторые послабления в отправлении исламского религиозного культа. Это было связано с тем, что республики, исповедующие ислам, находились на периферии СССР, а ханафитский мазхаб, доминирующий в Центральноазиатском регионе, является одним из самых мягких, что позволяло сохранять религию в форме традиций, не допуская при этом, чтобы она вступала в конкуренцию с господствовавшей государственной идеологией. Такая политика СССР в отношении религии привела к тому, что традиционное влияние исламской элиты в центральноазиатских республиках было подорвано, а традиционная система исламско-

го образования – разрушена [Abramson 2010: 10].

Проблемы в системе исламского образования обнаружились сразу же после образования независимых государств на территории Центральной Азии. Стало очевидно, что республики не в состоянии обучать собственных имамов и улемов, не прибегая к помощи других мусульманских стран. Кроме того, на локальном уровне отсутствовали образованные духовные исламские лидеры, которые бы могли объяснить особенности религиозного культа простым людям, особенно молодежи. Вследствие этого большое количество молодых людей стало искать ответы на духовные вопросы за пределами своих родных стран.

Основные направления исламского образования для молодежи из Центральной Азии

Для получения религиозного образования молодые люди из стран Центральной Азии направляются, главным образом, в Пакистан, Турцию и Саудовскую Аравию. В 1990-е гг. к желанию получить исламское образование добавлялись и причины социально-экономического характера: в ряде государств региона начались вооруженные конфликты, которые вынуждали молодежь искать лучшей жизни за рубежом [Abramson 2010: 17]. Отмечается, что у некоторой части молодежи интерес к религиозному образованию за границей возник после того, как они путешествовали или изучали язык, а уже позднее у них пробуждалось желание изучать религию [Abramson 2010: 18].

Еще одной мотивацией для получения фундаментального религиозного образования является возможность карьерного роста в религиозной сфере, а также возможность больше узнать о своей религии. Женщины также проявляют интерес к исламскому образованию, поскольку такое образование дает возможность работать в женской медресе за границей, так как на родине они часто бывают лишены такой возможности [Abramson 2010: 18].

Важно отметить, что многие страны предоставляют стипендии иностранным студентам, что облегчает испытывающим финансовые затруднения молодым людям из стран Центральной Азии уезжать на учебу

за границу. Так, стипендиальные программы существуют в религиозных учебных заведениях Саудовской Аравии, Пакистана, Индонезии, Малайзии и др.

Большой популярностью у мусульманской молодежи пользуются исламские университеты Саудовской Аравии. Это обусловлено тем, что на территории Королевства находятся священные города мусульман – Мекка и Медина. Популярностью пользуется и Университет Аль-Азхар (Египет), так как он является старейшим центром религиозного образования в арабском мире. Обучаясь там, многие студенты имеют возможность получать стипендиальную помощь от принимающей страны либо от различных мусульманских благотворительных фондов [Abramson 2010: 20].

Пакистан и Иран также являются популярными направлениями для получения религиозного образования, но по политическим причинам количество студентов, получающих там религиозное образование, трудно узнать точно.

Обучение в Пакистане отличается тем, что учебные заведения поддерживают салафитскую трактовку ислама [Abramson 2010: 20], при этом образование там гораздо дешевле, чем, например, в Саудовской Аравии. Что касается Ирана, то, как известно, там доминирует шиитская ветвь ислама, а подавляющее большинство жителей стран Центральной Азии исповедуют суннитский ислам. Кроме того, у большинства центральноазиатских республик сложились довольно непростые отношения с Ираном, вследствие чего зачастую получение религиозного образования в Иране может осложнить поиск выпускником работы на родине, причем не только на духовном, но и на светском поприще, например, на государственной службе.

Обычно о возможности обучаться за границей молодежь узнает от членов семьи, через Интернет или от местных муфтиев.

Получившие исламское образование молодые люди, которые возвращаются на родину, можно условно разделить на две категории. К первой относятся те, кто успешно проходит процесс реинтеграции в свой родной социум. Во вторую категорию входят те, кто начинает проповедовать версию ис-

лама той страны, откуда они приехали. Они активно распространяют свои знания о чуждой для местных жителей версии ислама, используя при этом социальный капитал, полученный от обучения за границей в известных исламских университетах [Abramson 2010: 22–23]. При этом важно отметить, что местные духовные лидеры чаще всего не могут противостоять выпускникам зарубежных учебных заведений, поскольку не имеют для этого необходимой квалификации, должного уровня арабского языка и знаний шариата. Они, как правило, не способны ответить на глубокие вопросы о религии, возникающие у молодежи, активно пользующейся Интернетом. Знания местных имамов зачастую ограничиваются пояснением того, «как принято», «как делали предки» или авторитетные, уважаемые общиной люди.

Сегодня во многих странах Центральной Азии существует кризис духовного образования. Так, в Киргизии многие квалифицированные священнослужители и исламские богословы не могут найти работу. Современные руководители духовных учреждений недостаточно подготовлены, чтобы удовлетворить духовные потребности населения. Этот кризис обусловлен несколькими факторами: во многих странах региона министерства образования не признают дипломы в сфере религиозного образования, полученные за рубежом. В этой связи нередко студент, который возвращается из египетского университета Аль-Азхар, не может занимать постоянную должность преподавателя в школе или университете [Abramson 2010: 25].

Правительство Узбекистана не признает дипломы, полученные за рубежом, и не поощряет такое обучение. Тем не менее, каждый год узбекистанцы находят возможности выезжать за границу для получения религиозного образования.

Исламское образование и терроризм: пример Таджикистана

В настоящее время Таджикистан испытывает на себе наиболее сильное влияние негативных тенденций роста террористической угрозы, исходящей из Афганистана и Ближнего Востока. Согласно данным рейтинга Global Terrorism Index, в 2019 г. Таджикистан занял 50-е место по уровню тер-

рористической угрозы, и это самый высокий показатель из всех государств Центральной Азии [Global Terrorism Index 2019: 8].

Таджикистан является одним из значимых «поставщиков» людей для ДАИШ¹: по имеющимся данным, большинство «рекрутов» из Таджикистана являются выходцами из западных и северо-западных районов страны, главным образом из Ферганской и Гиссарской долин [Dyner, Legieć, Rękawek 2015: 6].

В Таджикистане правительство впервые разработало план религиозного образования в 2007 г. В стране действует несколько университетов, в том числе религиозных, например, Исламский институт имени имама Азама абу Ханифи [Abramson 2010: 37]. Однако популярно среди молодежи и подпольное обучение исламу. Обычно молодежь Таджикистана посещает частные уроки по исламу в мечетях, хотя такой вид религиозного образования считается нелегальным. Аккредитованными для образовательной деятельности могут быть только государственные университеты [Abramson 2010: 36–37]. При этом частное религиозное образование не может удовлетворить духовный поиск местной молодежи, так как духовные лидеры чаще всего обучались в советское время, знания они получали не в университетах, а также от старшего поколения подпольно, поэтому исламские богословы уже не в состоянии объяснить особенности ислама современной молодежи в доступной форме [Abramson 2010: 37].

В Таджикистане начала осуществляться модернизация религиозного образования и мышления, так как религиозное образование выступает как институт накопления, воспроизводства и распределения интеллектуального потенциала религии, а также является механизмом ее совершенствования, реализации и систематизации [Rahnamo 2011: 41]. Так как уровень религиозного мышления и образования тесно связаны между собой, то чем выше и лучше уровень религиозного образования, тем выше уровень религиозного мышления.

Современная сеть частного религиозного образования в Таджикистане охватывает

сотни частных семейных школ, кружков и курсов. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. количество мечетей и медресе в республике возросло. Частные школы, группы и кружки религиозного образования открывались почти в каждом населенном пункте [Rahnamo 2011: 45].

Частные исламские школы в Таджикистане можно поделить на три основные группы:

- хуждра – обыкновенная частная школа;
- корихона – мужские мусульманские клубы, носящие просветительский характер;
- хухрай тахфизи Корона – так называемый дом Корана, где мальчиков обучают чтению Корана [Rahnamo 2011: 46].

Существует определенная конкуренция между официальными религиозными учебными заведениями и частной сетью религиозного образования в Таджикистане. Ограниченный и поверхностный характер учебных программ, неадекватные религиозные знания выпускников, а также конформизм официальных медресе остается главным аргументом против официальной сети религиозного образования со стороны ведущих религиозных авторитетов государства. Именно поэтому в настоящее время в религиозной среде Таджикистана преобладают выпускники частных религиозных учебных заведений, а также те, кто получил образование в зарубежных религиозных университетах. Однако большинство духовных лидеров отмечают, что основа их религиозных знаний была заложена в семье и частными учителями [Rahnamo 2011: 48].

Частное религиозное образование имеет свои преимущества:

- студенты получают глубокие и достаточно полные знания определенных предметов, что не может быть достигнуто в официальных медресе;
- особое внимание уделяется изучению и пониманию практических аспектов религиозной деятельности. В отличие от официальных медресе, студенты, обучающиеся в частной религиозной образовательной сети, быстрее и лучше осваивают церемониальную часть религии, а также обучаются риторике и речи, которые очень важны для мусульманского духовенства;

¹ Организация запрещена в РФ.

– частное религиозное образование не имеет возрастных или временных ограничений: студенты любого возраста могут учиться и тренироваться в любое время. Кроме того, они могут прервать и возобновить учебу в любой момент [Rahnamo 2011: 53].

Однако у частного образования есть и свои недостатки. Так, частные школы дают знания бессистемно, в результате чего знания и квалификацию выпускников таких заведений сложно оценить.

Несмотря на то, что частная сеть религиозного образования в Республике Таджикистан сохраняет свою ведущую роль, сейчас можно говорить о его относительном снижении по сравнению с 1990-ми гг. Это обусловлено рядом факторов.

Во-первых, власти активизировали свою деятельность, направленную на установление максимального контроля над религиозным образованием. В последние годы Комитет по делам религий пытался свести к минимуму возможность получения неформального религиозного образования в частной сети. Количество учеников большинства частных религиозных учреждений стало меньше, их деятельность ограничена, многие из них были закрыты.

Во-вторых, роль и качество систематического регулярного религиозного образования медленно, но постепенно растет на всех уровнях. С одной стороны, это связано с ростом общей правовой грамотности, а с другой – с изменениями в учебных программах ряда медресе.

В-третьих, снижение уровня жизни частных учеников и учителей также сыграло значительную роль. Согласно традиции, определенная часть на содержание учеников в частных религиозных школах выделялась наставником, в настоящее время большинство из них не могут позволить себе такую роскошь [Rahnamo 2011: 50].

В начале 2000-х гг. в Республике Таджикистан частное религиозное образование пришло в упадок вследствие кампании против террористической организации «Хизб ут-тахрир»¹. Опасаясь, что частные религиозные школы могут быть местом распро-

странения нетрадиционных исламских течений, власти Таджикистана ограничили деятельность частных школ, родители забирали своих детей из этих учебных заведений, так как боялись, что их обвинят в связи с этой организацией. По этой же причине многие спонсоры также прекратили финансирование частных школ. Частные школы работали на полуполюгальной основе [Rahnamo 2011: 50].

Таким образом, несмотря на ряд позитивных изменений, на современном этапе в Таджикистане, как и в других центральноазиатских республиках, все же сохраняется острая нехватка собственных высококвалифицированных кадров для духовной сферы. Это связано, главным образом, с отсутствием стройной системы исламского образования, которая могла бы готовить имамов и улемов, обладающих глубокими познаниями именно ханафитской школы суннитского ислама и способными противостоять пропаганде искаженного ислама со стороны экстремистских и террористических организаций типа ДАИШ и «Аль-Каида». Кроме того, местные духовные лидеры пока не в состоянии соперничать с так называемыми «интернет-проповедниками», которые пользуются популярностью у молодежи, ведущей духовные поиски.

Вторая проблема состоит в том, что выпускники зарубежных исламских университетов часто привозят на родину чуждые версии ислама, такие как саудовский ваххабизм или пакистанский «таблигизм» [см.: Чикризова 2019: 557]. Начиная распространять эти учения, молодые имамы и улемы быстро получают поддержку (в том числе финансовую) со стороны различных зарубежных фондов, работающих «на местах» и реализующих интересы иностранных государств, которые зачастую расходятся с интересами самих центральноазиатских республик. Нельзя забывать, что все страны региона являются светскими, и их правительства неоднократно заявляли о своем стремлении сохранять светский характер государственности, поэтому проекты, продвигаемые в Центральной Азии теократической Саудовской Аравией и Исламской Республикой Пакистан, здесь очевидно вступают в противоречие с этими заявлениями.

¹ Организация запрещена в РФ.

Наконец, низкий уровень исламского образования, незнание арабского языка как языка Корана делает молодежь центрально-азиатских республик «легкой добычей» для проповедников и идеологов радикального исламизма. Вкупе с низким уровнем жизни в ряде государств региона это приводит к тому, что молодые люди едут за лучшей

жизнью и за самореализацией в такие страны, как Сирия, Ирак и Афганистан, где вербовщики террористических группировок обещают им хороший заработок и быстрый «карьерный рост», а также дают им ответы на вопросы об исламе, чем удовлетворяют духовный интерес молодых центральноазиатских мусульман.

Библиографический список

- Чикризова О.С.* Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 545-565.
- Abramson D.M.* Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability // Silk Road Paper. March 2010. P. 1–50.
- Dyner A., Legieć A., Rękawek K.* Ready to Go? ISIS and Its Presumed Expansion into Central Asia // Policy Paper. The Polish Institute of International Affairs. June 2015. №. 19 (121). P. 1-16.
- Hakan Yavuz M.* The Trifurcated Islam of Central Asia: A Turkish Perspective // Asian Islam in the 21st Century / Ed. by J. Esposito, J. Voll, O. Bakar. Oxford University Press, 2008. P. 109–144.
- Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination / Ed. by D. Eickelman, J. Piscatori.* Berkeley: University of California Press, 1990.
- Niyozov S.* Islamic Education in Post-Soviet Tajikistan: a tool in creating and sustaining the nation state // Religion and Education: comparative and international perspectives / Ed. by M. Sivasubramaniam, R. Hayhoe. Symposium Books, 2018. P. 89-117.
- Rahnamo A.K.* Private Religious Education in Tajikistan: Present Situations, Problems and Conclusions // Islam v SNG. 2011. No. 4 (5). P. 40–55.
- Zhussipbek G.* Religious Radicalism in Central Asia // Rethink Paper. Oct. 2013. №. 12. P. 1-24.

Сведения об авторах: Чикризова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, РУДН (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru); Шумакова Александра Андреевна, магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: alexandragirlfr@mail.ru).

References

- Chikrizova O.S.* Saudovskaya model' razvitiya dlya «mira islama»: osobennosti i ogranicheniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnoshe-niya. 2019. T. 19. № 4. S. 545-565.

About the authors: Chikrizova Olga Sergeevna, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru); Shumakova Alexandra Andreevna, Master in International Relations, RUDN University (e-mail: alexandragirlfr@mail.ru).

Проблема терроризма в Республике Казахстан

С.И. Дусметова, А.А. Налибай

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Являясь лидером региона Центральной Азии, Казахстан встречается лицом к лицу с различными угрозами безопасности, которые направлены на дестабилизацию страны и региона, в общем. Терроризм является одной из крупнейших угроз в связи, с чем правительство страны активно вырабатывает меры и инструменты по противодействию терроризму. Терроризм было незнакомым явлением для страны до 2011-2012 гг., когда граждане столкнулись с первыми актами террористической активности. Данные акты стали новостью не только для граждан, но для и силовиков, которые до этого не сталкивались с такого рода операциями. Даже в документах по обеспечению национальной безопасности страны, борьба с терроризмом не стояла в приоритете и считалась только внешней угрозой до 2011 г. Несмотря на вышеупомянутое утверждение необходимо подчеркнуть, что, Казахстан официально всегда активно поддерживал все инициативы, направленные на борьбу с терроризмом. Данному факту свидетельствуют активная работа страны в рамках Контртеррористического Комитета ООН, присоединение ко всем международным конвенциям о борьбе с терроризмом. Авторы анализируют угрозы терроризма и экстремизма Республики Казахстан, дают оценку работе в этом аспекте безопасности. Также оценена работа служб РК при террористических актах: в городе Актобе в 2016 г., в городе Тараз в 2011 г. и другие. Учитывая, что Казахстан уже сталкивался с такими случаями и уже выработал некие механизмы действий в таких ситуациях, автор делает вывод, что государство способно не только верно реагировать на проблему, а также имеет механизмы предупреждения экстремизма и терроризма, благодаря тесному тандему работы страны и региональных организаций.

Ключевые слова: Республика Казахстан, развитие, терроризм, террористические акты, противодействие, радикализация.

Terrorism in the Republic of Kazakhstan

S.I. Dusmetova, A.A. Nalibay

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. As the leader of the Central Asian region, Kazakhstan is faced with various security threats that are aimed at destabilizing the country and the region in general. Terrorism is one of the biggest threats in connection with which the government is actively developing measures and tools to counter terrorism. Terrorism was an unfamiliar phenomenon for the country until 2011-2012, when citizens faced the first acts of terrorist activity. These acts became news not only for citizens, but also for security officials who had not encountered such operations before. Even in the documents on ensuring the national security of the country, the fight against terrorism was not a priority and was considered only an external threat until 2011. Despite the aforementioned statement, it must be emphasized that Kazakhstan has officially always actively supported all initiatives aimed at combating terrorism. This fact is evidenced by the country's active work in the framework of the UN Counter-Terrorism Committee, adherence to all international conventions against terrorism. The authors analyze the threats of terrorism and extremism of the Republic of Kazakhstan, evaluate the work in this aspect of security. The work of the RK services in terrorist acts was also evaluated: in the city of Aktobe in 2016, in the city of Taraz in 2011 and others. Given that Kazakhstan has already encountered such cases and has already developed certain mechanisms for action in such situations, the author concludes that the state is able not only to respond correctly to the problem, but also has mechanisms to prevent extremism and terrorism, thanks to the close tandem of the work of the country and regional organizations/

Keywords: Republic of Kazakhstan, terrorist acts, counteraction, radicalization, terrorism.

Введение.

В век глобализационных процессов трудно избежать одну из самых актуальных проблем мировой системы – терроризма. Особенно для быстро развивающихся государств, потому что страны по типу Республики Казахстан привлекают террористические организации по нескольким причинам:

1. Рост исламизации среди населения и расслоение общества. Так называемые неблагополучные члены общества подвержены риску вербовки ваххабитами и позволяют создать достаточно большие общины;

2. Быстрые темпы роста в стране также создают прецеденты развития экстремистских организаций;

3. Непосредственная близость к неустойчивому к терроризму региону – Афганистану;

4. Почти до 2011 г. государство не хотело классифицировать события как терроризм, что дало фору террористам для подготовки к терактам. Тем временем в обществе появились общины, которые начали строго следовать правилам религиозных общин.

5. Подготовка спецслужб была не на надлежащем уровне, чтобы противостоять террористам, так как не имели такого опыта ранее.

6. Определенную роль сыграли и социальные сети, которые активно пропагандировали запрещенную деятельность в интернете.

Именно эти угрозы подвигли Казахстан на вступление в Шанхайскую пятерку в 1996 г., позже переименованной в Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС) (2001 г.). Республика Казахстан играет важную роль в данном регионе, как в политическом смысле, так и географическом. Будучи региональным лидером, не может не реагировать на проблематику не только внутри государства, но и на всем регионе. Главной причиной вступления Казахстана в ШОС было желание выработать механизмы противодействия центрально-азиатскому терроризму и экстремизму, обезопасить граждан своего государства и весь регион. Первоочередной идеей создания ШОС стала борьба против сепаратизма, терроризма и экстремизма в государствах-членах данной организации.

На региональном уровне Казахстан присоединился к таким антитеррористическим организациям как: ОДКБ, РАТС ШОС, АТЦ СНГ и т.д.

Нормативно-правовая база ответственно отработана, тому свидетельствуют закон от 1999 г. «О борьбе с терроризмом», который указывает порядок работы госорганов и силовых структур, а также обязанности и гарантии граждан в связи с противодействием терроризму. В содержании данного закона четко прописано, что все организации деятельности, которых направлена на дестабилизацию государства, носит террористический характер, подвергает опасности население страны - строго запрещены и будут строго наказаны согласно Конституции Республики Казахстан.

Позже в 2003 г. для эффективности совместной работы всех силовых структур в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом был создан Антитеррористический центр указом Первого Президента РК Нурсултаном Назарбаевым. Согласно указу АТЦ имел юрисдикцию по координации всех ведомств по борьбе с терроризмом.

В Шанхайской Конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (Шанхай, 15 июня 2001 г.)¹ организация сотрудничества определяет термин «терроризм» как:

а) какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к настоящей Конвенции, и как оно определено в этом договоре;

б) любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, ко-

¹ Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06. 2001) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1027029#pos=0;96

гда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон;

Казахстан уделяет важное место этому вопросу, поэтому в законе «О борьбе с терроризмом» от 13 июля 1999 г., находится следующее объяснение терроризма в соответствии с пунктом 5 статьи 1 в глава 1 - «Террористическая идеология влияния резолюций, принимаемых государственными органами или международными организациями угрозой совершения насильственных преступлений в целях страха перед людьми»¹.

Развитие терроризма в Республике Казахстан.

Появление терроризма в Казахстане можно разделить на этапы, в которых четко прослеживается эволюционный процесс становления радикальных течений.

Первый этап:

Конец 1990-х - начало 2000-х гг.: первые случаи терроризма появляются в Казахстане сразу после обретения независимости: радикальные группы воспользовались политической и экономической неустойчивостью государства в период становления суверенности страны. Чаще всего, это иностранные террористы, преследуемые собственными странами за участие в незаконных военизированных формированиях;

Второй этап:

Начало - середина 2000-х гг.: в этот период отмечается рост случаев вовлечения и участия граждан Казахстана в террористической деятельности, как на территории сопредельных стран, так и в зарубежных странах. Именно этот период выделяется в истории Казахстана, как развитие террористических акций на всем центрально-азиатском регионе.

Третий этап:

2005-2011 гг.: в этот отрезок времени появляются террористы из числа граждан Казахстана, которые проводят террористические акции на территории страны. Этот период называют пиком распространения террористических настроений в регионах страны. Число граждан Казахстана, над которыми возбудили уголовные дела за совершение преступлений, связанных с экстремизмом и террористической деятельностью, растет именно с 2005 по 2011 гг.

Основные события 2011 г., которые вызывают особый интерес, происходили в городе Атырау, Жамбыле и Актобе, они являются крупными регионами страны, что поворотным моментом для государства. Впервые именно тогда на повестку дня вынесли существование международного терроризма, грозящего существованию мирного населения.

Взрыв в Актобе был террористическим актом в городе Казахстане 17 мая 2011 г. Злоумышленник проник в штаб-квартиру казахстанских служб безопасности в регионе и подорвал бомбу смертника, убив себя и ранив двух других. Казахстанские чиновники признали, что нападение было связано с исламскими экстремистами.

Еще один террористический акт был совершен в Таразе 12 ноября 2011 г. Исламский сторонник джихадизма убил четырех сотрудников сил безопасности и двух мирных жителей.

Два взрыва произошли в городе Атырау на западе Казахстана 31 октября 2011 г. Первая бомба, спрятанная в корзине возле штаб-квартиры местного правительства, взорвалась незадолго до 9:00 по местному времени. Вскоре после этого у здания прокуратуры произошел еще один взрыв. Вскоре после этого у здания прокуратуры произошел еще один взрыв [Арис 2013].

Казахстан – считающийся самой стабильной страной в регионе впервые столкнулся с прямой угрозой внутри государства. Все случаи были связаны с религиозным экстремизмом, посредством вербовки других террористических организаций, запрещенных в Республике Казахстан. До этих случаев не уделялось должного внимания подходу терроризма к религиозному экстремизму, поскольку это эта тема не была

¹«О борьбе с терроризмом» от 13 июля 1999 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013957

актуальной ранее. Это привело к возрастающей связи между терроризмом и религией в регионе.

Четвертый этап:

На этом последнем этапе произошло увеличение нападений со стороны радикальных религиозных экстремистов. Данный период характеризуется распространением исламских экстремистских группировок и их террористической деятельности в Казахстане, чтобы подорвать основы общества. Одним из случаев, выделяется последняя крупная террористическая атака, которая произошла 5 июня 2016 г. в городе Актобе. В этот день Актобе стал местом комплексной террористической атаки. Военнизированная группа исламских радикалов, сначала атаковала два магазина оружия, возле которых они вступили в перестрелку с полицией, чтобы проникнуть на местную военную базу. Тогда общее число жертв составило 17 человек [Асабаев, Умирзакова 2009]. В Казахстане смертная казнь отменена с 2007 г., но Конституция предусматривает, что этот закон не распространяется на радикальные группы террористов. Тогда террористов обезвредили и ликвидировали в течение суток.

Казахстан, несмотря на развитие радикальных террористических организаций, власти быстро реагировали и восстанавливали безопасность в кратчайшие сроки, благодаря постоянным антитеррористическим мерам, выработанным совместно с ШОС.

Факторы развития терроризма на территории Республики Казахстан

Проанализировав статистику, можно увидеть, что во многих террористических актах были замечены ваххабитские ячейки. Данные ячейки были сформированы в регионах, население которых в основном были приезжими и имели невысокий доход, что вело к высокой разнице в социальном слое. Среди них преобладала безработная молодежь, которая не имела специальности, не служила в армии и не принадлежала к определенной части общества.

Если рассмотреть религиозный фактор, то можно заметить, что в те года (2011-2012 гг.) на территории Казахстана функционировали 2408 суннитских мечетей и можно было заметить тенденцию их роста, как в

количестве, так и в размерах. Тогда и началась пропаганда и расцвет ваххабитов. Так как проповедники ислама и религиозных ценностей говорили обыденные вещи, которые призывали к терпению и толерантности. В то время как проповедники ваххабитов всеми путями пытались заинтересовать и привлечь молодых неграмотных людей на свою сторону. Существенную роль сыграл и язык пропаганды, если имамы в мечетях в большинстве случаев говорят на казахском, а проповедники ваххабитов активно использовали русский язык - для привлечения большей аудитории. Таким образом, даже близкие родственники не понимали, как их член семьи пошел на теракт и другие противозаконные действия.

Необходимо исследовать и социальные причины, которые способствовали развитию терроризма. Первой уязвимой отраслью стала сфера образования хоть и правительством регулярно выделяются баснословные деньги на развитие. Точнее безработные выпускники вузов, которые не знают, что им делать и куда пойти работать подвергаются вербовке в силу слабого развития критического мышления, религиозного образования. На рынке отсутствует спрос на многие специальности, которыми владеет молодежь, а другие специальности являются низкооплачиваемыми. Помимо образования очень много конструктивных ошибок, которые были выявлены после возникновения террористических образований. Если даже смотреть на процесс социализации человека с детства, то можно заметить, что нет условий для удовлетворения таких нужд как занятие спортом или хобби. Множество молодых людей в погоне за мечтой переехали в город, где встретились с большими проблемами адаптации в ходе которого и потерялись. В то время как ваххабитские общины и приютили их с целью использования в своих целях.

Ряд экономических причин также должны быть учтены, которые способствовали развитию ваххабизма: низкий уровень доходов населения относительно высоких цен на товары и услуги, высокий уровень безработицы, большая разница между зарплатами в разных слоях.

В итоге необходимо упомянуть граждан или членов общества, которые наиболее

уязвимы в вовлечение в ряды террористов. Согласно статистике, террористические акты были совершены по частоте: заключенными, провинциалами в городах, безработной молодежью, социопатами, пострадавшими от действий правоохранительных органов, беженцы из соседних стран. Все вышперечисленные представители общества сами того не осознавая привели к расцвету террористических группировок, которые направили все свои силы на дестабилизацию государства.

Антитеррористическая деятельность РК

Благодаря совместной работе с ШОС - Казахстан смог стабилизировать вопросы между регионами: вынести на повестку дня проблему трансграничных рек, а также найти механизмы устранения приграничных вопросов во всем центрально-азиатском регионе. Стоит отметить, что именно Казахстан выступает инициатором скорейшего решения *афганской проблемы*: укрепление Афганистана, в качестве суверенного, мирного и нейтрального государства. ШОС выражает мнение, что в Афганистане, по большому счету, решается судьба всего региона. И хотя организация не вовлечена напрямую в военные действия, она оказывает силам международной коалиции в Афганистане ценную, а порой и незаменимую поддержку. Например, создание Контактной группы «ШОС — Афганистан» мотивировалось обеспокоенностью стран ШОС негативным развитием ситуации в ИРА и намерением наладить конкретный консультативный диалог с Кабулом. Подписание соответствующего Протокола состоялось 4 ноября 2005 г. в Пекине на уровне Исполнительного секретаря ШОС и Чрезвычайного и полномочного посла Афганистана в КНР. В задачу контактной группы входила выработка предложений и рекомендаций о сотрудничестве по вопросам, представляющим взаимный интерес, а ее деятельность определялась в форме консультативных встреч на базе Секретариата ШОС или афганского посольства в Пекине. Состав Группы должен был формироваться из Постпредов государств — членов при Секретариате ШОС, должностных лиц Секретариата и старших дипломатов Посольства. Было также зафик-

сировано, что прекращение деятельности группы осуществляется только по взаимной договоренности [Bailes, Dunay, Guang, Troitskiy 2007].

15 мая 2006 г. Решением СМВД ШОС был утвержден Регламент работы представителей ШОС в КГ, в котором, в частности, отмечалось, что на ее заседаниях представители ШОС выступают с согласованных позиций, а при наличии возражений по той или иной позиции со стороны одного государства — члена она считается несогласованной и на заседания Группы не выносятся¹. Благодаря ШОС решается проблема Центральной Азии и Афганистана, т.к. террористические группировки на территории Афганистана создают прецедент опасности проникновения радикальных группировок на территорию Казахстана.

Одним из механизмов антитеррористической деятельности являются *военные учения*. Они регулярно проводятся среди членов, чтобы способствовать сотрудничеству и координации против терроризма и других внешних угроз, а также для поддержания регионального мира и стабильности². Был проведен ряд совместных военных учений ШОС. Первый из них был проведен в 2003 г., причем первый этап проходил в Казахстане, а второй - в Китае. С тех пор Китай и Россия объединились для проведения масштабных военных игр в 2005 г (Peace Mission 2005), 2007 и 2009 гг. под эгидой Шанхайской организации сотрудничества. Более 4000 солдат приняли участие в совместных военных учениях в 2007 г. (известных как «Мирная миссия 2007»), которые проходили в Челябинской области у Уральских гор, как было согласовано в апреле 2006 г. на встрече министров обороны ШОС. Все учения прозрачные и открыты для СМИ и общественности. После успешного завершения военных игр обсуждалось и присоединение Индии к таким учениям в

1. ¹ Создание группы «Афганистан-ШОС», официальный сайт [Электронный ресурс] – Режим доступа:

http://rus.sectsco.org/about_sco/20190716/565424.html

2. ² Евразийский совет по иностранным делам. (2015). Растущая роль Центральной Азии в войне с террором.

будущем и о том, что ШОС берет на себя военную роль.

Мирная миссия 2010 г., проведенная 9–25 сентября в казахстанском учебном районе Матыбулак, привела к тому, что более 5000 человек из Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана проводят совместное планирование и оперативные маневры¹ [8].

В период председательства РК в ШОС было завершено формирование трехуровневого механизма взаимодействия по вопросам борьбы с наркотической угрозой в рамках ШОС. Казахстан внес существенный вклад в разработку Антинаркотической стратегии государств-членов ШОС на 2011–2016 гг.

Именно во время казахстанского председательства был подписан Протокол о взаимопонимании между Региональной антитеррористической структурой ШОС (РАТС ШОС) и Централно-Азиатским информационным координационным центром по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. На стадии согласования находится вопрос о подписании Меморандума о взаимопонимании ШОС с Управлением ООН по наркотикам и преступности².

Для Казахстана существенным является тот факт, что взаимодействие с ШОС приносит нашей стране определенные успехи в геополитическом и стратегическом планах. Деятельность ШОС способствовала интеграции Китая в структуру регионального взаимодействия, тем самым Казахстан получил надежные гарантии безопасности, в том числе неприменения ядерного оружия, подписав ряд стратегических договоренностей с Китаем

В рамках ШОС Казахстан ставит и более амбициозные цели: он стремится со временем выйти на лидирующие позиции. Эти амбиции республика подкрепляет своими успехами как во внешней, так и во внутренней, прежде всего экономической, политике. Собственно говоря, именно грамотная политика в области социально-экономического реформирования, проводимая Правитель-

ством Казахстана, уже позволила республике выйти в число лидеров экономического роста среди постсоветских государств.

Выводы.

Терроризм и экстремизм являются угрозами безопасности уже долгое время, но его можно ослабить и победить, разрабатывая механизмы борьбы с этой опасностью. Республика Казахстан смогла вовремя аккумулировать свои силы в борьбе с терроризмом как, например:

- Ежегодные антитеррористические учения;
- Прозрачность информации о произошедших терактах;
- Работа над ошибками, а также анализ каждого случая;
- Инициатива в борьбе с нестабильностью на афганском регионе;
- Постоянная информационная работа с гражданским населением по поводу вербовки террористическими организациями;

На данный момент Правительство активно и повсеместно борется с терроризмом, как на территории государства, так и за рубежом в рамках организаций по безопасности. Можно подчеркнуть, что руководство страны адекватно оценивает угрозу. Активно предпринимаются действия по недопущению возвращения граждан страны, которые вовлекались в террористические акты за границей в силу того, что они могут создать группировки на территории Казахстана. Их на законодательном уровне лишают гражданства Республики Казахстан. Ведутся профилактические работы со всеми слоями общества по недопущению их вербовки.

Изучая проводимые меры, можно заметить работу над ошибками руководства страны, которая реформирует правоохранительные органы, совершенствует нормативно-правовые акты, проводит профилактические работы с населением. Все данные действия позитивно сказываются на обеспечении национальной безопасности Республики Казахстан.

¹ Казахстан объединился для глобальной безопасности. (2014). Казахстан и глобальная безопасность - соединяя восток и запад.

² Там же.

Библиографический список

- Aris S.* (2013). Шанхайская организация сотрудничества. Картографирование многосторонности в переходный период, 2. IPI.
- Асабаев М., & Умирзакова Л.* (2009). Новая форма религиозного экстремизма в Казахстане: деструктивные секты и культы. Центральная Азия и Кавказ, 1.
- Bailes, AJK, Dunay, P., Guang, P. & Troitskiy, M.* (2007). Шанхайская организация сотрудничества. Программный документ SIPRI, 17. Bromma, CM Gruppen.
- Казахстан объединился для глобальной безопасности. (2014). Казахстан и глобальная безопасность - соединяя восток и запад.

Об авторах: Дусметова Севара Икрамовна – магистр в области международных отношений, РУДН, (e-mail: kedvesem9@gmail.com), Налибай Айдос Адилбайулы – магистр в области международных отношений, РУДН, (e-mail: aidos_nalibai@mail.ru).

References

- Aris S.* (2013). Shanghai Cooperation Organization. Mapping multilateralism in transition, 2. IPI.
- Asabaev M., & Umirzakova L.* (2009). A new form of religious extremism in Kazakhstan: destructive sects and cults. Central Asia and the Caucasus, 1.
- Bailes, AJK, Dunay, P., Guang, P. & Troitskiy, M.* (2007). Shanghai Cooperation Organization. Policy Paper SIPRI, 17. Bromma, CM Gruppen.
- Kazakhstan has teamed up for global security. (2014). Kazakhstan and global security - connecting east and west.
- About the author: Dusmetova Sevara Ikramovna – Master in International Relations, RUDN University, (e-mail: kedvesem9@gmail.com), Nalibay Aidos Adilbayuly – Master in International Relations, RUDN University, (e-mail: aidos_nalibai@mail.ru).

Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана

А.Н. Бактыбаева

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) (*организация запрещена на территории РФ*) является активной террористической организацией в регионе Центральной Азии с момента образования в 1998 г. По классификации госдепартамента США, находится в списке наиболее опасных международных террористических организаций. Также организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории стран, таких как Казахстан, Кыргызстан, Россия, Канада, Великобритания и так далее. Первоначальной целью организации было свергнуть правительство Узбекистана и создать Исламский халифат в Ферганской долине. На момент своего создания ИДУ получило значительные средства от лидера «Аль-Каиды» (*организация запрещена на территории РФ*) Усамы бен Ладена, что оказалось крайне важным для создания группы. В результате ИДУ предприняло несколько громких атак. Когда произошли теракты 11 сентября, ИДУ действовало из северного Афганистана. Джума Намангани и Таир Юлдашев, основатели и наиболее способные лидеры организации, были убиты в ноябре 2001 г. и августе 2009г. соответственно. Военные меры предпринятые узбекским правительством, заставили ИДУ искать убежища в Афганистане. Для выживания и сохранения своей актуальности, группа должна была продвигать цели местных боевых группировок в афганско-пакистанском регионе. Сегодня ИДУ тесно сотрудничает с международными террористическими организациями и представляет реальную угрозу странам Центрально-Азиатского региона. Целью данной статьи является анализ деятельности террористических организации в СНГ на примере узбекского джихадизма отколовшихся от него ячеек, представляющих реальную угрозу, которую можно сравнить с угрозой Аль-Каиды. Ещё до начала американской военной кампании в Афганистане, исходящая от ИДУ угроза вышла за рамки одного государства. Деятельность организации уже тогда перешла на региональный уровень и стала угрожать по меньшей мере трём государствам: Таджикистану, Узбекистану и Киргизстану. Потеря союзников из Афганистана в конце 2001 года нанесло движению ощутимый удар, но не уничтожила его. Изменение ситуации способствовало переходу от вертикальной структуры организации к сетевой. В статье рассматриваются истоки появления джихадизма и развития исламистских организации в Центральной Азии, также рассматриваются идеология и стратегия ИДУ, отношения данной организации с другими группировками, их политическая деятельность.

Ключевые слова: Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Аль-Каида, Талибан, Центральная Азия, Афганистан, Узбекистан, исламский экстремизм, джихадизм, международный терроризм.

Terrorism in the CIS: Uzbek Jihadism. Islamic Movement of Uzbekistan

A.N. Baktybayeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) (the organization is banned on the territory of the Russian Federation) has been an active terrorist organization in the Central Asian region since its inception in 1998. According to the classification of the US Department of State, it is on the list of the most dangerous international terrorist organizations. The organization is also recognized as a terrorist organization and its activities are prohibited in countries such as Kazakhstan, Kyrgyzstan,

Russia, Canada, the UK and so on. The organization's original goal was to overthrow the Uzbek government and create an Islamic caliphate in the Ferghana Valley. At the time of its creation, the IMU received significant funds from the leader of al-Qaeda (the organization is prohibited in the territory of the Russian Federation) Osama bin Laden, which was extremely important for the creation of the group. As a result, the IMU launched several high-profile attacks. When the September 11 attacks occurred, the IMU was operating from northern Afghanistan. Juma Namangani and Tair Yuldashev, the founders and the most capable leaders of the organization, were killed in November 2001 and August 2009, respectively. The military measures taken by the Uzbek government forced the IMU to seek refuge in Afghanistan. In order to survive and maintain its relevance, the group had to advance the goals of local militant groups in the Afghan-Pakistani region. Today, the IMU works closely with international terrorist organizations and poses a real threat to the countries of the Central Asian region. The purpose of this article is to analyze the activities of terrorist organizations in the CIS using Uzbek jihadism as an example of breakaway cells representing a real threat that can be compared with the threat of al-Qaeda. Even before the start of the American military campaign in Afghanistan, the threat posed by the IMU went beyond the borders of one state. The organization's activities already moved to the regional level and began to threaten at least three states: Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan. The loss of allies from Afghanistan at the end of 2001 dealt a tangible blow to the movement, but did not destroy it. The change in situation facilitated the transition from the vertical structure of the organization to the network. The article discusses the origins of the emergence of jihadism and the development of Islamic organizations in Central Asia, also examines the ideology and strategy of the IMU, the relationship of this organization with other groups, their political activities.

Keywords: Islamic Movement of Uzbekistan (IMU), al-Qaeda, Taliban, Central Asia, Afghanistan, Uzbekistan, Islamic extremism, jihadism, international terrorism.

Термин «угроза джихадизма» используется в этой статье с особым, конкретным значением: салафитский или радикальный исламский подход, который не стремится покорить сердца и умы. Другие исламисты с сильными политическими организациями, такими как Египетское братство мусульман, Партия справедливости и развития Турции (ПСР) или партия Эннахда в Тунисе, заняли более прагматичные и умеренные позиции. Однако джихадисты стремятся навязать свои идеи другим людям - сначала с помощью терроризма, а затем, если это возможно, путем захвата власти и применения правил суровых мер в отношении любого видения, противоречащего их идеологии.

Конечно, при таком подходе к управлению джихадисты никогда не будут привлекательны для большого числа людей, поскольку у них нет истинной социально ориентированной низовой стратегии. Эти группы на самом деле являются не более чем небольшими ячейками или как они считают себя «авангардом». Прекрасным примером влияния ограниченного числа является ИДУ (*организация запрещена на территории*

РФ). Даже для этой самой известной группы джихадистов ее небольшой размер дает максимальный эффект, которого она может достичь с помощью атаки, когда государство совершает серьезную политическую ошибку в ответ. К таким ошибкам относятся вторжение в страну, не имеющую ничего общего с нападением, усиление дипломатической напряженности или подавление религиозного или этнического меньшинства.

Как только государство совершает одно из этих действий, джихадисты могут использовать свой экстремистский дискурс с максимальной выгодой и разжигать порочный круг атак, репрессий и вербовки, которые являются ключом к их существованию. Последней определяющей чертой джихадистов является то, что их идеологический радикализм, склонность к формированию небольших групп и отсутствие интереса к ненасильственному политическому влиянию приводят их к отказу от традиционной национальной лояльности.

Предпосылки джихадизма в Республике Узбекистан. Для объяснения данной угрозы, необходимо вернуться к трём её основным

источникам. Во-первых, социальное неравенство, во-вторых, возврат к религии и наконец авторитарный режим постсоветского Узбекистана. После провозглашения независимости в Узбекистане, государственные услуги для граждан стали платными, а цены на предметы первой необходимости более не сдерживались правительством¹. Государственные служащие, работники сельского хозяйства, а также рабочие, задействованные в промышленности и строительстве, стали «новыми бедными» постсоветской эпохи. В последствии этого росли состояния, компилированными некоторыми «новыми узбеками», а параллельно им и влияние криминальных организаций как и в других странах постсоветского пространства. Нужно отметить, что ситуацию усугубляли демографические проблемы, всегда существовавшие в этом регионе.² В 1989 г. в Узбекистане насчитывалось в три с половиной раза больше населения в возрасте 10-14 лет, чем 50-54 лет, что предвещало высокий уровень безработицы для новых поколений. Реакция «новых бедных» на сложившуюся ситуацию была обусловлена советским воспитанием: они отвергали новую систему, в которой не соблюдались принципы социального равенства и справедливости. В более широком смысле, их философия складывалась из смеси марксизма и исламской морали. В этот же период, религия стала своего рода «социальной терапией» для молодёжи из малообеспеченных слоёв населения, помогавшая противостоять трудностям жизни в новом государстве. Это позволяет говорить о распространённом мнении о том, что «вышедшая из городской бедноты молодёжь», является первой жертвой социального неравенства на Среднем Востоке, как и в любом другом месте, исторически являлась – и остаётся на сегодняшний день – одним из главных кадровых резервуаров для радикально настроенных групп. Узбекский джихадизм,

как и другие подобные движения до него, вербовал своих рядовых членов среди этих слоёв населения, так как это было очень выгодно представителям оппозиции к правительству экспрезидента И. Каримова³. С распадом СССР начался процесс возрождения ислама. Большинство узбеков не стали набожными мусульманами в одночасье; для многих из них возвращение к исламу означало, прежде всего, внесение определённого порядка в постсоветский социальный хаос. Данная тенденция была также связана с ростом национализма, поскольку ислам составляет часть национальной культуры большинства стран центральноазиатского региона. Для некоторых религия была привлекательной и в идеологическом плане. В это время, в особенности в Ферганской долине, и появились салафитские группы с революционными настроениями. Салафизм уже имел глубокие корни в Центральной Азии. С независимостью Узбекистана в узбекской части Ферганской долины появились группировки фундаменталистов. Они определяли свою цель таким образом: восстановление порядка на улицах и регулирование цен на местных рынках. Именно таким образом после распада Советского Союза приобрела известность группировка «Адолат», которая переводится на русский язык как «справедливость». Первоначально выполняя функцию «народного ополчения», она оказывает влияние на программы, ориентированные на ислам. Спустя некоторое время она стала популярной в качестве боевой силы в группировку «Ислам лашкарлари» (Воины ислама). Другая ветвь этого движения, ответственная за религиозную пропаганду и вербовку молодёжи, контролировалась Тахиром Юлдашевым, 24-летним местным муллой, который вскоре стал одним из самых влиятельных салафитских лидеров в Ферганской долине.⁴

¹ “Country Reports on Terrorism 2018: Uzbekistan.” Официальный сайт Посольства США в Узбекистане, 2018. URL: <https://uz.usembassy.gov/country-reports-on-terrorism-2018-uzbekistan/>

²Rabasa Angel, “The Caucasus and Central Asia. Beyond Al-Qaeda: Part 1, The Global Jihadist Movement”, RAND Corporation, 2006

³ “Islamic Movement of Uzbekistan| Narrative Summaries of Reasons for Listing.” UN Security Council, 2011.

URL: https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1267/faq_sanctions_list/summaries/entity/islamic-movement-of-uzbekistan

⁴Luhn Alec, “Western cyclists killed in suspected terrorist attack in Tajikistan.” The Telegraph, 30 July 2018. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/07/30/western-cyclists-killed-suspected-terrorist-attack-tajikistan/> (Дата обращения: 20.04.2020г)

Существуют и другие исламистские группы, которые подпирают общий революционный настрой. Государство не могло установить контроль над регионом, а салафиты, единственно получившие реальный авторитет, продемонстрировали, что им нужно стремиться к власти: в декабре 1991 г. они захватили местный штаб бывшей коммунистической партии в городе Наманган. Они хотели добиться от Ташкента провозглашения Исламской узбекской республики. Из Ферганской долины «Адолат» также пытался распространить свою деятельность в Ташкенте. В феврале 1992 г., салафиты, объединившиеся с демократической оппозицией (партиями «Эрк» и «Бирлик») и умеренными исламистами («Исламская партия возрождения Узбекистана»), пытались принудить Ислама Каримова к переговорам, одновременно развивая свои контакты за рубежом. Исламские лидеры, со всей очевидностью, уже тогда разделяли джихадистское мировоззрение, планировали усиливать захват власти. Внутренняя ситуация и рост напряженности в отношениях между бывшими коммунистами и оппозицией в Узбекистане продемонстрировали неспособность глав государств Центральной Азии обеспечить собственную безопасность. Военные настроения были вполне реальными. Как и лидеры стран Ближнего Востока после деколонизации, главы центрально-азиатских государств оказались в ситуациях, когда власть могла быть захвачена или потеряна путём насилия. В Узбекистане усилилась тенденция уже проявленная в конце 1980-х гг. в оппозиции Каримова по отношению к «перестройке». ¹ В январе 1992 г. была применена система подавления студенческих волнений в Ташкенте и разгона толпы, когда ситуация в Ферганской долине вышла из-под контроля, И. Каримов решил прибегнуть к восстановлению полного порядка в республике. Демонстрация была вызвана тем, что авторитет власти и стабильность будут восстановлены любой

ценой. Получено широкую известность высказывания узбекского президента в июле 1992 г.: «Необходимо прочистить мозги сотне людей, чтобы сохранить жизни тысяч». В 1993 г. все оппозиционные группы были уничтожены, джихадисты скрылись в Таджикистане. В то время это создало некую иллюзию стабильности в Узбекистане для международных наблюдателей. На самом же деле узбекские лидеры избрали тот же путь, что и режимы Среднего Востока до них: стабильность в краткосрочной перспективе, полученная путём массовых репрессий, влечёт за собой риск радикализации. ²

Исламское движение Узбекистана (*организация запрещена на территории РФ*) - это салафитско-джихадистская военизированная группировка, которая стремится свергнуть узбекское правительство и создать исламское, управляемое шариатом правительство. ИДУ вступило в конфликт с американскими войсками во время военной кампании США в Афганистане в 2001 году, после чего он переехал в Пакистан. На протяжении большей части своего существования ИДУ было тесно связано с «Аль-Каидой» (*организация запрещена на территории РФ*), афганским «Талибаном» (*организация запрещена на территории РФ*) и «Техрик-и-Талибан Пакистан» (ТТП) и часто проводило совместные операции с организациями. Его наиболее заметные нападения включают нападение в апреле 2012 г. на пакистанскую тюрьму Банну, которая освободила 384 заключенных, и нападение в июне 2014 г. на международный аэропорт Джинна в Карачи, Пакистан, в августе 2015 г., после периода ухудшения отношений с афганскими талибами. ИДУ пообещал верность Исламскому государству (ИС) (*организация запрещена на территории РФ*). Некоторые источники предполагают, что боевики, ответственные за нападение на Манхэттен в октябре 2017

¹ “Country Reports on Terrorism 2018: Uzbekistan.” Сайт Посольства США в Узбекистане, 2018. URL: <https://uz.usembassy.gov/country-reports-on-terrorism-2018-uzbekistan/>

² Аналитический доклад. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам –

членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. С. 18.

года и нападение на байкеров в Таджикистане в июле 2018 г., могли быть связаны с ИДУ.¹

Исламское движение Узбекистана (ИДУ) - исламистская военизированная группировка, действующая в Центральной Азии. Соучредители ИДУ Тахир Юлдашев и Джума Намангани первоначально создали воинствующую организацию «Адолат» в 1991 г. для установления исламского права в Узбекистане. Когда эта группа была объявлена вне закона президентом Узбекистана Каримовым, лидеры создали новую базу в Таджикистане, с которой они начали трансграничные атаки в Узбекистане. В 1998 г., когда правительство Каримова приняло все более жесткие меры против узбекских мусульманских общин, Юлдашев и Намангани официально создали ИДУ и получили разрешение талибов на создание базы в Афганистане. Новая группа провозгласила джихад в Узбекистане и заявила о своем намерении изгнать Каримова и установить закон о шариате в Узбекистане.²

На момент своего создания ИДУ получило значительные средства от лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена, что оказалось крайне важным для создания группы. В результате ИДУ предприняло несколько громких атак, таких как нападение в августе 2000 г. на таджикские пограничные деревни; неясно, была ли группа ответственна за взрывы в Ташкенте в феврале 1999 г. После взрывов узбекское правительство первоначально обвинило Хизб ут Тахрир (*организация запрещена на территории РФ*), панисламскую партию, что привело к массовым арестам и пыткам мусульман. До конца 2001 г. ИДУ вело целенаправленную партизанскую кампанию против узбекского правительства и сил безопасности с поддержкой баз в Афганистане, Таджикистане, Кыргызстане. После событий 11 сентября и начала

операции «Несокрушимая свобода» ИДУ переключило свое внимание на борьбу с коалиционными силами под руководством США в Афганистане, что усилило сотрудничество и идеологические связи между ИДУ, АК и афганским талибами. ИДУ все чаще начинает преследовать всех, кто противостоит его цели создания транснационального халифата в Центральной Азии, и атакует западные и союзные интересы в регионе. ИДУ также поддерживал тесные отношения с «Техрик-и-Талибан Пакистан» (ТТП); две группы объединились для нападения на международный аэропорт Джинна в Карачи, Пакистан, в 2014 г., и создали совместную группировку боевиков Ansar al-Aseen для освобождения боевиков ТТР в пакистанских тюрьмах.

После запуска правительством Пакистана Операции «Зарб-э-Азб» в июне 2014 г. против групп боевиков в стране ИДУ понесла тяжелые потери и перенесла многие из своих операций в Пакистане в северный Афганистан. Со своих афганских баз группа поддерживала наступление афганских талибов весной 2015 г. против правительственных сил.³

В августе 2015 г., после периода ухудшения отношений с афганскими талибами, лидер ИДУ Усман Гази пообещал лояльность Исламскому государству (ИГИЛ) (*организация запрещена на территории РФ*). Это был весьма спорный шаг, учитывая столкновения ИГИЛ и враждебные отношения с афганскими талибами в афгано-пакистанском регионе. Впоследствии ИДУ начали борьбу с правительственными силами в северных провинциях Афганистана и Пакистане вместе с региональным филиалом ИГИЛ⁴, Исламским государством Хорасан.

В связи с крупными территориальными поражениями ИГ в 2017 г. ИДУ все чаще выступает за нападения с транспортных средств. Некоторые источники

¹ Roggio Bill, "Tahir Yuldashev confirmed killed in US strike in South Waziristan." The Long War Journal, 2009. C.10-12.

² Ilkhamov Alisher, "Mystery Surrounds Tashkent Explosions." Middle East Research and Information Project, 2004. URL: <https://merip.org/2004/04/mystery-surrounds-tashkent-explosions/>

³ Rabasa Angel, "The Caucasus and Central Asia." Beyond Al-Qaeda: Part 1, The Global Jihadist Movement, RAND Corporation, 2006.

⁴ "Proscribed Terrorist Organisations." UK Home Office, 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/proscribed-terror-groups-or-organisations--2>

предполагают, что боевики, ответственные за нападение на Манхэттен в октябре 2017 г. и нападение на байкеров в Таджикистане в июле 2018 г., могли быть связаны с ИДУ.¹

Стратегия ИДУ: идеология и цели. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) является салафитско-джихадистской группировкой. Первоначально группа стремилась свергнуть светское, авторитарное правительство в Узбекистане президента И. Каримова. Под влиянием афганских талибов ИДУ расширило свои цели до создания исламского халифата по всей Центральной Азии. ИДУ разделяет веру ИГИЛ в радикальную салафитскую идеологию и его приверженность глобальному джихаду, что является важным фактором в его активной поддержке террористической группы ИГИЛ.²

До октября 2001 г. деятельность ИДУ предназначалась для узбекских правительственных сил и связанных с ними субъектов, проводя взрывы и захват заложников. Во время возглавляемой США операции «Несокрушимая свобода» в 2001 году группа сместила акцент на борьбу с американскими и международными силами в Афганистане, наряду с Аль-Каидой и афганскими талибами. После 2001 г. ИДУ начало нападать на правительственные силы в Афганистане и Пакистане, а также на всех, кто выступал против видения регионального исламского халифата. Группа проводила теракты-самоубийства, взрывы и рейды против сил коалиции, Международных сил содействия безопасности и других западных интересов в Центральной Азии.

Связи между узбекскими исламистами и талибами не были чем-то новым. Среди бойцов ИДУ были таджики, узбеки и уйгуры, которые нашли убежище в религиозных школах Джамаат-и-Улема, исламского движения, сформировавшего идеологию талибов. В 1990-х гг. в этих медресе приняли участие несколько сотен боевиков ИДУ. Это

идеологическое влияние было особенно важным, так как центральноазиатские джихадисты не имели средств для финансирования до конца 1990-х гг. Поэтому помощь, которую они получили от Джамаат-и-Улема, была крайне необходима. Влияние Аль-Сури также усилило тенденцию среди бойцов ИДУ рассматривать себя как часть борьбы, которая вышла за пределы Узбекистана и даже Центральной Азии. ИДУ рассматривал свою борьбу как столкновение цивилизаций не только с «ближним врагом» - Каримовым и республиками Центральной Азии, но также с «дальним врагом» - США, Россией, Израилем.³

Организация также публикует агитационные материалы и аудиозаписи через свое отделение СМИ - Студия Джундаллах (Jundallah Studio). ИДУ проводит широкую пропагандистскую деятельность, публикует видео казней и боевиков ИДУ, которые проводят нападения, а также видеосообщения, призывающие людей на всем регионе Центральной Азии присоединиться к политике джихада.

Политическая деятельность. У ИДУ были конфликтные отношения с авторитарным и антиисламским правительством президента Узбекистана И. Каримова, который навязал множество политик, направленных на ограничение религиозной практики мусульманского большинства. Последующее распространение исламского экстремизма среди узбекского населения якобы было выражением антиавторитаризма и противодействия насилию и коррупции администрации. В 1999 г. серия взрывов в столице Ташкенте была организована в результате неудачного покушения на жизнь Каримова. Каримов возложил вину на радикальных ваххабитских исламистов, и в частности на ИДУ, - однако это приписывание остается спорным, и, возможно, попытка убийства была работой

¹Kaura Vinay, "Uzbekistan ups its involvement in Afghanistan." Middle East Institute, 2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/uzbekistan-ups-its-involvement-afghanistan>

²Azamy, Hekmatullah. "Will the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) Trade the Taliban for ISIS?" Counter Terrorist Trends and Analyses, vol. 7, no. 6, 2015, pp. 30-

35. URL: https://www.jstor.org/stable/26351364?seq=1#metadata_info_tab_contents

³Roggio, Bill. "Islamic Movement of Uzbekistan confirms leader Tahir Yuldashev killed." The LongWar Journal, 2010.

конкурирующих политических и региональных элит. Независимо от того, кто был ответственным, результатом стало усиление подавления Ислама Каримовым, особенно в традиционно наблюдательной Ферганской долине - шаг, который только увеличил число тех, кто бежит из Узбекистана, чтобы присоединиться к Намангани и ИДУ в долине Тавильдара.¹

Позже в том же году ИДУ провел свои первые поддающиеся проверке операции с вторжением в Баткенскую область на юге Кыргызстана - регион, населенный в основном этническими узбеками, который расположен между Тавильдарой в Таджикистане и Ферганской долиной в Узбекистане. Повстанцы захватили мэра Оша (столицы региона) и успешно вымогали выкуп у плохо подготовленного киргизского правительства в Бишкеке, а также вертолет, чтобы доставить их в Афганистан.² Затем последовали новые вторжения в Баткен, в ходе одного из которых было похищено несколько японских геологов - хотя Япония и отказала им в этом, их последующее освобождение почти наверняка последовало за значительным выкупом.

Эти рейды оказали серьезное влияние на Центральную Азию и привели к значительному международному давлению на Таджикистан, в последнюю очередь со стороны Каримова, с целью изгнать ИДУ со своей базы в долине Тавильдара.

В период с 1999 по 2005 гг. не менее 8000 человек были арестованы по подозрению в том, что они исламисты. Только 1500 человек были освобождены после ареста, и многие из тех, кто остался в заключении, умерли в заключении от жестокого обращения или болезней.³

Основные атаки. В данном параграфе я расскажу о некоторых крупных атаках в истории боевиков. Это не исчерпывающий

список, но он отражает некоторые наиболее известные атаки или поворотные моменты в ходе деятельности данной организации.

16 февраля 1999 г.: боевики выпустили 5 бомб, заложенных одновременно, в Ташкенте, столице Узбекистана, одна из которых чуть не убила президента Каримова. Узбекское правительство обвинило ИДУ в нападении, но это утверждение не было подтверждено (16+ убитых, более 100 раненых).⁴

9 августа 1999 г. партизанская группировка ИДУ похитила мэра и трех чиновников из небольшой деревни на западе Кыргызстана. В течение недели правительство Кыргызстана выполнило требования ИДУ о выкупе и вертолете для безопасного проезда в Таджикистан. 23 августа ИДУ захватило четырех японских геологов и восемь кыргызских солдат в качестве заложников на юге Кыргызстана. Последние два заложника были освобождены через два месяца (неизвестно число убитых и раненых).

Декабрь 2002 г. - май 2003 г.: ИДУ запустило четыре взрыва в кыргызских городах Ош и Бишкек, в результате которых погибли восемь человек (8 убитых, неизвестно число раненых).

30 июля 2004 г.: ИДУ предприняло несколько ударов самоубийства против посольств Израиля и США в Ташкенте, Узбекистан. В тот же день террорист-смертник также напал на автомобиль, в котором находился назначенный премьер-министром Пакистана представитель (2 убитых, 9 раненых).⁵

Июнь 2007 г.: ИДУ якобы участвовало в осаде Красной мечети в Исламабаде, Пакистан. Боевики удерживали не менее 250 человек в заложниках, когда они сражались с пакистанскими силами за контроль над

¹ Roggio, Bill. "2 IMU Leaders Captured in Northern Afghanistan." *The Long War Journal*, 2013.

² "Islamic Movement of Uzbekistan." *Australian National Security*, 2018. URL: <https://www.nationalsecurity.gov.au/Listedterroristorganisations/Pages/Islamic-MovementofUzbekistan.aspx>

³ "Japanese hostages released in Kyrgyzstan." *BBC News*, 1999. (Дата обращения: 29.04.2020г)

⁴ Sharipzhan Merhat, "IMU Declares It Is Now Part of the Islamic State." *Radio Free Europe/ Radio Liberty*, 06 Aug. 2015. (Дата обращения: 29.04.2020г)

⁵ "Islamic Movement of Uzbekistan | Narrative Summaries of Reasons for Listing." *UN Security Council*, 2011. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1267/faq_sanctions_list/summaries/entity/islamic-movement-of-uzbekistan

мечтью (62 убитых, неизвестно число раненых).

19 сентября 2010 г.: ИДУ взяло на себя ответственность за засаду конвоев таджикских солдат в Рапштской долине в Таджикистане, убив 25 солдат (25 убитых, неизвестно число раненых).

5 апреля 2012 г.: ИДУ вместе с пакистанскими талибами и боевиками ТТП напали на тюрьму Банну в Пакистане и освободили 384 заключенных, в том числе претупников, которые были осуждены за особо тяжкие преступления (неизвестно число убитых, 5 ранены).

8 июня 2014 г.: ИДУ участвовало в нападении на международный аэропорт Джинна в Карачи, Пакистан, совместно с ТТП и пакистанским талибом. В результате нападения все 10 нападавших погибли (36 убитых, неизвестно число раненых).

Февраль 2015 г.: ИДУ захватило около 30 хазарейцев в заложниках в провинции Забул, Афганистан. В следующем месяце группа опубликовала видеозапись обезглавливания одного из заложников, солдата афганской национальной армии. По сообщениям, похищение произошло в связи с арестом афганским правительством женщин, поддерживающих идеологию ИДУ (1 убит, неизвестно число раненых).

31 октября 2017 г.: Узбекский боевик врзался в грузовик в мирных жителей на велосипедной дорожке в Манхэттене, подстрекая к тому, что некоторые эксперты считают это самым смертоносным нападением боевиков в Нью-Йорке после 11 сентября. Некоторые источники предполагают, что он был связан с ИДУ (8 убитых, 11 раненых).

29 июля 2018 г.: Исламское государство взяло на себя ответственность за нападение на иностранных велосипедистов в таджикском районе Дангхара. Возможно, что боевики были связаны с ИДУ, который продолжает свою деятельность в данном регионе (4 убитых, 3 раненых).

Отношения ИДУ с другими группировками. ИДУ имеет давние отношения с афганскими талибами. В 1998 году соучредители ИДУ Намангани и Юлдашев официально создали группу и начали проводить операции в Афганистане в качестве гостей на стороне талибов в Афганистане. В обмен на покровительство талибов ИДУ переправляло незаконные наркотики по всей Центральной Азии. ИДУ также оказало поддержку талибам в борьбе против сил Северного альянса во время правления группы в Афганистане и в борьбе с силами коалиции под руководством США в рамках операции «Несокрушимая свобода». После свержения режима афганских талибов ИДУ поддерживало тесные отношения со своим теневым правительством на севере Афганистана.¹

ИДУ также поддерживает тесные отношения с Аль-Каидой². В конце 1990-х гг. лидер АК Усама бен Ладен предоставил финансирование, которое способствовало созданию ИДУ. АК предоставлял оружие, обучение, финансовую и материально-техническую поддержку ИДУ до 2002 г., в то время как ИДУ действовало в основном в Афганистане. Эта помощь позволила нарождающемуся ИДУ предпринять несколько громких атак в 1999 и 2000 гг.

После перемещения ИДУ в Пакистан в конце 2001 г. он организовал в стране учебные лагеря под защитой пакистанских талибов. Примерно в это же время группа также установила тесные отношения сотрудничества с сетью Хаккани. Обе группы объединились для запуска нескольких атак. Кроме того, сеть Хаккани помогла подготовить боевиков ИДУ, а ИДУ, в свою очередь, предоставила бойцов для нападений.

Другим близким союзником ИДУ в Пакистане был Техрик-и-Талибан (ТТП); Обе группы сотрудничали, чтобы организовать многочисленные нападения на пакистанские силы безопасности. В 2013 г.

¹ Glasser, Susan B. "U.S., Israeli Embassies Hit in Uzbek Bomb Attacks." Washington Post, 2004 URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/07/31/us-israeli-embassies-hit-in-uzbek-bomb-attacks/fe5109bb-1ef0-4c93-807f-3b4e6037df30/> (Дата обращения: 10.05.2020г)

² "Foreign Terrorist Organizations." U.S. Department of State, 2015. URL: <https://www.state.gov/foreign-terrorist-organizations/>

ИДУ и ТТП также сформировали совместное подразделение «Ансар аль-Асир» для освобождения членов ТТП из пакистанских тюрем.¹

В августе 2015 г., после периода ухудшения отношений с афганскими талибами, лидер ИДУ Усман Гази пообещал лояльность Исламскому государству (ИГИЛ). Впоследствии эта группа начала борьбу против правительственных сил в северных провинциях Афганистана и Пакистане вместе с региональным филиалом ИГИЛ, провинцией Исламское государство Хорасан. В конце 2015 г. последователи эмира Гази якобы сражались вместе с боевиками ИГИЛ в Афганистане против афганских талибов.

Несколько осколочных групп сформировались из ИДУ в ходе его боевой деятельности. Джамаат Ансарулла, таджикская отколовшаяся группа, сформировалась в ответ на заявление ИДУ о поддержке ИГ и подтвердила свою преданность талибам. Джундулла, военизированная группировка, базирующаяся в Афганистане, была отделена от ИДУ в 2009 г. после смерти эмира Юлдашева. Джундулла разделял аналогичные цели с ИДУ, и эти две группы поддерживали отношения благоприятного сотрудничества. Группа исламского джихада, позже переименованная в Союз исламского джихада, образованная в 2002 г. после перемещения ИДУ в Пакистан сотрудничала с ИДУ и сетью Хаккани для операций на юго-востоке Афганистана.²

Заключение и основные выводы. Постепенный вывод возглавляемых НАТО сил из Афганистана в настоящее время является наиболее широко обсуждаемым политическим событием в Центральной Азии. Правительства, дипломаты и аналитики по вопросам безопасности постоянно размышляют о последствиях сокращения контингента войск США для региона. Упрощенно утверждать, что вывод западных войск не окажет отрицательного воздействия. До тех пор, пока Афганистан не станет

по-настоящему стабилизированным под влиянием политического деятеля, который достаточно силен и желает нацелиться и ликвидировать джихадизм в Центральной Азии и его союзников, проблемы Кабула будут влиять на северных соседей страны.

Исламское движение Узбекистана и Союз исламского джихада- действительно опасные группы. Но до сих пор они не оказали такого же влияния на страны Центральной Азии, как талибы. ИДУ и СИД хорошо подготовлены и тесно связаны с транснациональным джихадизмом и «Аль-Каидой», и у них есть профессионализм, необходимый для того, чтобы бастовать на своих постсоветских землях. Но массовое распространение из Афганистана и Пакистана, которое дестабилизирует лидеров региона, - несбыточная мечта.

Фактически, влияние этих групп будет настолько значительным, насколько позволяют режимы в Центральной Азии. Угрожающие им джихадисты обречены оставаться небольшими группами, поскольку центральноазиатские общества явно не желают следовать экстремистскому политическому пути боевиков.

Правоохранительные органы Узбекистана ведут собственный список террористов и вносят вклад в базы данных Интерпола. Большинство пограничных постов и аэропортов оснащены сканерами биометрических данных. Узбекистан в основном завершил конвертацию всех паспортов в новую биометрическую версию и работает над введением международных биометрических паспортов для поездок за границу, начиная с января 2019 г. Правительства региона имеют прекрасную возможность после 2014 г. Режимы должны учредить необходимые операции полиции и пограничного контроля, чтобы избежать вторжений. В то же время они должны серьезно отнестись к другим проблемам, возникающим в Афганистане, включая незаконный оборот наркотиков, и работать в рамках международных органов, таких как Шанхайская

¹ Roggio, Bill. "25 Tajik soldiers killed in Islamist ambush." *The Long War Journal*, 2010.

² Mehl, Damon. "The Islamic Movement of Uzbekistan Opens a Door to the Islamic State." *Combating Terrorism*

Center, June 2015. URL: <https://ctc.usma.edu/the-islamic-movement-of-uzbekistan-opens-a-door-to-the-islamic-state/>

организация сотрудничества, для стабилизации своего южного соседа. И они должны противостоять искушению непропорционально утверждать опасность джихада за рубежом. Прежде всего, они должны сосредоточиться на разработке внутренней политики, которая в полной мере учитывает социальные и экономические проблемы, которые могут обеспечить джихадистов новыми новобранцами в будущем.

Лидеры Центральной Азии должны учиться на собственных ошибках прошлого и

на ошибках арабских авторитарных режимов и принять реформистский подход к решению политических и религиозных вопросов. Вероятно, потребуется смена поколений, чтобы этот урок был по-настоящему понятен. Подавление оппозиции и продвижение местного ислама сработали в краткосрочной перспективе, но таких инструментов может быть недостаточно в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

Аманбекова Ш. Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские исследования, 2018. Т. 1. № 3. С. 318-329.

Есентаева А. Фактор Афганистана во внешнеполитическом курсе центральноазиатских государств // Постсоветские исследования, 2019. Т. 2. № 3. С. 1111-1118.

Звягельская И.Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии // URL: niiss.ru/05.shtml (Дата обращения 10.06.2020).

Кадырова К.А. Основные тенденции практического применения концепции джихада в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014, № 3. С. 140-148

Мальшиева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 259-272.

Набиев Р.А., Шакиров И.Я. Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 83-90.

Сущность международного терроризма. Участие Республики Узбекистан в международных организациях по борьбе с терроризмом // Сайт Всемирной истории. URL: http://vsemirnayaistoriya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=84:2011-12-26-12-52-58&catid=8:2011-12-26-12-33-18&Itemid=2.

Аналитический доклад. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. С. 18.

“Islamic Movement of Uzbekistan.” Australian National Security, 2018. URL: <https://www.nationalsecurity.gov.au/Listedterroristorganisations/Pages/IslamicMovementofUzbekistan.aspx>

Ilkhamov Alisher, “Mystery Surrounds Tashkent Explosions.” Middle East Research and Information Project, 2004. URL: <https://merip.org/2004/04/mystery-surrounds-tashkent-explosions/>

Azamy, Hekmatullah. “Will the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) Trade the Taliban for ISIS?” Counter Terrorist Trends and Analyses, vol. 7, no. 6, 2015, pp. 30-35.

Kaura Vinay, “Uzbekistan ups its involvement in Afghanistan.” Middle East Institute, 2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/uzbekistan-ups-its-involvement-afghanistan>

Rabasa Angel, “The Caucasus and Central Asia. Beyond Al-Qaeda: Part 1, The Global Jihadist Movement”, RAND Corporation, 2006.

Mehl, Damon. “The Islamic Movement of Uzbekistan Opens a Door to the Islamic State.” Combatting Terrorism Center, June 2015. URL: <https://ctc.usma.edu/the-islamic-movement-of-uzbekistan-opens-a-door-to-the-islamic-state/>

Сведения об авторе: Бактыбаева Айжан Нурлановна, магистр в области международных отношений, КазНУ им. Аль-Фараби (e-mail: baktybayeva.aizhan@mail.ru).

References

- Amanbekova Sh.* Vliyanie afganskogo krizisa na process islamizacii Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya, 2018. T. 1. № 3. P. 318-329.
- Yesentayeva A.* Faktor Afganistana vo vneshnepoliticheskom kurse tsentral'noaziatskikh gosudarstv // Postsovetskiye issledovaniya, 2019. T. 2. № 3. P. 1111-1118.
- Zvyagel'skaya I.D.* K voprosu ob ugrozah bezopasnosti v Central'noj Azii [On the Question of Security Threats in Central Asia]. URL: niiss.ru/05.shtml2013 (in Russian).
- Kadyrova K.A.* Osnovnye tendencii prakticheskogo primeneniya koncepcii dzhihada v nachale XXI v. // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014, № 3. S. 140-148.
- Malysheva D.B.* Postsovetskaya Central'naya Aziya i Afganistan kak sfera peresecheniya interesov krupnykh aziatskikh gosudarstv // Vestnik Rossijskogo uni-versiteta dru- Эволюция исламского экстремизма в странах Центральной Азии 615 zhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 18, № 2. P. 259-272
- Nabiev R.A., Shakirov I.YA.* Arealy aktivizacii islamskikh fundamentalistskikh techenij v postsovetskih sredneaziatskikh gosudarstvakh // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. T. 15, № 3. P. 83-90.
- Sushhnost' mezhdunarodnogo terrorizma. Uchastie Respubliki Uzbekistan v mezhdunarodnykh organizacijah po bor'be s terrorizmom. Sajt Vsemirnoj istorii. Available from: http://vsemirna-yaistoriya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=84:2011-12-26-12-52-58&catid=8:2011-12-26-12-33-18&Itemid=2 (in Russ).
- Analiticheskij doklad. Ugroza mezhdunarodnogo terrorizma i religioznogo ekstremizma gosudarstvam – chlenam ODKB na tsentralnoaziatskom i afganskom napravleniyakh. M.: Analiticheskaya assotsiatsiya ODKB; Institut mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO MID Rossii. 2017. P. 18.
- “Islamic Movement of Uzbekistan.” Australian National Security, 2018. URL: <https://www.nationalsecurity.gov.au/Listedterroristorganisations/Pages/IslamicMovementofUzbekistan.aspx>
- Ilkhamov Alisher*, “Mystery Surrounds Tashkent Explosions.” Middle East Research and Information Project, 2004. URL: <https://merip.org/2004/04/mystery-surrounds-tashkent-explosions/>
- Azamy, Hekmatullah*. “Will the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) Trade the Taliban for ISIS?” Counter Terrorist Trends and Analyses, vol. 7, no. 6, 2015, pp. 30-35.
- Kaura Vinay*, “Uzbekistan ups its involvement in Afghanistan.” Middle East Institute, 2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/uzbekistan-ups-its-involvement-afghanistan>
- Rabasa Angel*, “The Caucasus and Central Asia. Beyond Al-Qaeda: Part 1, The Global Jihadist Movement”, RAND Corporation, 2006.
- Mehl, Damon*. “The Islamic Movement of Uzbekistan Opens a Door to the Islamic State.” Combating Terrorism Center, June 2015. URL: <https://ctc.usma.edu/the-islamic-movement-of-uzbekistan-opens-a-door-to-the-islamic-state/>

About the author: Baktybayeva Aizhan Nurlanovna, Master in International Relations, Kaz NU Al Farabi (e-mail: baktybayeva.aizhan@mail.ru).

Проблема цифровизации терроризма на пространстве СНГ

А.А. Барсегян, Е.А. Кернер

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В современном мире терроризм представляет собой серьезнейший вызов международной безопасности. Практически все страны мира столкнулись с этой угрозой. Опасность терроризма со временем усиливается, несмотря на то, что противодействие ему объявлено одним из приоритетных направлений в обеспечении безопасности многими государствами. Происходит это, во многом, по причине углубления наукоемкости терроризма. Модернизация общества и развитие информационных технологий привели к массовому использованию во всем мире Интернет. Ввиду стремительного развития информационной среды и всеобъемлющей цифровизации всех отраслей жизни общества все сильнее нарастает угроза информационного терроризма. С появлением глобальной сети появилась одна из наиболее опасных разновидностей киберпреступности – кибертерроризм, который, по сравнению с традиционным терроризмом, при совершении террористических акций прибегает к новейшим достижениям науки и техники. Особую опасность на пространстве СНГ представляет такое проявление кибертерроризма, как появление новых методов вербовки в террористические организации посредством сети Интернет. Современные террористы активно используют его возможности: легкий доступ в сеть, практически полное отсутствие цензуры, большой масштаб аудитории, анонимность и так далее. Кибертеррористы не закладывают бомб, не берут заложников. Они угрожают компьютерными средствами: выводом из строя крупной компьютерной сети какой-нибудь компании, уничтожением данных клиентов банков, нарушением работы заводов и электростанций и прочее. В статье рассмотрены подходы к определению и пониманию информационного терроризма, предпосылки его появления и развития на постсоветском пространстве, способы вербовки с помощью социальных сетей, основные методы в арсенале кибертеррористов, а так же деятельность Шанхайской Организации Сотрудничества в рамках борьбы с кибертерроризмом на пространстве СНГ. Несмотря на то, что в рамках ШОС достигнуты определенные успехи в данном направлении, такие как заключение Соглашения ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, перед странами-участницами стоит проблема выработки единого подхода к борьбе с кибертерроризмом, который бы соответствовал темпам технологического развития.

Ключевые слова: международный терроризм, кибертерроризм, информационный терроризм, вербовка, радикализация человека, СНГ, Российская Федерация, Китай, ШОС.

The problem of terrorism's digitalization in the CIS

A.A. Barsegian, E.A. Kerner

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. In today's world, terrorism is a major challenge to international security. Almost all countries of the world face this threat. Its danger increases over time, despite the fact that countering it is identified as one of the priority directions in ensuring security by many countries. This is largely due to the increasing knowledge intensity of terrorism. The modernization of society and the development of information technologies have led to the mass use of the Internet all over the world. In view of the rapid development of the information environment and the comprehensive digitalization of all sectors of society, the threat of information terrorism is increasing. With the advent of the global network, one of the most dangerous types of cybercrime – cyberterrorism – has emerged, which, in comparison with traditional terrorism, resorting to the latest achievements of science and technology, when committing terrorist acts. A particular danger in the CIS area is such a manifestation of cyber terrorism as the emergence of new methods of recruitment to terrorist organizations via the Internet. Modern terrorists actively use its capabilities: easy access to the network, almost complete absence of censorship, a large scale of the audience, anonymity, and so on. Cyberterrorists

don't plant bombs or take hostages. They threaten with computer tools: disabling a large computer network of a company, destroying the data of bank customers, disrupting the operation of factories and power plants, etc. The article considers approaches to the definition and understanding of information terrorism, the prerequisites for its appearance and development in the post-Soviet area, methods of recruitment using social networks, the main methods in the arsenal of cyber terrorists, as well as the activities of the Shanghai Cooperation Organization in the fight against cyber terrorism in the CIS area. Despite the fact that the SCO has made some progress in this direction, such as the conclusion of the SCO Agreement on cooperation in the field of international information security, the participating countries face the problem of developing a unified approach to the fight against cyber terrorism that would be consistent with the pace of technological development.

Key words: international terrorism, cyber terrorism, information terrorism, recruitment, radicalization of a person, CIS, Russian Federation, China, SCO.

Из-за стремительного развития информационной и цифровой среды перед странами открываются не только грандиозные перспективы улучшения социально-экономического и культурного развития населения, а также повышения его качества жизни, но и новые угрозы внутренней и международной безопасности. Одной из таких угроз стал выход терроризма в цифровое пространство, зарождение феномена "кибертерроризм". На проблему кибертерроризма в сфере международных отношений нет единого взгляда. Можно рассматривать кибертерроризм, как производное от классического терроризма, т.е. это только один из методов в арсенале террористических группировок [Горбенко 2017: 105-114]. С другой стороны, можно рассматривать кибертерроризм, как продолжение киберпреступности: совершение преступлений в киберпространстве против государств, их правительств и т.д. [Горбенко 2017: 105-114].

В целом, кибертерроризм можно охарактеризовать как противоправные действия против общественной, личной и национальной безопасности посредством намеренного искажения информации, предоставления ложных сведений или организации атаки в информационном пространстве для достижения социально-политических целей, а именно для дезорганизации общества, нанесения ущерба национальной безопасности государства [Чжэн 2018].

В арсенале кибертеррористов широкий спектр методов нанесения дестабилизирующего эффекта: от выведения из строя социально значимой инфраструктуры (например, в 2012 г. с разницей в несколько дней были практически полностью выведены из

строения корпоративные сети нефтедобывающей компании Саудовской Аравии и компании по сжижению природного газа Катара¹), до кражи персональных данных населения, компаний и государственных учреждений (кибератака "Красный Октябрь", которой подверглись правительственные структуры стран мира, их дипломатические ведомства, исследовательские институты, торговые и коммерческие структуры, нефтяные и газовые компании, аэрокосмическая отрасль²).

Практически у каждого государства существует своя трактовка понятия кибертерроризм, разрабатывается собственная нормативно-правовая база, определяющая борьбу с ним, что неэффективно в условиях глобальной цифровизации. Пример коллективных договоренностей можно встретить в сфере преступности в цифровом пространстве: в 2001 г. Совет Европы разработал конвенцию о компьютерных преступлениях³. В случае кибертерроризма комплексных соглашений между несколькими международными акторами нет.

С момента распада СССР на территории СНГ имели место кибератаки на критически значимую государственную инфраструктуру. В 1999 г. кибернападению подверглась компания «Газпром», когда с помощью ви-

¹ Saudi Aramco repairing damage from computer attack. 26.08.2012. URL: <https://www.reuters.com/article/saudi-aramco-hacking/saudi-aramco-repairing-damage-from-computer-attack-idUSL5E8JQ43P20120826>

² Как "Лаборатория Касперского" охотилась за "Красным октябрем". 31.01.2013. URL: <https://ria.ru/20130131/920622193.html>

³ Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях. 23.11.2001. // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 20.03.2020).

руса-тройна был получен доступ к системе, контролирующей подачу газа. В 2015 г. была совершена атака на электросеть Украины, в результате чего больше полумиллиона жителей остались без света, и был нанесен технический ущерб крупному металлургическому заводу. Как было сказано ранее, совершение атак в киберпространстве с целью нанесения ущерба государственной инфраструктуре и социально-экономическому состоянию общества можно приравнивать к кибертерроризму, а значит, вышеперечисленные случаи могут быть рассмотрены в контексте данного исследования.

Кроме того, особое значение для пространства СНГ имеет такое проявление кибертерроризма как информационное воздействие. В первую очередь речь идет о пропагандистской работе террористических организаций и вербовке в их ряды. Причины особой опасности этого феномена раскрываются ниже.

Вербовка как привлечение людей к военной службе появилась ещё в Средние века. Изначально иностранные граждане вербовались в армии лишь на время военных действий. Как механизм комплектования войск на постоянной основе вербовка стала применяться во Франции XV в. [Новицкий 1911: 212].

С появлением международного терроризма именно вопрос привлечения всё большего количества членов в террористические организации стал одним из самых ключевых для данных организаций. Особо хочется отметить преуспевшие в этом направлении террористические организации леворадикального толка, например, ГРАПО, «Красные бригады» и исламские террористические организации, например, запрещенные на территории РФ¹ «Аль-Каида» и «Исламское Государство».

С дальнейшим развитием технологий в нашу жизнь активно стали входить новые средства связи и сеть Интернет. И это не могло не сказаться на адаптации и приспособлении к подобным новым методам террористических организаций.

Однако, прежде чем приступить непосредственно к анализу новых методов вербовки, необходимо определить предпосылки, которые изначально сказываются на той или иной предрасположенности человека ко вступлению в подобные организации и дальнейшее функционирование в них.

И действительно, многие учёные, в частности социологи, пытались дать подобному явлению как радикализация индивида множество объяснений, разбирали данную проблему, в том числе, чтобы выстраивать новые механики противодействия вербовкам [Hegghammer 2012: 9]. К сожалению, учитывая специфику подобных работ и противодействие терроризму со стороны специальных служб, таких как, например, ФСБ в Российской Федерации, получить доступ к подобным научным работам не представляется возможным. Однако изучение данной темы идёт.

Так, учёные изучают эту проблему с точки зрения анализа предпосылок, радикализирующих человека. В частности, выделяют социально-экономические предпосылки и анализ психологии. Дать точный «портрет» человека, подверженного вербовке, данные исследования не могут, однако, их результат позволяет создать определённый фундамент. В частности, чаще всего террорист образован [Alan 2007: 52] и при этом у него низкий достаток [Humphreys 2008: 441]. Первое исследование, например, опровергает распространённый миф о том, что к террористам примыкают лишь необразованные люди. Можно также предположить, что развитие технологий анализа больших данных станет одним из самых перспективных направлений в противодействии вербовке в ближайшее время.

Существует два подхода к вербовке людей: активный и пассивный. Активный тип подразумевает под собой непосредственный контакт вербовщика с человеком. Пассивный же происходит, в частности, из-за того, что человек самостоятельно радикализируется. Вышеперечисленные тезисы о предпосылках того или иного человека к радикализации подходят под оба типа. Для начала необходимо рассмотреть активную вербовку

¹ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>

ку. Она состоит из четырёх этапов: во-первых, формируется мобильный потенциал, во-вторых, активизируются вербовочные сети, в-третьих, происходит побуждение к участию, формирование мотивации, и в-четвёртых, ликвидация барьеров для участия [Klandermans 1987: 522].

Во всех этих этапах, в частности, в двух последних, активную роль играет непосредственно вербовщик. Досконально выяснить механику личной вербовки конкретного человека не представляется возможным. Очевидным является тот факт, что при вербовке рекрутер должен обращать внимание на незначительные мелочи в поведении, в одежде, в размышлениях и уже от них исходить в своих методах. Более того, на этом будет сказываться множество факторов, начиная от улицы, на которой происходит вербовка, заканчивая континентом [Bacharach 2001: 19]. В связи с этим, точно определить факторы, по которым вербовщики определяют цель, не представляется возможным.

Пассивная вербовка становится особо опасной именно из-за развития сети Интернет, и выхода в неё различных террористических организаций для распространения медиаматериалов, ставящих своей целью воздействие на широкую аудиторию. Пассивная вербовка происходит путём распространения идей и убеждений организации через информационные материалы, через видео с обращением к широкому кругу лиц, через средства массовой коммуникации и так далее. При этом стоит отметить, что финансирование как активной, так и пассивной вербовки зачастую незначительное [Ширкин 2018: 108].

Помимо распространения медиаматериалов, вербовщики прибегают к методу онлайн-рекрутинга [Голяндин 2013: 39]. Этот метод особо распространён в странах СНГ. Вербовка граждан из разных стран-участниц ШОС, представляет собой одну из опасностей, исходящих со стороны запрещенной на территории РФ террористической организации «Исламское Государство». ИГ активно вербует выходцев из центрально-азиатских республик. По данным ФСБ РФ, по состоянию на 2015 г. свыше 5 тыс. граж-

дан РФ и государств Центральной Азии воевали на стороне ИГ¹.

В Российской Федерации первым законом, вмешивающимся в Интернет, стал, так называемый, «Закон Яровой», принятый 13 мая 2016 г. Государственной Думой в первом чтении и окончательно сформировавшийся с учётом поправок в июне того же года². Принятие «Закона Яровой» было направлено именно на противодействие террористической деятельности в сети Интернет. Несмотря на подобную цель, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека отрицательно отнёсся к идее такого законопроекта³.

Онлайн-рекрутинг представляет из себя видоизменённую воронку продаж, широко применяемую в стандартной рекламе. Изначально человек заходит на сайт либо непосредственно террористической организации, либо так или иначе связанный с идеями, пропагандируемыми данными организациями. Затем главной целью вербовщиков является втягивание человека в диалог. При этом, не имеет значения, критикует или поддерживает эти идеи человек. В дальнейшем, повышая уровень дискуссии, человека втягивают в продолжение обсуждений в от-

¹ ФСБ: свыше 5 тысяч граждан из России и стран Центральной Азии воюют на стороне ИГ [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/politika/2272750> (дата обращения: 01.04.2020)

² Справка о результатах голосования по вопросу: (первое чтение) О проекте федерального закона № 1039101-6. — Текст : электронный // Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. — URL: <http://vote.duma.gov.ru/vote/94599> (дата обращения: 09.05.2020).

³ Экспертное заключение на проекты Федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». — Текст : электронный // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека : [сайт]. — URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/3151/> (дата обращения: 09.05.2020).

дельных закрытых чатах [Голяндин 2013: 40]. Преимущественно, подобные чаты создаются в мессенджере с повышенной анонимностью и шифрованием, в частности, в «Телеграм». Именно действия, связанные с вербовкой и функционированием террористических группировок, привели к блокировке данного мессенджера на территории Российской Федерации Роскомнадзором 16 апреля 2018 г.,¹ что вызвало возмущение среди граждан и проведение митингов в защиту популярного мессенджера².

Ещё одним важным аспектом в онлайн-рекрутинге является геймификация процесса вербовки путём проведения в сети Интернет различных игр, таких как, например, «Большая игра. Сломай систему» [Голяндин 2013: 40]. Несмотря на то, что общество «Северное братство», проводившее данную игру, признано экстремистским, но не признано террористической организацией, провести грань между ними достаточно сложно, а методы работы по вербовке новых членов и работе в сети Интернет сопоставимы.

Однако большим заблуждением будет искать причины вербовки и развития террористических организаций лишь в развитии сети Интернет как таковой. Гораздо большую роль играет именно фактор социального положения человека и его психологические особенности, о чём говорилось в первой части данного исследования.

В последнее время с точки зрения вербовки особое внимание уделяется также непосредственно социальным сетям. Вызвано это усиливающимся проникновением именно этих форм виртуального общения в наши повседневные жизни. Некоторые террористы, например, могут публиковать какую-либо информацию о своих взглядах и деятельности (при условии должной конспирации) в социальных сетях типа «Вконтакте», «Инстаграм», «Фейсбук», «Ютуб» и

других. На популярности социальных сетей у террористов и вербовщиков сказывается и относительно дешёвая стоимость общения, равная регулярной плате за доступ в сеть Интернет [Md 2018: 141]. В свою очередь, социальные сети позволяют без крупного финансирования распространять и различные мифы, выгодные террористическим организациям и вербовщикам. В частности, на пространстве Союза Независимых Государств широко распространён миф о том, что ислам является самой мирной религией. Пользователи социальных сетей могут и не задуматься, что само построение предложения подобным образом является разжиганием межрелигиозной розни.

Пространство сети Интернет и правда усиливает вероятность вербовки и распространения идей различных террористических организаций. Обусловлено это ещё и тем, что не существует какой-либо мировой нормативно-правовой базы, направленной на антитеррористическую деятельность. Это вызвано отсутствием централизованного контроля за сетью Интернет [Md 2018: 141].

Принимая во внимание вышеперечисленные угрозы для постсоветского региона, порожденные кибертерроризмом, особое значение имеет деятельность ШОС в направлении консолидации усилий ее участников в борьбе с кибертерроризмом.

Изначально, ШОС была создана для консолидации усилий стран-участниц по борьбе и предупреждению актов терроризма, сепаратизма и экстремизма в Центральной Азии. Следовательно, в том числе и в киберпространстве.

В Соглашении ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности дано определение понятия "информационный терроризм". Информационный терроризм - это использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в террористических целях³. Среди механизмов противодействия информационному терроризму в Соглаше-

¹ Роскомнадзор начал процедуру блокировки Telegram. — Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/5129977> (дата обращения: 09.05.2020).

² Число участников митинга в защиту Telegram достигло 12 тысяч человек. Дуров назвал акцию беспрецедентной. — Текст : электронный // Republic : [сайт]. — URL: <https://republic.ru/posts/90679> (дата обращения: 09.05.2020).

³ Соглашение между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 2009. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289626>

нии упомянуты регулярные консультации уполномоченных представителей и компетентных органов государств, компетентные органы стран-участниц могут напрямую взаимодействовать по данному вопросу, а также заключать соответствующие договоры межведомственного характера¹. Однако, передачи информации между странами-участницами не предусмотрена, в случае если это может нанести ущерб национальным интересам или информация относится к категории государственных тайн². Кроме того, ратифицировали его только 4 страны: Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан.

Региональный антитеррористический центр Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС) работает над созданием механизма эффективного сотрудничества по борьбе с террористической деятельностью в киберпространстве³. Сотрудничество в сфере борьбы с кибертерроризмом планируется осуществлять по следующим направлениям: разработка и проведение совместных мер по борьбе с кибертерроризмом, совершенствование нормативно-правовой базы в данной сфере; регулярное проведение мониторинга и общего реагирования на киберугрозы; противодействие распространению материалов соответствующей направленности; совершенствование законодательной базы государств-членов ШОС по борьбе с кибертерроризмом.

В 2018 г. на 16-м заседании генпрокуроров стран ШОС в Душанбе представителем Казахстана была выдвинута инициатива по принятию более универсального совместного правового документа по противодействию кибертерроризму⁴. Годом позже восемь стран ШОС в г. Сямэне провели совместные учения по борьбе с кибертеррориз-

мом, целью которых было улучшение координации между участниками в области борьбы с интернет-терроризмом⁵. Под эгидой ШОС был проведен семинар-тренинг по борьбе с кибертерроризмом для представителей правоохранительных структур стран-участниц Хайдарабаде, Индия⁶.

Стоит отметить, что единодушие в отношении оценки опасности кибертерроризма между странами-участницами ШОС не вылилось в создание особого документа, определяющего основные принципы и механизмы борьбы с ним. В значительной мере это осложняется тем, что в настоящее время в уголовных законах стран-участниц не закреплено понятие кибертерроризма.

Базой для создания эффективных систем защиты от атак кибертеррористов могут стать программы ключевых участников ШОС – РФ и КНР. В России уже несколько лет создается Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА) в соответствии с федеральным законом №187-ФЗ от 26.07.2017 г. «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». В рамках работы этой системы между важнейшими организациями страны будет работать система обмена информацией о кибератаках. За 2018 г. с помощью системы ГосСОПКА было выявлено более 4,3 млрд компьютерных воздействий на критическую информационную инфраструктуру⁷.

Одной из функций китайской системы Golden Shield ("Золотой щит", электронный барьер, контролирующий информационные потоки) является противодействие кибертерроризму. Принцип работы системы заключается в том, что вся цифровая информация китайских пользователей проходит через фильтрующие ее "шлюзы". Особенно-

¹ Соглашение между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 2009. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289626>

² Там же

³ РАТС ШОС создал механизм по борьбе с кибертерроризмом. Центральный интернет портал Шанхайской Организации сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=15066>

⁴ Казахстан предложил странам ШОС вместе бороться с кибертерроризмом. Центральный интернет портал Шанхайской Организации сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=19351>

⁵ Страны ШОС провели учения по борьбе с кибертерроризмом. Центральный интернет портал Шанхайской Организации сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=17542>

⁶ Спецслужбы ШОС обсудят в Индии вопросы борьбы с кибертерроризмом. Центральный интернет портал Шанхайской Организации сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=20555>

⁷ В России выявили свыше четырех млрд кибератак на критические инфраструктуры. РИА. URL: <https://ria.ru/20181211/1547799590.html>

стью системы является небольшое количество компаний, поддерживающих работу этих шлюзов и предоставляющих доступ во всемирную сеть. Данная система подвергается критике со стороны Запада, как ограничивающая гражданские права населения Китая, что может помешать ей стать универсальной для всех участников ШОС. Однако, некоторые принципы ее работы могут быть применены в целях борьбы с разрушительным потенциалом кибертерроризма.

Международный терроризм в информационную эпоху приобретает особенно деструктивный характер. Во-первых, это связано с появлением в арсенале террористических группировок и организаций новых методов нанесения дестабилизирующего эффекта, во-вторых, с возрастающим влиянием цифровых технологий на жизнь общества и функционирование инфраструктуры государства. Киберпространство быстро реагирует на меняющуюся политическую ситуацию, а террористические организации способны внедрять технические инновации оперативнее, чем государственные структу-

ры. Отсутствие централизованного контроля над киберпространством - плодородная почва как для нанесения экономического урона государству и обществу посредством кибератак, так и для оказания деморализующего эффекта и расширения сетевой структуры за счет распространения идей террористических организаций и вербовки.

Подводя итог, можно сказать, что у Шанхайской Организации сотрудничества есть основания стать региональным центром по координации борьбы с интернет-терроризмом, особенно принимая во внимание эффективность ее работы по предотвращению террористических актов в Центральной Азии и единодушные взгляды на данную проблему. Основной проблемой на пути к становлению таким центром является запаздывание разработки соответствующей нормативной-правовой базы и, как следствие, увеличение разрыва между темпами технологического развития и реакции государственных институтов стран-участниц ШОС на него.

Библиографический список

- Alan, B. K.* What Makes a Terrorist? Economics and the Roots of Terrorism / B. K. Alan. // Princeton University Press. – 2007.
- Bert, Klandermans* Potentials, networks, motivations, and barriers: Steps towards participation in social movements / Klandermans Bert, Oegema Dirk. // American Sociological Review. – 1987. – № 52(4). – С. 519–531.
- Macartan, Humphreys* Who fights? The determinants of participation in civil war / Humphreys Macartan, M. W. Jeremy. // American Journal of Political Science. – 2008. – № 52(2). – С. 436–455.
- Md, S. H.* Social Media and Terrorism: Threats and Challenges to the Modern Era / S. H. Md. // South Asian Survey. – 2018. – № 22(2). – С. 136–155.
- Michael, Bacharach* Trust as type detection. In: Christiano Castelfranchi & Yao-Hua Tan (eds) / Bacharach Michael, Gambetta Diego. // Trust and Deception in Virtual Societies. – 2001. – С. 1-22.
- Thomas, Hegghammer* The recruiter's dilemma: Signalling and rebel recruitment tactics / Hegghammer Thomas. // Journal of Peace Research. – 2012. – № 50(1). – С. 3–16.
- Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курьлев К.П.* Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. №4. С. 738-748.
- Голядин, Н. П.* Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации / Н. П. Голядин, А. В. Горячев. // Вестник краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 2(20). – С. 37-40.
- Горбенко А.* Кибертерроризм как новая форма терроризма: проблемы противодействия // Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией О. И. Чердакова. М., 2017 С. 105-114.

- Новицкий, В. Ф.* Военная энциклопедия / В. Ф. Новицкий, И. Д. Сытин. — 1-е изд. — Санкт-Петербург., 1911. — с 212. — Текст: непосредственный.
- Сизых Е.Ю., Гайнетдинова А.К.* Перспективы развития сотрудничества в сфере противодействия кибертерроризму в рамках ШОС. // Global and Regional Research. // Т. 1. 2019. С. 171-175.
- Чжэн И.* Сотрудничество РФ и КНР в борьбе с кибертерроризмом. Вестник МГОУ. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-rf-i-kr-v-borbe-s-kiberterrorizmom>
- Ширкин, А. А.* Теория финансирования вербовки в террористических целях. Анализ связанных с вербовкой расходов / А. А. Ширкин, О. С. Ерашова. // Государственная служба и кадры. — 2018. — № 3. — С. 108-110.

Сведения об авторах: Барсегян Асмик Арменовна – магистр в области международных отношений РУДН (e-mail: 1032193929@rudn.ru); Кернер Екатерина Александровна – магистр в области международных отношений РУДН (e-mail: 1032193526@pfur.ru).

References

- Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P.* Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidacii rossiiskogo obshchestva // Vestnik RUDN. Seria: Mezhdunarodnie otnosheniya. 2017. V. 17. №4. S. 738-748.
- Golyandin, N. P.* Motivacii verbovki v ekstremistskie i terroristicheskie organizacii / N. P. Golyandin, A. V. Goryachev. // Vestnik krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. — 2013. — № 2(20). — S. 37-40.
- Gorbenko A.* Kiberterrorism kak novaya forma terrorizma: problemi protivodeistviya // Destruktivnoe vliyanie terrora na politicheskuyu sistemu i pravovuyu sredu Rossiiskogo gosudarstva: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii. Pod redakciej O. I. Cherdakova. M., 2017 S. 105-114.
- Novickij, V. F.* Voyennaya enciklopediya / V. F. Novickij, I. D. Sitin. — 1-e izd. — Sankt-Peterburg., 1911. — s 212. — Текст: neposredstvenij.
- Sizix E.Y., Gainetdinova A.K.* Perspektivi razvitiya sotrudnichestva v sfere protivodeystviya kiberterrorizma v ramkax SHOS. // Global and Regional Research. // Т. 1. 2019. S. 171-175.
- Chzhen I.* Sotrudnichestvo RF i KNR v bor'be s kiberterrorizmom. Vestnik MGOU. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-rf-i-kr-v-borbe-s-kiberterrorizmom>
- Shirkin, A. A.* Teoriya finansirovaniya verbovki v terroristicheskix celyah. Analiz svyazannyh s verbovkoj raskhodov / A. A. SHirkin, O. S. Erashova. // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. — 2018. — № 3. — S. 108-110.

About the authors: Barsegian Asmik A. – Master of International Relations, RUDN University (e-mail: 1032193929@rudn.ru); Kerner Ekaterina A. – Master of International Relations, RUDN University (e-mail: 1032193526@pfur.ru).

Проблема обеспечения кибербезопасности в Белоруссии, России и Украине

И.В. Декола, А.Д. Магомедова, Б.Э. Петрашко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. На современном этапе своего развития человечество сталкивается не только с изменениями, связанными с глобализацией и научно-техническим прогрессом, но и с совершенно новыми вызовами и угрозами, которые несет в себе динамично развивающееся общество. Быстрое развитие цивилизации требует должного правового регулирования новых групп общественных отношений, которые до недавнего времени вообще не рассматривались как объекты правового регулирования. К новейшим сферам можно отнести ядерную энергетику, генные технологии, космос. Одной из таких составляющих общественной жизни также стало киберпространство, которое на протяжении последних десятилетий активно развивается, становясь неотъемлемой частью жизни общества. Стремительное развитие научных, информационных и коммуникационных технологий и постепенное превращение киберпространства в поле и инструмент противостояния привели к возникновению новых существенных проблем в сфере международной безопасности, одной из которых стала угроза кибертерроризма. Данными факторами определена актуальность статьи. Авторами особо отмечаются несопоставимые темпы развития террористической деятельности в киберпространстве и противодействующему ей юридическому регулированию. В настоящей статье рассматривается проблема кибертерроризма в Республике Беларусь, Российской Федерации и Украине. Авторы исследуют правовое регулирование норм по противодействию терроризму в интернет-пространстве, осуществляемое посредством национальных законодательств, противодействие актам кибертерроризма в практике государств и методы борьбы с кибертеррористической деятельностью. При работе над исследованием авторами применены метод описательного линейного анализа, метод когнитивного картирования, а также метод системного анализа правовых документов.

Ключевые слова: кибербезопасность, кибертерроризм, киберпреступность, международный терроризм, контртерроризм, национальная безопасность, Российская Федерация, Украина, Республика Беларусь, национальное законодательство.

The problem of providing cybersecurity in Belarus, Russia and Ukraine

I.V. Dekola, A.D. Magomedova, B.E. Petrashko

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. At the present stage of development, humanity is faced not only with changes of globalization and technological progress, but also with completely new challenges and threats posed by a dynamically developing society. The rapid development of civilization requires proper legal regulation of new groups of social relations, which until recently were not considered as objects of legal regulation at all. The newest sphere includes nuclear power, genetic technologies, and space. Cyberspace has also become one of these components of public life, which has been actively developing over the past decades, becoming an integral part of society's life. The rapid development of scientific, information and communication technologies and the gradual transformation of cyberspace into a field and instrument of confrontation have led to the emergence of new significant problems in the field of international security, one of which is the threat of cyberterrorism. These factors determine the relevance of the article. The authors emphasize the disparate pace of development of terrorist activities in cyberspace and the legal regulation that counteracts it. This article examines the problem of cyberterrorism in the Republic of Belarus, the Russian Federation and Ukraine. The authors study the legal regulation of norms on countering terrorism in the Internet, implemented through national legislation, the counteraction to acts of cyberterrorism in the practice of States and methods of combating cyberterrorism.

Keywords: cybersecurity, cyberterrorism, cybercrime, international terrorism, counterterrorism, national security, the Russian Federation, Ukraine, the Republic of Belarus, national legislation.

Основное отличие кибертерроризма от других угроз терроризма в XXI в. – его доступность и всеобъемлющий характер. Если рассматривать другие новые типы проявления терроризма, их объединяет технологическая недоступность, сложность, дороговизна. Предпринятые усилия могут оказаться недостаточными или даже тщетными [Бочарников 2018]. Для кибертерроризма наоборот, всеобщая компьютеризация, информатизация общественных процессов, переход большего количества информации в киберпространство становится преимуществом. Распространение террористической пропаганды не ограничивается ни регионом ни определенным кругом лиц, характеризуется мгновенными способами коммуникации, а также террористы посредством кибератак могут получить доступ к различным базам данных как государственных, так и частных структур [Журавлев 2013]. Тем самым феномен кибертерроризма характеризуется своей многовекторностью, выраженным международным характером и представляет угрозу не только обществу, но и государственной безопасности стран мира.

Таким образом, по своему разрушительному потенциалу кибертерроризм является не меньшей угрозой безопасности, чем угрозы применения оружия массового уничтожения террористическими организациями [Косарев 2017]. Интернет сегодня используется террористами как один из главнейших инструментов для осуществления своей деятельности. Уникально, что интернет сегодня в полной мере может стать как объектом, так и субъектом действий террористического характера.

В своем отчете «Использование интернета в террористических целях» ООН выделяет несколько основных путей осуществления террористической деятельности посредством сети «Интернет»,¹ среди них организация выделяет: пропаганду террористической идеологии, финансирование организаций и террористических акций, под-

готовку террористов, планирование террористической деятельности, исполнение, а также кибератаки.

Несмотря на широкий спектр использования террористами интернета, глобальная сеть также предоставляет уникальные возможности для противодействия распространению террористической идеологии, пресечения террористических актов и сбора данных о террористической деятельности органами власти. Учитывая объемы информационных данных и необходимость их обработки повсеместно, необходимо укрепление международного сотрудничества в этой сфере.

Ключевым органом по противодействию терроризму в рамках ООН является Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), которое активно участвует в работе Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий, оказывает техническую и правовую помощь в целях борьбы с терроризмом. На базе УНП ООН ведется координация действий контртеррористической направленности, в том числе контрпропаганда, разработка благоприятных стратегий в борьбе с терроризмом и сбор разведывательной информации о террористической деятельности, в том числе в киберпространстве.

В результате деятельности управления, в 2006 г. была принята Контртеррористическая стратегия ООН, однако стоит отметить, что противодействие терроризму в киберпространстве является наименее разработанным направлением как на межгосударственном уровне, так и на национальном ввиду своих особенностей.

Учитывая территориальное расположение государств, рассматриваемых в статье, стоит отметить, что на постсоветском пространстве первой страной, утвердившей уголовную ответственность за террористические преступления в глобальной сети, стала Грузия [Буткевич 2019]. В статье 324.1 Уголовного Кодекса Грузии также дано определение киберпреступлениям террористического характера, а именно: противоправное завладение охраняемой законом компьютерной информацией, ее использо-

¹ United Nations Office on Drugs and Crime, The Use of Internet for Terrorist Purposes, in, The United Nations, Vienna, 2012

вание или угроза использования, создающее опасность наступления тяжких последствий, совершенное в целях устрашения населения или (и) воздействия на орган власти¹. Важно отметить, что террористическими признаются киберпреступления непосредственно предполагавшие и/или повлекшие тяжкие и особо тяжкие последствия.

Говоря о роли СНГ в ужесточении правового регулирования контртеррористической деятельности в киберпространстве, следует отметить модельный закон СНГ «О борьбе с терроризмом»,² в котором выделяется в отдельную главу Информационно-пропагандистское обеспечение борьбы с терроризмом. Однако не рассматривается использование информационных технологий в пресечении кибертерроризма, ни их разработка [Бочарников 2013].

С другой стороны, в рамках Антитеррористического центра СНГ реализуется комплекс мер по созданию концепции сотрудничества органов безопасности и спецслужб в сфере информационного противодействия терроризму и экстремизму. Предполагается создание единого правового поля стран СНГ по осуществлению контртеррористической деятельности в информационном поле [Титлов 2019].

В рамках данной концепции Антитеррористическим центром СНГ реализуется комплекс мер, направленных на создание единого правового поля в сфере информационного противодействия терроризму. В ОДКБ, в свою очередь отмечается, что информационное противодействие терроризму является одним из приоритетных направлений деятельности организации. Примечательна работа ОДКБ в сфере контрпропаганды терроризма, насилия, экстремизма и наркотических веществ [Титлов 2019]. Не исключено создание Совета по координации информационной политики, задачей которо-

го будет являться реализация целей и задач организации в контртеррористической деятельности в информационном пространстве, как в СМИ, так и в сети «Интернет». В 2014 г. на базе ОДКБ был создан Консультационный координационный центр ОДКБ по вопросам реагирования на компьютерные инциденты [Шагапсоев 2018].

Акты кибертерроризма и методы борьбы с киберпреступностью в Республике Беларусь

Для того, чтобы полноценно исследовать тему борьбы с кибертерроризмом в Республике Беларусь, в первую очередь необходимо дать определение кибертерроризму. Так, согласно «Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» от 18 марта 2019 г. «кибертерроризм – атаки на информационные системы, несущие угрозу здоровью и жизни людей, а также способные спровоцировать нарушения функционирования критически важных объектов в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо устрашения населения, либо дестабилизации общественного порядка».³

Более того, в этом документе отмечается: «Деяния, причиняющие существенный вред правоохраняемым интересам в информационной сфере или создающие опасность его причинения, криминализируются в уголовном законе в соответствии с существующими мировыми подходами. Реализуются шаги по снижению угроз киберпреступности, в том числе кибертерроризма, расследованию и пресечению действий вовлеченных в террористическую деятельность лиц, перекрытию каналов пропаганды терроризма, привлечения и вербовки сторонников, поощрения и провоцирования террористической активности, финансирования терроризма. Вводятся правовые режимы безопасности информации и информационных ресурсов, технические условия и политики безопасности. Осуществляется выявление и привлечение к установленной законом ответственности лиц, наносящих вред госу-

¹ Законодательный Вестник Грузии-ЗВГ, 41(48), 13/08/1999. Статья 3241. Кибертерроризм (25.07.2006 N3530) // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=212>

² Модельный закон о борьбе с терроризмом (новая редакция) Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 апреля 2004 г. N 23-5. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901912313>

³ Концепция информационной безопасности Республики Беларусь 2019 г. // URL: http://pravo.by/upload/docs/op/P219s0001_1553029200.pdf

дарственным информационным системам, обеспечивается государственная защита интересов граждан и организаций вне зависимости от форм собственности».¹

В то же время других законодательных актов, которые регламентировали бы противодействие кибертерроризму – нет, что, на наш взгляд, объясняется подходом, избранным правительством Республики Беларусь. Согласно этому подходу кибертерроризм является продолжением терроризма, ввиду чего нормы, относящиеся к терроризму, могут быть применены и к кибертерроризму. В свою очередь, правовую основу борьбы с терроризмом составляют: Конституция Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом», «Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь», локальные нормативные правовые акты и международные договоры Республики Беларусь.

Например, в Конституции Республики Беларусь в статье 10 отмечается, что «гражданину Республики Беларусь гарантируется защита и покровительство государства...»²; в Уголовном кодексе Республики Беларусь закреплены статьи 124 «Акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации», 126 «Акт международного терроризма», 289 «Акт терроризма», 290 «Угроза совершения акта терроризма», 359 «Акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля», 361 «Призывы к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь»³; в статье 9 Закона Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» указано, что сообщение гражданами государственным органам о ставших известными им сведениях о террористической деятельности является долгом каждого и поощ-

ряется государством⁴; в «Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь» одной из обозначенных целей является осуществление предупреждения, выявления, пресечения и минимизации последствий террористической деятельности⁵; государство активно участвует в международных универсальных договорах по противодействию терроризму («Конвенция о борьбе с захватом заложников», «Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом», «Конвенция о борьбе с финансированием терроризма» и др.).

Однако стоит отметить большое число актов кибертерроризма на территории Республики Беларусь, потребовавших немедленного реагирования со стороны правоохранительных органов. Так, начиная с 2019 г., практически каждый месяц поступали сообщения о минировании зданий по электронной почте.⁶ В период с 5 февраля 2019 г. по 9 мая 2020 г. было совершено 11 актов кибертерроризма – большинство из которых – сообщения о минировании аэропортов, торговых центров и других мест массового скопления людей.^{7 8} Ни в одном случае не было найдено взрывчатых веществ,⁹ однако, правоохранительными органами были приняты все необходимые меры по обеспечению безопасности в кратчайшие сроки.¹⁰

Во всех 11 случаях было возбуждено уголовное дело по ч.1 ст.340 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Заведомо

¹ Концепция информационной безопасности Республики Беларусь 2019 г. // URL: http://pravo.by/upload/docs/op/P219s0001_1553029200.pdf

² Конституция Республики Беларусь 1994 г. // URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. // URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>

⁴ Закон Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» 2002 г. // URL: <http://kgb.by/ru/zakon77-3/>

⁵ Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь 2013 г. // URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21300658>

⁶ Нашли ли «минеров», из-за которых эвакуировали вокзалы и торговые центры Минска? Ответ МВД. // URL: <https://people.onliner.by/2019/06/04/lzheminery>

⁷ Неизвестные «заминировали» кассы «Белавиа» в Минске и Витебске. // URL: <https://news.tut.by/society/625137.html>

⁸ ЧП в Минске: людей массово эвакуировали с железнодорожного и автобусного вокзалов, а также из Galileo и «Замка». // URL: <https://people.onliner.by/2019/03/31/vokzal-5>

⁹ Пять минских гостиниц, аэропорт и вокзалы областных центров получили сообщения о минировании. Опасных предметов не найдено. URL: <https://people.onliner.by/2019/08/19/gostinicy>

¹⁰ В Минске и Витебске «заминировали» железнодорожные вокзалы и торговые центры. // URL: <https://news.tut.by/accidents/683881.html>

ложное сообщение об опасности», а именно «заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность для жизни и здоровья людей, либо причинения ущерба в крупном размере, либо наступления иных тяжких последствий», что предусматривает наказание штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на срок до пяти лет, однако злоумышленников найти не удалось.¹

Необходимо подчеркнуть, что такие информационные фейки влекут за собой негативные последствия: 1) ложное сообщение об опасности может спровоцировать панику; 2) существенные затраты человеческих, материальных и финансовых ресурсов; 3) причинение неудобств гражданам; 4) нарушение работы субъектов хозяйствования.

Помимо стандартного плана действий по реагированию на такие угрозы – отправление на заминированную территорию групп оперативного реагирования, осуществление эвакуации, оцепление здания и/или прилегающей территории и ограничение пешеходного и/или автомобильного движения, проверка полученной информации, в Республике Беларусь действует УР-ПСВТ МВД, которое условно наименуется Управление «К» МВД. Оно является самостоятельным и головным оперативно-розыскным подразделением, отвечающим за организацию борьбы с преступлениями против информационной безопасности, преступлениями в сфере высоких технологий, IT-преступлениями и киберпреступлениями.²

Международное сотрудничество Управления «К» МВД Республики Беларусь по оперативному обмену информацией в рамках противодействия преступлениям в сфере информационных технологий осуществляется посредством международной сети национальных контактных пунктов, функционирующей под эгидой Римско-Лионской

подгруппы «G8». Римско-Лионская группа – это рабочий орган «G8», который специализируется на проблематике противодействия терроризму и транснациональной организованной преступности. В настоящее время указанная международная сеть национальных контактных пунктов имеется в 58 странах мира, среди которых Россия, Украина, Германия, Великобритания, США, Испания, Швеция, Бразилия и др.³

Это позволяет оперативно обмениваться информацией о готовящихся, совершаемых либо совершенных преступлениях в киберпространстве, а также запрашивать необходимую для проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий техническую и иную информацию из аналогичных подразделений правоохранительных органов государств-участников информационного обмена.⁴

По данным МВД, в стране за 8 месяцев 2019 г. зарегистрировано 5,753 преступления, связанных с IT-технологиями. За аналогичный период 2018 г. их было 2.861, 2016 г. — 1.633, 2015 г. — 1.534.⁵

Несмотря на отсутствие специализированных правоохранительных органов по борьбе с кибертерроризмом и специальных методик, существует определенный план действий по борьбе с кибертерроризмом, однако проблема кибертерроризма лежит в общем направлении борьбы с киберпреступностью.

Статистика свидетельствует о том, что проблема киберпреступности с каждым годом привлекает к себе всё больше внимания и требует совершенствования существующих подходов для эффективного противодействия преступникам новой информационной эры, в то время как кибертерроризм – явление для Республики Беларусь принципиально новое, и на сегодняшний день опыт Беларуси показывает, что акты кибертерроризма в стране имеют одну и ту же форму.

Говорить о том, что никакой выстроенной и боеспособной системы противодействия кибертерроризму в Республике Беларусь не существует будет в корне неправильным, однако наличие двух элементов: а)

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. Указ. соч.

² Официальный Интернет-портал Министерства внутренних дел Республики Беларусь. История УРПСВТ. // URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/ upravlenie-po-raskrytiyu-prestuplenij-v-sfere-vysokih-tehnologij-upravlenie-k/istoriya-urpsvt>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

отсутствие трагического опыта; и б) существующие технические препятствия, понижает эффективность такого противодействия до определенной степени, что, разумеется, связано с новизной явления кибертерроризма в современном мире и технологическим прогрессом человеческой цивилизации.

Правовое обеспечение контртеррористической деятельности в киберпространстве на примере Российской Федерации.

Говоря о методах Российской Федерации в противодействии терроризму, то на сегодняшний день принят Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 6 марта 2006 г.¹ Закон не только не предполагает пресечение террористической деятельности в интернет пространстве, но и говорит о правовом регулировании контртеррористической операции, что не предполагает предупредительных мер [Бочарников 2013]. В этом заключается существенная уязвимость российского правового обеспечения контртеррористической деятельности в интернет пространстве. Однако в концепции противодействия терроризму в Российской Федерации 2009 г. говорится о «противодействии распространению идеологии терроризма путем обеспечения защиты единого информационного пространства Российской Федерации и совершенствовании системы информационного противодействия терроризму»,² что говорит о намерении российского руководства совершенствовать методы предупреждения террористической деятельности в киберпространстве.

Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно Глава 28³ посвященная во-

просам ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, рассматривает преступления в киберпространстве только в качестве уголовных преступлений, не рассматривая их причастность к терроризму. Определения кибертерроризму в российском правовом регулировании не дается, что также усложняет контртеррористическую деятельность [Капитонова 2015]. Статья 205 УК РФ, посвященная терроризму, не рассматривает киберпространство как субъект террористической деятельности. Отмечается только уголовная ответственность за призывы к террористическим действиям посредством средств массовой информации в сети «Интернет», деяния, совершенные с использованием СМИ или оправдание террористической деятельности.⁴ Россия также не является участником Будапештской Конвенции Совета Европы о киберпреступности, призванной урегулировать уголовно-процессуальное взаимодействие стран и содержащей ряд полномочий и процедур по борьбе с киберпреступностью.⁵ Во многом это вызвано расхождениями в понятийном аппарате о терроризме и невозможностью уступок в некоторых принципиальных вопросах характеристики террористических действий и организаций [Бочарников 2013].

Примечательно, что для обеспечения безопасности в интернет-пространстве, представителем Национального антитеррористического комитета РФ предлагалось «вытеснение экстремистского информационного контента и его замена позитивной информацией»⁶ подобная деятельность предусматривалась в случае признания судом веб-ресурса террористическим или экстремистским. На практике такой подход реализуется сегодня блокировкой веб-ресурсов террористических группировок провайдерами на территории РФ. Однако, «силовой подход», как показал мировой

¹ Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (с изм. и доп.). Ст. 11. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. утв. Президентом РФ 05.10.2009 Ст. 5. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779/

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020). Ст. 271-274 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

⁴ Там же.

⁵ Draft Convention on Cyber-crime and Explanatory memorandum related thereto: final activity report

⁶ Выступление первого заместителя руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета на научной конференции в МГУ им. М. В. Ломоносова. // URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/ilin-ep-sistema-protivodeystviya-ideologii.html>

опыт, не является эффективным в пресечении террористической деятельности, так как не затрагивает работу с группами риска и не занимается работой с причинами возникновения террористических настроений [Ефимова, Хомяков, Костин 2017].

Тем не менее, на заседании Совета Безопасности РФ в 2017 году, президент Владимир Путин выразил мнение, что важным фактором «обеспечения суверенитета, обороноспособности, безопасности государства, эффективного развития экономики, социальной сферы, государственного управления», в первую очередь является защищенность и устойчивая работа информационных систем, средств коммуникации и связи.¹ Тем самым, безопасность в интернете прямо влияет на жизнь общества.

Стоит также отметить схожесть российского уголовного законодательства с принятыми в СНГ нормами по кибертерроризму: в России регулируется только деятельность СМИ по содействию в борьбе с терроризмом; не регламентируются контртеррористические нормы. Также, в законах не говорится о создании специальных подразделений по пресечению террористической деятельности и/или пропаганды в российском сегменте интернета [Бочарников 2013].

Дополнительно стоит отметить шаг российского правительства предпринятый в 2016 г. с принятием Федерального закона от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Вышеупомянутый закон должен отрегулировать контртеррористическую деятельность в интернет пространстве, фактически предоставляя информацию о частной жизни граждан спецслужбам. Согласно данному закону, предполагается выявление террористической угрозы на ранней стадии, однако некоторые отмечают серьезные противоречия в некоторых положениях закона конституции РФ, что повлекло за собой протестные настрое-

ния после выдвижения данного законопроекта на рассмотрение [Петрищева, Лемайкина 2017].

Зарубежный опыт информационного противодействия терроризму несколько отличается от российского. В мировой практике Россия стала не первой страной, принявшей подобный законопроект. Сегодня в кодексах многих европейских государств, в том числе Германии, Великобритании, Франции, Испании и др. закреплены положения, касающиеся терроризма в сетевом пространстве. [Тигранян 2018] Стоит отметить, что во время принятия данных законов в западных государствах также была высокая протестная активность в связи с нарушениями прав человека, которые косвенно предполагают законы о деятельности г. в киберпространстве. Так, в 2001 г. американский «Акт о патриотизме» вызвал бурную общественную реакцию, однако из-за теракта 11 сентября в США, исследователями отмечалось, что ради обеспечения своей безопасности люди готовы на нарушение государством их прав и свобод [Романовская 2017].

Анализируя данные по Российской Федерации в сфере противодействия кибертерроризму, необходимо отметить усиливающуюся роль информационных технологий, влекущих за собой многостороннее развитие деструктивных сил. Сегодня для многих террористических группировок характерно ведение деятельности на различных веб-платформах. Учитывая темпы глобализации и темпы научно-технического развития, чрезвычайно важной является подстройка действенных механизмов взаимоотношений всех участников политических процессов, выравнивание баланса взаимоотношений. Кибертерроризм, несомненно, нуждается в пристальном внимании политических деятелей, и в установлении соответствующей ответственности за его применение.

В соответствии с данными целями необходимо уделить внимание новым нормам и принципам современной мировой политики. Во многих странах в настоящее время уже созданы или находятся на стадии претворения в жизнь различные программы по противодействию террористической деятельности в киберпространстве. Россия также вхо-

¹ Путин В. В. О защите информационной инфраструктуры государства и мерах по её развитию // URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2301/>

дит в их число, однако стоит отметить несопоставимые темпы развития террористической деятельности в киберпространстве и противодействующему ей юридическому регулированию. Несвоевременное реагирование может повлечь информационный кризис и развитие деструктивных настроений в различных регионах мира. России необходимо наладить и усовершенствовать политику в области противодействия киберпреступности. При унификации Российского и зарубежного законодательства возможна более слаженная координация спецслужб и более продуктивная контртеррористическая деятельность, которая позволит повысить уровень безопасности как в интернете, так и на территории государств мира.

Кибертерроризм как фактор угрозы национальной безопасности Украины.

Украина, как и ее соседи, не осталась в стороне от прогрессивных преступных действий и претерпела несколько довольно мощных актов нападения на важные объекты инфраструктуры.

16 ноября 2001 г. произошло серьезное заражение компьютерной сети «Укртелеком» вирусом «Nimda», который серьезным образом повлиял на работоспособность вычислительной сети Генеральной дирекции ОАО «Укртелеком». Как следствие, это вызвало временное отключение компьютеров от Интернета, а также вывело из строя систему корпоративно-электронной почты. По предварительным подсчетам, убытки от атаки составили более 1 млн. грн. [Дворников, Козонова, Бацазова, Толасова 2017].

Состояние защищенности украинского киберпространства резко ухудшилось после событий 2014 г. В 2014 г. Украина заняла 5 место в рейтинге стран, на которые осуществляются кибератаки. Такие результаты исследования киберугроз, проведенного специалистами «Kaspersky Lab» в третьем квартале 2014 г. Однако, по данным американской компании, за апрель 2015 г. Украина и США возглавили список жертв шпионских кибератак. По их расчетам, в публичном секторе в 2015 г. было произведено 120

атак, в 40% случаев жертвами стали Украина и США¹.

25 декабря 2015 г. оператор электрических сетей «Прикарпатьеоблэнерго» сообщил о необычной аварии, которая на несколько часов обесточила почти десять районов области. Было отключено около 30 подстанций, около 230 тысяч жителей оставались без света в течение нескольких часов. В то же время синхронным атакам подверглись «Черновцыоблэнерго» и «Киевоблэнерго», но с меньшими последствиями [Гнатюк 2017]. Известная международная компания ESET, которая занимается кибербезопасностью, сообщила, что авария на «Прикарпатьеоблэнерго» стала результатом внешней хакерской атаки. В официальном заявлении со ссылкой на собственное расследование указывается, что атака стала частью глобальной хакерской деятельности против предприятий Украины и Польши. Специалисты ESET утверждают, что злоумышленники использовали вирус-троян Black Energy, который запустил специальную программу KillDisk, не позволяющую загружаться компьютерам².

Однако наиболее массовой стала кибератака с использованием вируса, который сначала был назван «Petya.A» (позже – «NotPetya») 27 июня 2017 г. Вирус атаковал компьютерные системы сотен государственных учреждений, предприятий и организаций. Вирус нарушил работу многочисленных украинских государственных и частных предприятий, в частности аэропорта «Борисполь», «Укртелекома», ЧАЭС, Украинской железной дороги и других, а также Кабинета министров и ряда СМИ. СБУ заявила о причастности к атаке российских спецслужб [Амелин 2018].

Также в Украине действуют некоторые киберорганизации. Хакерская группа «КиберБеркут» осуществляет хакерские атаки, в

¹Україна та США стали першими у списку жертв кібератак 2015 р. // URL: http://24tv.ua/ukrayina/ukrayina_ta_sshi_stali_pershimi_u_spisku_zhertv_kiberatak/n565572.

²Кім Зеттер, Wired (17 березня 2016). Хакерська атака Росії на українську енергосистему: як це було : // URL: http://texty.org.ua/pg/article/newsmaker/read/66125/Hackerska_ataka_Rosiji_na_ukrajinsku_jenergostemu_jak

основном на сайты государственных и общественных организаций Украины. Кто руководит организацией — неизвестно. Американский специалист по компьютерной безопасности Дж. Карр считает, что это группа пророссийских «хактивистов». Группа официально объявила свои цели: борьба с неонацизмом, национализмом и произволом власти в Украине. Именно «Киберберкут» взял на себя ответственность за нарушения работы системы электронного подсчета голосов на парламентских выборах 2014 г. Кроме того, на счету хакерской организации такие кибератаки, как опубликование переписки народных депутатов, блокировка телефонов сотовой связи членов правительства Украины, временное блокирование работы сайтов МВД Украины и Генеральной прокуратуры Украины, временное блокирование работы сайтов телеканалов «Интер» и «1+1»¹.

Другой активной хакерской организацией, осуществляющей кибератаки на Украину, является «Анонимус» — современная свободно организованная группа «хактивистов». Термин появился в 2003 г. как концепция множества онлайн- и оффлайн-сообществ пользователей, что представляют собой анархический цифровой мировой ум. Большое количество кибератак организация осуществила в отношении Украины. Самые известные киберзломы: взлом электронной почты МИД Украины, взлом серверов украинской таможни, взлом электронной почты депутатов и тому подобное².

Учитывая, что кибератаки значительно участились, украинская власть решила усилить механизмы защиты компьютерных систем. 15 марта 2016 г. Президент Украины Петр Алексеевич Порошенко издал Указ о введении в действие решения Совета национальной безопасности и обороны Украины «О Стратегии кибербезопасности Украины»³ от 27.01.2016 г.

В Украине стартовал этап практического воплощения на государственном уровне технологий кибербезопасности. В Законе Украины «О национальной безопасности Украины»⁴ акцентируется внимание на необходимости борьбы с терроризмом [Биленчук 2016]. В рамках этого вопроса большое внимание уделено кибербезопасности. Определены основы и принципы национальной безопасности и обороны и подчеркнуто: «Стратегия кибербезопасности Украины – документ долгосрочного планирования, определяющий угрозы кибербезопасности Украины, приоритеты и направления обеспечения кибербезопасности Украины с целью создания условий для безопасного функционирования киберпространства, его использования в интересах лица, общества и государства». Статья 31 «Стратегия кибербезопасности Украины» является документом долгосрочного планирования, в котором определяются:

- приоритетные направления, концептуальные подходы к формированию и реализации государственной политики безопасного функционирования киберпространства, его использование в интересах лица, общества и государства,
- имеющиеся и потенциальные киберугрозы жизненно важным интересам человека и гражданина, общества и государства в киберпространстве,
- приоритеты национальных интересов Украины в сфере кибербезопасности,
- повышение эффективности основных субъектов обеспечения кибербезопасности, прежде всего субъектов сектора безопасности и обороны, в выполнении задач в киберпространстве, а также потребности бюджетного финансирования, достаточные для достижения определенных целей и решения предусмотренных задач, и основные направления использования финансовых ресурсов.

Реализация Стратегии кибербезопасности Украины осуществляется на основе национальной обороны, безопасности, экономического, интеллектуального потенциала с использованием механизмов государ-

¹ Костюк І. Україна в фокусі кібератак. // URL: <https://scienceukraine.com/sciblogs/ukraina-v-fokusi-kiberatak>

² Там же.

³ Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 27 січня 2016 року «Про Стратегію кібербезпеки України» Указ Президента України № 96/2016 від 15.03.2016 р. // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/96/2016>

⁴ Закон України «Про національну безпеку України» на сайті Верховної Ради України // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2469-19>

ственно-частного партнерства, а также с международной консультативной, финансовой, материально-технической помощью.

Закон Украины «Об основных принципах обеспечения кибербезопасности Украины», который вступил в силу 9 мая 2018 г., дает следующее определение кибербезопасности: «Кибербезопасность — защищенность жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства при использовании киберпространства, с помощью которой обеспечиваются устойчивое развитие информационного общества и цифровой коммуникационной среды, своевременное выявление, предотвращение и нейтрализация реальных и потенциальных угроз национальной безопасности Украины в киберпространстве»¹.

Законом о кибербезопасности впервые устанавливается значительное количество понятий, которые являются новыми для правового поля Украины, а именно:

- кибербезопасность;
- киберугроза;
- киберпространство;
- киберинцидент;
- кибершпионаж;
- кибертерроризм;

и другие понятия, требующие дальнейшего согласования с действующими законами и разграничения со смежными понятиями².

Киберпреступность определяется как преступление, в котором компьютер является объектом преступления (хакерство, фишинг, спам) или используется как инструмент для совершения преступления (детская порнография, преступления на почве ненависти).

Согласно исследованию «Глобального индекса кибербезопасности» (Global Security Index), которое ежегодно проводится Международным союзом электросвязи (ITU), в

2017 г. Украина заняла 59 место в рейтинге из 193 возможных. Следует отметить, что уровень кибербезопасности государств - респондентов оценивался по пяти основным показателям:

- Legal (законодательная база);
- Technical (технологическая база);
- Organization (методологическая база);
- Capacity Building (наращивание потенциала);
- Cooperation (развитие взаимодействия) [Биленчук 2018].

Из перечисленных выше показателей в Украине в «зеленой зоне» оказались только «Legal» и «Cooperation». Самые низкие показатели фактически связаны с практической плоскостью. Очевидно, что Украине сегодня не хватает как высоких технологий, так и надлежащих мировых стандартов и методологий по кибербезопасности. Сегодня фактически отсутствует имплементация реальных мер киберзащиты в IT - инфраструктурах, слабый процесс обучения и повышения осведомленности в вопросах кибербезопасности.

Для Украины в сфере кибербезопасности существуют две основные проблемы: внутренняя и внешняя:

а) внутренняя проблема заключается в том, что коммерческие структуры и физические лица не знакомы с киберпроблемами. Прежде всего нужно работать над взаимодействием между силовыми структурами и теми коммерческими организациями, которые могут обеспечить этот сервис по преодолению проблем при атаках, хаках и т.д. Кроме того, должны быть реформы в сфере образования для достаточной информационной профессиональной грамотности выпускников вузов. Очевидно, что специалисты по кибербезопасности смогут объяснять необходимость киберзащиты, и соответственно будут развивать услуги по кибербезопасности. Считаю, что наличие таких специалистов необходимо для защиты государственных объектов, государственной тайны, в связи с низким уровнем внедрения инновационных технологий в сферу защиты информации государственной важности;

б) если вести речь о внешней политике, то защита государственных объектов и государственной тайны также должна поддер-

¹ Закон України «Про основні засади забезпечення кібербезпеки України» № 2469-VIII від 21.06.2018, ВВР, 2018, № 31, ст.241 // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2163-19>

² Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 27 січня 2016 року «Про Стратегію кібербезпеки України» Указ Президента України № 96/2016 від 15.03.2016 р. // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/96/2016>

живаться из информационных основополагающих положений. Безусловно, существует очень хорошая научная школа СБУ и т.д. Но надо обратить внимание на то, что существует техническое несовершенство на предприятиях, а технологии, как известно, постоянно развиваются. В этой сфере тоже нужны постоянные обновления.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кибертерроризм является политическим феноменом, который следует рассматривать в двух аспектах:

1. Вмешательство во внутренние дела государства с целью подрыва репутации эффективной деятельности государственных органов и существования правопорядка;

2. Провокация напряженности в отношениях между государствами с целью разжигания международных конфликтов.

В настоящее время Беларусь, Россия и Украина ощущают крайнюю необходимость

во всесторонней правовой регламентации противодействия кибертерроризму: каждая из стран занимается созданием нормативных актов, где закреплено понятие данного преступления, и определены основные механизмы предупреждения ликвидации последствий кибератак.

Наиболее эффективным в данном случае представляется сотрудничество государств в рамках деятельности универсальных и региональных международных организаций, таких как ООН, Совет Европы, ЕС, СНГ и ОДКБ.

Также, представляется целесообразным развивать сотрудничество между конкретными государствами, имеющими конфликтные ситуации в информационной сфере, посредством создания международных договоров и разработки отдельных механизмов противодействия кибертерроризму.

Библиографический список

- Амелін О.* Злочини у сфері інформаційних відносин в міжнародноправових актах / Олександр Амелін. // Науковий часопис Національної академії прокуратури України. — 2018. — №2. — С. 1—9.
- Біленчук П.Д.* Електронна цивілізація: інноваційне майбутнє України: монографія / П.Д. Біленчук, М.М. Близнюк, О.Л. Кобилянський, М.І. Малій, Ю.О. Пілюков, О.В. Соколов; за заг. ред. П.Д. Біленчука. — К.: УкрДГПІ, 2018. — 284 с.
- Біленчук П.Д.* Розвиток ядерної криміналістики для протидії міжнародному тероризму / П.Д. Біленчук, Т.В. Обіход // Сучасні правові системи світу в умовах глобалізації: реалії та перспективи: матеріали міжнародної наук. — практ. Конференції (м. Київ, 11–12 березня 2016 р.). — К.: Центр правових наукових досліджень, 2016. — С. 128—130.
- Бочарников И.В.* Глобализация террористической угрозы в современном мире // Наука. Общество. Оборона. 2018. №4 (17)
- Бочарников И.В.* Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Проблемы безопасности. 2013. №3. С. 25-37.
- Буткевич С.А.* Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник КРУ МВД России. 2018. №1 (39). С. 17-22.
- Гнатюк С.О.* Кібертероризм: історія розвитку, сучасні тенденції та контрзаходи / С. О. Гнатюк // Ukrainian Scientific Journal of Information Security, 2017. — Vol. 19/ — Issue —2.
- Дворников В.С., Козонова И.В., Бацазова А.З., Толасова З.М.* Терроризм и биотерроризм. Тактика и стратегия // Современные наукоемкие технологии. — 2005. — № 4 — С. 72—74.
- Ефимова А.Б., Хомяков А.Д., Костин К.Л.* Информационные технологии против идеологии терроризма // Наука и военная безопасность. 2017. № 2. С. 136-139.
- Журавлев Д.А.* Международный терроризм в сетевом измерении мировой политики // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. № 21 (122). с. 59-73.
- Капитонова Е.А.* Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2015. — № 2 (34). — С. 29–41.

- Косарев М.Н.* О совершенствовании правовых мер борьбы с новыми угрозами терроризма // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. №3. с. 42-45.
- Петрищева Е.Н., Лемайкина С.В.* Правовые аспекты государственного регулирования Рунета // Юристъ – Правоведъ. 2017. №3 (82) С. 177-183.
- Романовская О.В.* Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму // Наука. Общество. Государство. 2017. №2 (18). С. 10-16.
- Сидненко Г.Ф.* Информационное противодействие терроризму: политологический аспект / Г.Ф. Сидненко, – М.: Изд-во Триумф, Лучшие книги, 2019. – 220 с.
- Тигранян Е.А.* "Антитеррористический пакет" Яровой: реакция российских и зарубежных изданий // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №1. С. 102-112.
- Шхагапсоев З.Л., Бураева Л.А.* Об актуальных вопросах международного сотрудничества в противодействии проявлениям экстремизма и терроризма в Интернет-пространстве // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №5. С. 251-254.

Сведения об авторах: Декола Илья Вячеславович – магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: dekolaofficial@gmail.com), Магомедова Алина Джахангировна – магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: aln.mgdv@gmail.com), Петрашко Богдан Эдмундович – магистр в области международных отношений, РУДН (email: zagorochna@gmail.com).

References

- Amelin O.* Crimes in the sphere of information relations in international legal acts / Alexander Amelin. // Scientific journal of the National Academy of Prosecutor's office of Ukraine. — 2018. — №2. — Pp. 1—9.
- Bilenchuk P.D.* Electronic civilization: innovative future of Ukraine: monograph / P.D. Bilenchuk, M.M. Bliznyuk, O.L. Koblyansky, M.I. Maloy, Yu.A. Pilyukov, O.V. Sobolev; for the total ed. of P.D. Bilenchuk. — K.: Ukrkgri, 2018. — 284 p.
- Bilenchuk P.D.* Development of nuclear criminalistics for countering international terrorism / P. D. Bilenchuk, T. V. Obihod //Modern legal systems of the world in the context of globalization: realities and prospects: materials of international sci-entific practice. Conferences (Kiev, March 11-12, 2016). — K.: Center for legal research, 2016. - P. 128-130
- Bocharnikov I.V.* The globalization of the terrorist threat in the modern world // Science. Society. Defense. 2018. №4 (17)
- Bocharnikov I.V.* Information countermeasures against terrorism in today's conditions information counterterrorism in modern conditions // Security Problems. 2013. №3. P. 25-37.
- Butkevich S.A.* Extremism and terrorism in cyberspace: detection, neutralization and prevention // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No1 (39). P. 17-22.
- Dvornikov V.S., Kozonova I.V., Batsazova A.3., Tolasova 3.M.* Terrorism and bioterrorism. Tactics and strategy // Modern science-intensive technologies. — 2005. — No. 4 — P. 72 -74.
- Efimova A.B., Khomyakov A.D., Kostin K.L.* Information technologies against ideology of terrorism // Science and Military Security. 2017. No. 2. P. 136-139.
- Gnatyuk S.O.* Cyberterrorism: the history of development, modern trends and countermeasures / S. O. Gnatyuk // Ukrainian scientific journal of information security, 2017. — Vol. 19 / issue 2.
- Kapitonova E.A.* Features of cyberterrorism as a new type of terrorist attacks // Law University proceedings. Volga region. Social Sciences. - 2015. - No. 2 (34). - p. 29–41.
- Kosarev M.N.* On the improvement of legal measures to combat the new threats of terrorism // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. 2017. №3. P. 42-45.
- Petrishcheva E.N., Lemaykina S.V.* Legal aspects of state regulation of the russian internet // Yurist-Pravoved. 2017. No3 (82) P. 177-183.
- Romanovskaya O.V.* The Patriotic Act: restrictions on the right to privacy in the United States in order to counter terrorism // Science. Society. State. 2017. – Vol 5. - №2 (18). P. 10-16.

- Shkhagapsoyev Z.L., Buraeva L.A.* On topical issues of international cooperation in counteraction to extremism and terrorism manifestations in the Internet-space // Gaps in Russian legislation. 2018. No5. P. 251-254
- Sidnenko G.F.* Informational counteraction to terrorism: political science aspect. - M.: Triumph Publishing House, Best Books, 2019. — 220p.
- Tigranyan E.A.* "Yarovaya package" of anti-terrorist amendments: the reaction of russian and foreign editions // Belgorod State University Scientific bulletin. Series: Humanities. 2018. No. 1. P. 102-112.
- Zhuravlev D.A.* International Terrorism in the Networking of World Politics // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. Story. International relations. 2013. No. 21 (122). p. 59-73.

About the authors: Dekola Ilya Viacheslavovich – Master of International Relations of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: dekolaoofficial@gmail.com), Magomedova Alina Dzakhangirovna – Master of International Relations of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: aln.mgdv@gmail.com). Petrashko Bogdan Edmundovich – Master of International Relations of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: zagorocha@gmail.com).

COVID-19 КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19

А.А. Самойленко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Неожиданное возникновение новой болезни COVID-19 затронула не только систему здравоохранения во всем мире, но также затронула и экономику. Для снижения числа заразившихся и снижения нагрузки на здравоохранение, во многих странах было принято решение о жестких мерах самоизоляции для людей: все промышленные предприятия, кроме тех, которые необходимы для жизнеобеспечения были закрыты, людям рекомендуется снизить контакты и выходить из дома только в случае крайней необходимости. Актуальность данной статьи заключается в том, что информационные технологии уже давно вошли в нашу жизнь и с их помощью мы можем останавливать распространения болезней, что мы должны уделять большее внимание развитию информационных технологий. Целью данной статьи было проанализировать то, какие меры предпринимают в разных странах для остановки пандемии и какую роль в этом процессе занимают информационные технологии. Авторская гипотеза состоит в том, что информационные технологии играют значительную роль при борьбе с вирусом. Для анализа были выбраны Китай, Россия, США, Южная Корея, Сингапур. В ходе анализа были проанализированы методы борьбы с эпидемией в этих странах, аналитика, число заболевших, использовался аналитический метод исследования. Мы пришли к выводу, что информационные технологии играют значительную роль в борьбе с пандемией, выявили связь политического режима стран и скорости распространения вируса.

Ключевые слова: эпидемия, COVID-19, информационные технологии, информационные технологии в борьбе с пандемией.

Information Technology and Their Role in Minimizing the Negative Consequences of the Spread of Coronavirus Infection COVID-19

A.A. Samoilenko

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The unexpected emergence of a new disease, COVID-19, has affected not only the healthcare system worldwide, but also the economy. To reduce the number of people infected and reduce the burden on healthcare, in many countries it was decided to take strict measures of self-isolation for people: all industrial enterprises, except for those necessary for life support, were closed, people are recommended to reduce contacts and leave home only in case of emergency. The relevance of this article lies in the fact that information technology has entered our lives and with their help we can stop the spread of disease, that we must pay more attention to the development of information technology. The purpose of this article was to analyze what measures are being taken in different countries to stop the pandemic and what role information technologies play in this process. The author's hypothesis is that information technology plays a significant role in the fight against the virus. For analysis China, Russia, the USA, South Korea, and Singapore were selected. The analysis analyzed the methods of combating the epidemic in these countries, analytics, the number of cases, the analytical method of research was used. We concluded that information technology plays a significant role in the fight against the pandemic, revealed the connection between the political regime of countries and the speed of the spread of the virus.

Key words: epidemic, COVID-19, information technology, information technology to combat the pandemic.

Введение.

Неожиданное возникновение новой болезни COVID-19 затронула все страны. Для

снижения числа заразившихся и снижения нагрузки на здравоохранение, во многих

странах было принято решение о жестких мерах самоизоляции для людей: все промышленные предприятия, кроме тех, которые необходимы для жизнеобеспечения были закрыты, людям рекомендуется снизить контакты и выходить из дома только в случае крайней необходимости.

Таким образом снижается нагрузка на здравоохранение, уменьшается смертность, так как больницы имеют возможность помогать всем людям в критических ситуациях.

С другой стороны, такие меры повлекли за собой немалые издержки для малого и среднего бизнеса, многие люди лишаются работы и растет число ограблений и нападений.

СМИ также играют ключевую роль в донесении информации населению. Именно СМИ доводят информацию о продлении карантина, числе заболевших и остальную информацию, связанную с эпидемией. СМИ во многих странах пропагандируют осторожность и настаивают, чтобы во время пандемии люди оставались дома и соблюдали все правила [Alon, Доепке, Olmstead-Rumsey, Tertilt 2020].

Определенные IT-компании тоже столкнулись с коронавирусом и стараются адаптироваться к нему. Так как из-за карантина использование интернета и соцсетей стало еще выше, Comcast также T-Mobile сделали свои тарифы выгоднее для пользователей. В Airbnb идут на встречу людям, которые отзывают твои бронирования. Сопряженная с Google биотехнологическая фирма Verily работает над определением людей, которым необходимо пройти тест на COVID-19.

Методы

В качестве методологической оптики были выбраны сайты, аналитические статьи, где говорилось о количестве зараженных в выбранных странах, статьи о том, как информационные технологии влияют на борьбу с эпидемией¹.

С целью проверки гипотезы о важности использования информационных технологий

были выбраны страны для анализа: Китай, Сингапур, США, Южная Корея. Был проведен аналитический анализ, как в этих странах борются с эпидемией и какие результаты². Ниже будут более подробно рассмотрены методы борьбы с вирусом в разных странах.

Информационные технологии в борьбе с коронавирусом в Китае.

Китай является центром возникновения коронавируса. На сегодняшний день обстановка в Китае стабильная. Из почти 83 тыс. заболевших более 75 тыс. чел. уже вылечились. На данный момент в стране практически сняли карантин и люди возвращаются к прежней жизни.

Существует мнение, что для того, чтобы люди не впали в панику, СМИ в Китае и многих других странах занижают число заболевших и умерших от новой болезни. Китайская инвестиционная холдинговая компания Tencent случайно обнародовала иные данные о числе заболевших и умерших: эти сведения указывали, что число зараженных в 80 раз превышало официальную статистику. На сегодняшний день в Китае 82862 зараженных коронавирусом, 77610 вылечено и 4633 погибло³.

Китай на протяжении десятилетий развивает IT- технологии, так что после вспышки коронавируса эти технологии приняли широкий оборот: IT- технологии использовали для разработки вакцины, были выпущены дроны, позволяющие обнаружить признаки вируса, машины без водителей, которые могут привозить продукты питания и снизить этим социальные контакты, покупки через интернет все больше развивались, чтобы люди, находящиеся дома, могли совершать все покупки, не выходя из дома⁴.

Во время пандемии компания Tencent (ТСЕНУ) начала выпускать более мощные

¹ IT-технологии в борьбе с коронавирусом // <https://vc.ru/tech/110577-it-tehnologii-v-borbe-s-koronavirusom>

² Коронавирус и IT // <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=142956>

³ Статистика развития пандемии коронавируса Covid-19 в Китае // <https://coronavirus-monitor.info/country/china/> (20.04.2020)

⁴ Как для борьбы с коронавирусом в Китае используют высокие технологии // <https://bigpicture.ru.turbopages.org/s/bigpicture.ru/?pcgi=p%3D1282419> (20.04.2020)

версии компьютеров для того, чтобы ученые быстрее смогли создать вакцину¹.

Компания Meituan Dianping, которая занимается доставкой продовольствия, выпустила роботов, которые выполняют роли курьеров, тем самым снижая контакты между людьми².

Китайская фирма JD.com (JD) изобрела радиоуправляемых роботов, которые доставляли в зараженные провинции медикаменты. Появились роботы-патрульные, дроны, обрабатывающие дома, QR-коды здоровья, показывающие маршрут человека, с кем рядом он находился³.

Таким образом, мы можем заключить, что IT-технологии сильно повлияли на остановку распространения болезни, помогая снизить контакты людей. Онлайн-бизнес стал очень актуальным, некоторые площадки увеличили свой доход на 200%.

Информационные технологии в борьбе с коронавирусом в Сингапуре.

В Сингапуре также большое место в борьбе с эпидемией занимают IT-технологии. Не секрет, что на сегодняшний день Сингапур является одним из лидеров в мире IT-технологий. На сегодняшний день в Сингапуре более 16 тыс. случаев заражения коронавирусом, только 6 из них - сингапурцы и иностранные граждане, постоянно проживающие в Сингапуре, основная часть заболевших – рабочие [Peterman, Potts, O'Donnell M, Thompson, Shah, Oertelt-Prigione, van Gelder 2020].

В Сингапуре правительство использует мобильное приложение TraceTogether, которое через номер мобильного телефона выявляет владельца и все его передвижения, контакты с зараженными людьми. При приближении к человеку с заболеванием, приложение издает тревожный сигнал. В особых случаях приложение само отправляет данные о пользователе, заразившимся COVID-19 властям.

Также в Сингапуре разработали тест, который помогает за три часа определить заболевших, которые пребывают в Сингапур. В итоге, власти за несколько часов обладают

полной информацией о передвижениях человека и, либо задерживают и сажают на карантин, либо отпускают [Saltiel 2020].

Таким образом, можно заключить, что в Сингапуре IT-технологии играют большую роль в минимизации последствий вируса, но также дополнительными факторами являются отсутствие коррупции и законопослушность граждан Сингапура [Goldin, Olivetti 2013].

Информационные технологии в борьбе с коронавирусом в Южной Корее.

Южная Корея также является одной из стран, которая первая столкнулась с эпидемией. Однако, в отличие, например, от Италии, процент смертности там очень низкий. Уровень летальности составляет больше 2%.

Правительство Южной Кореи говорит о том, что такого успеха в борьбе с болезнью они смогли достичь по ряду причин:

1. Прозрачность данных о зараженных. После определения человека, вычислялось с кем контактировал и знаком человек и им приходило смс-оповещение о том, что их знакомый болен и маршрут этого человека также распространялся в соцсетях, чтобы люди могли понять, не пересекались ли они с зараженным.

2. Оперативная разработка диагностики, позволяющая определить заболевание на его ранних этапах. Компании Seegene предоставила тесты, которые могут протестировать 100 человек за раз.

Были открыты медицинские передвижные пункты, которые позволяют людям, без лишних контактов, бесплатно сдать анализы на коронавирус.

Компании LG и Samsung предоставили свои здания для размещения больных, что помогло снизить нагрузки на больницы.

Можно подвести итог, что успех Южной Кореи в борьбе с коронавирусом во многом зависел от оперативности действий по его устранению: в короткие сроки были разработаны тесты и выделен бюджет местным властям для прекращения распространения болезни. Такое оперативное реагирование

¹ Там же.

² Как для борьбы с коронавирусом в Китае используют высокие технологии // [https://bigpicture-](https://bigpicture-ru.turbopages.org/s/bigpicture.ru/?pcgi=p%3D1282419)

[ru.turbopages.org/s/bigpicture.ru/?pcgi=p%3D1282419](https://bigpicture-ru.turbopages.org/s/bigpicture.ru/?pcgi=p%3D1282419) (20.04.2020)

³ Там же.

также связано со вспышкой в 2015 г. ближневосточного респираторного синдрома. Тогда заболели 183 человека и умерли 33.

Информационные технологии в борьбе с коронавирусом в России.

Россия в данный момент переживает распространение коронавируса. На данный момент число заболевших только увеличивается, однако меры по предотвращению болезни были приняты достаточно оперативно.

В России, как и во многих других странах ИТ-технологии занимают ведущие позиции для борьбы с опасным заболеванием и с замедлением скорости его распространения.

Медико-биологический союз создал тест, который за 15 минут определяет болен ли человек коронавирусом.

Национальный БиоСервис производит тканевые микрочипы. С их помощью российские разработчики имеют возможность экспресс-тестирования для разработки вакцины.

Также было разработано приложение MERIDEMICS app, которое фиксирует, кто был с вами рядом и мог заразить. В отличие от аналогов, он не следит за перемещениями людей по GPS и не передает данные третьим лицам¹, а факт заболевания подтверждает лечащий врач пациента.

Один из крупнейших банков «Сбербанк» разработал математическую карту распространения вируса. Также им был разработан онлайн-тест на COVID-19, позволяющий определить, есть ли у вас заболевание.

Компания GERO занимается разработкой вакцины против коронавируса.

Центр речевых технологий с помощью базы лиц помогает определять потенциальных заболевших.

2GIS разработал карту заражения коронавирусом.

Promobot разработал терминалы для измерения температуры, робота-диагноста и робота-дезинфектора.

VM Group разработал линейку товаров для защиты от заражения: аппарат для выдачи масок и антисептика, обеззараживания воздуха, устройство для бесконтактного измерения температуры с расстояния 4-6 м, аппараты для бесконтактной дезинфекции рук.

Более двухсот нарушителей порядка самоизоляции выявлено в столице вследствие слежки камер концепции «Безопасный город», сообщалось 18 марта. Согласно данным, в Москве ранее приблизительно 178 000 видеочкамер было установлено, но еще будет установлено 9000 видеочкамер.

Многие другие компании в России также производят тесты на быстрое определение коронавируса, оборудования для дезинфекции и выявлению заболевших. Все вместе дает возможность ослабить нагрузку на систему здравоохранения, однако, по оценкам многих экспертов, пик эпидемии еще впереди.

Также многие работы и обучение перешли на онлайн-платформы для снижения риска заболеваний.

Информационные технологии играют немаловажную роль в излечении и сдерживании распространения вируса, помогают быстро тестировать вакцины, определять болезни на ранних стадиях, снизить контакты между людьми.

Информационные технологии в борьбе с коронавирусом в США.

Положение в США является одним из самых критичных в мире. На данный момент там самое большое количество зараженных, что не может не сказаться на общих настроениях граждан, правительства. США пытается использовать как можно больше технологий, чтобы остановить распространение вируса.

Правительство США стремятся применять геолокацию, также оборудования для распознавания лиц, для того чтобы уменьшить продвижение коронавируса. Однако в США, также в иных государствах наиболее жесткие законы об охране личных сведений, нежели в Китае и Сингапуре [Peterman, Potts, O'Donnell, Thompson, Shah, Oertelt-Prigione, van Gelder 2020] Это обсуждали на собрании сотрудники Google, Facebook, Amazon с Белым Домом в середине марта этого года.

В Facebook и Google считают, что возможно их содействие для применения и передачи сведений о пользователях, для того чтобы посодействовать правительству США.

¹Как коронавирус повлияет на российский ИТ-рынок? Опрос CNews. <https://cnews.ru/articles/2020-03->

11_kak_koronavirus_povliyaet_na_rossijskij (22.04.2020)

Как Правило Google способен предоставить правительству сведения об четком месторасположении собственников телефонов на платформе Android, либо пользователей Google Maps, только лишь с их соглашения, либо согласно заключению суда. Однако власть США обладает возможностью сделать запрос в случае чрезвычайной ситуации, а сейчас ситуация именно такая [Saltiel 2020]

Диалог со правительством проводят такие стартапы, как Camber Systems также Clearview. Camber Systems может помочь населенным пунктам регулировать автотранспорт с поддержкой геолокации, а Clearview занимается технологией определения лиц.

Принимая во внимание ситуацию с коронавирусом, на самом деле имеется вероятность, что потребуются определенные перемены в законах, затрагивающие конфиденциальность сведений.

К борьбе с эпидемией в США также подключили роботов. В медицинских центрах для взятия анализов у потенциально больных людей, отправляют роботов [Saltiel 2020]. В свою очередь, в университете Южной Калифорнии разработали робота для дезинфекции помещений. Его созданию также способствовала эпидемия COVID-19.

В итоге был изобретен робот, который может не только дезинфицировать помещения ультрафиолетом, но и передвигать предметы созданной специально для этого механической рукой. Он может дезинфицировать даже малодоступные для человека места.

Результаты анализа.

В ходе анализа мы пришли к выводу, что информационные технологии влияют на сдерживание вируса. Информационные технологии помогают быстрее выявлять заболевших и быстрее искать вакцины. В странах, где их наиболее широко используют (Китай), борьба с вирусом проходила эффективнее.

Также мы выявили связь между политическим режимом, менталитетом страны и скоростью распространения вируса. В низкоконтекстных культурах (Китай, Сингапур, Южная Корея) распространение вируса было медленнее, чем в высококонтекстных (Россия, США). Также в странах, где политиче-

ский режим более строгий, данные передаются правительству в случае нарушений и заболеваний (Сингапур), люди более ответственно соблюдают режим самоизоляции.

Интерпретация, дискуссионные моменты и выводы.

В данной статье мы рассмотрели Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Мы проанализировали и доказали, что данная проблема является очень актуальной в данной обстановке.

Для анализа были выбраны Китай, Сингапур, Южная Корея, Россия, США. Мы собрали и проанализировали как информационные технологии влияют на распространение и излечение коронавирусной инфекции.

Мы пришли к выводу, что значение информационных технологий невозможно переоценить. С их помощью создаются экспресс-тесты для определения вируса, роботы, помогающие людям минимизировать контакты и помогающие выполнять различные задачи, дроны, дезинфицирующие комплексы, помогают изобрести вакцину. В Сингапуре за все время эпидемии заболели лишь 6 местных жителей. В Китае с помощью роботов-врачей, роботов-доставщиков были минимизированы контакты между людьми.

Правительство многих стран уже выразило готовность вкладывать большие средства на развитие информационных технологий в будущем, однако на этот счет существует иное мнение. Конечно, нет сомнений, что информационные технологии помогают в борьбе с коронавирусом, однако некоторые считают, что избыточные вложения в эту отрасль безосновательны, так как повторение данной эпидемии, скорее всего не повторится в ближайшие годы и что данная эпидемия – выдумка.

Однако наше мнение после анализа таково, что информационные технологии сейчас претерпевают сильные изменения и некоторые полагают, что эта ситуация очень сильно продвинет мир IT-технологий. Развитие информационных технологий важно не только в кризисные моменты, а важность в борьбе с эпидемией невозможно переоценить.

Библиографический список

- Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., and Tertilt M.* “The impact of Covid-19 on gender equality”, Covid Economics, Issue 4, 14 April 2020
- Dahl G.B., Løken K.V., Mogstad M.* “Peer Effects in Program Participation”, American Economic Review 104(7): 2049–2074 (2014)
- Doepke M. and Kindermann F.* “Bargaining over Babies: Theory, Evidence, and Policy Implications”, American Economic Review, 109(9): 3264–3306 (2019)
- European Parliament “COVID-19: Stopping the rise in domestic violence during lockdown”, Press Release 7 April 2020
- Goldin C. and Olivetti C.* “Shocking Labor Supply: A Reassessment of the Role of World War II on Women’s Labor Supply”, American Economic Review, 103(3): 257-262 (2013)
- Hazan M. and Zoabi H.* “Do highly educated women choose smaller families?” Economic Journal, 125(587): 1191-1226 (2015)
- Patnaik A.* “Reserving Time for Daddy: The Consequences of Fathers’ Quotas”, Journal of Labor Economics, 37(4): 1009-1059 (2019)
- Peterman A., Potts A., O’Donnell M., Thompson K., Shah N., Oertelt-Prigione S., and van Gelder N.* “Pandemics and Violence Against Women and Children”, Center for Global Development working paper, 1 April 2020
- Saltiel F.* “Who can work from home in developing countries?” Covid Economics, Issue 6, 17 April 2020

Сведения об авторе: Самойленко Анастасия Александровна – магистр в области Государственного и муниципального управления, РУДН (e-mail: 1032196801@rudn.ru).

About the author: Samoilenko Anastasia Alexandrovna. – Master in State and Municipal Administration, RUDN University (e-mail: 1032196801@rudn.ru).

Влияние пандемии и условия ЧС (приближенной к ЧС) на миграционные процессы и баланс трудовых ресурсов в Российской Федерации

А.В. Титова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию влияния пандемии и условий ЧС (приближенной к ЧС) на миграционные процессы и баланс трудовых ресурсов в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена сложившейся неблагоприятной обстановкой в социально-экономической и миграционной сфере, в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 и связанных с ней карантинных мер. Целью данной работы является анализ и рассмотрение изменений миграционных потоков на территории Российской Федерации, а также нововведений и мер, принятых главным управлением по вопросам миграции - МВД России. Для исследования данного вопроса были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, при котором был собран материал, необходимый для проведения исследования; метод систематизация, классификация, агрегирование первичных данных; метод контент-анализа; методы прогнозирования и перспектив; метод статистического анализа. Материалом исследования послужили новостные статьи, сводки основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации, взятые из интернет-пространства, с официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также из эфиров центрального телевидения. Пандемия коронавирусной инфекции в Российской Федерации и все, что с ней связано, обозначили проблемы, существующие в миграционной сфере. В ходе исследования были определены и рассмотрены актуальные проблемы и трудности, с которыми пришлось столкнуться мигрантам в РФ вовремя периода самоизоляции. Были названы наиболее пострадавшие отрасли экономики. Помимо этого, был рассмотрен ряд мер, оперативно принятый правительством РФ, по упрощению процесса пребывания мигрантов на период кризиса.

Ключевые слова: коронавирус, трудовые мигранты, пандемия, режим ЧС, самоизоляция, эпидемиологическая обстановка, COVID-19.

The impact of the pandemic and emergency conditions (close to emergency) on migration processes and the balance of labor resources in the Russian Federation

A.V. Titova

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the impact of the pandemic and emergency conditions (close to emergency) on migration processes and the balance of labor resources in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the prevailing unfavorable situation in the socio-economic and migration sphere, in connection with the pandemic of the coronavirus infection COVID-19 and related quarantine measures. The aim of this work is to analyze and consider the changes in migration flows in the Russian Federation, as well as the innovations and measures adopted by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The following methods were used to study this issue: the continuous sampling method; systematic method, method of classification, aggregation of primary data; content analysis method; method of forecasting; statistical method. The research material was news articles, summaries of the main indicators of activity of the migration situation in the Russian Federation, taken from the Internet, from the official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, as well as from central television broadcasts. The coronavirus pandemic in the Russian Federation and everything related to it outlined the problems that exist in the migration sphere. In the study, urgent problems and difficulties that migrants in the Russian Federation had to face during the period of self-isolation were identified and considered. The most affected sectors of the economy were named. Besides that, several measures, quickly adopted by the government of the Russian Federation, to simplify the process of stay of migrants during the crisis were considered.

Key words: coronavirus, labor migrants, pandemic, emergency, self-isolation, epidemiological situation, COVID-19.

Введение

В конце декабря 2019 г. китайские власти обнаружили в городе Ухань провинции Хубей центрального Китая первые случаи заражения местных жителей пневмонией неизвестного происхождения. Данные заражения связывают с местным рынком животных и морепродуктов Хуанань. 31 декабря 2019 г. власти Китая проинформировали о вспышке неизвестной пневмонии Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) [Львов 2020:10]. В конце января ВОЗ признала вспышку нового коронавируса чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение. Заболевание получило название нового коронавирусного заболевания (COVID-2019). 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила, что вспышка приобрела характер пандемии.

Третьего июня в мире коронавирусом было заражено 6,19 млн чел. В связи с неприятной эпидемиологической обстановкой во многих странах мира были введены своевременные меры по профилактике и предотвращению распространения вирусной инфекции. Многие государства ввели на своих территориях режим Чрезвычайной ситуации (ЧС) или приближенный к ЧС. В субъектах РФ был введен режим повышенной готовности. Граждане обязаны соблюдать режим самоизоляции на дому и не покидать свои жилища без крайней необходимости: поход в ближайший магазин за продуктами или аптеку, выгул собак, необходимость выкинуть мусор. Исключения также составляют граждане, работающие на предприятиях и производствах, продолжающих свою деятельность в период пандемии [Владыко 2020: 2].

Эпидемия и связанные с ней карантинные меры привели к неблагоприятным социально-экономическим последствиям, и на данный момент ситуация только ухудшается. Наиболее пострадавшими сферами деятельности общества в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции стали:

- Авиaperезовки, аэропортовая деятельность, автоперезовки;

- Культура, организация досуга и развлечений;

- Гостиничный бизнес;

- Деятельность организаций дополнительного образования, негосударственных образовательных учреждений;

- Деятельность по предоставлению бытовых услуг населению (ремонт, стирка, химчистка, услуги парикмахерских и салонов красоты)

- Деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма;

- Деятельность по организации конференций и выставок.

Пандемия коронавирусной инфекции в РФ и все, что с ней связано, обозначили проблемы и в миграционной сфере. На территории нашей страны проживает огромное количество приезжих мигрантов. В условиях добровольной самоизоляции многие из них столкнулись с рядом проблем, которые зачастую они не могут решить самостоятельно.

Методы

Для исследования данной темы были выбраны следующие методы:

- метод сплошной выборки, при котором был собран материал, необходимый для проведения исследования;

- метод систематизация, классификация, агрегирование первичных данных;

- метод контент-анализа;

- методы прогнозирования и перспектив;

- метод статистического анализа.

Новостные статьи, сводки основных показателей деятельности по миграционной ситуации в РФ, взятые из интернет-пространства, с официального сайта МВД России, а также из эфиров центрального телевидения послужили здесь важным методологическим подспорьем. Прежде всего, интересовали такие популярные новостные порталы, как Коммерсантъ, РБК, РИА Новости.

Результаты анализа

Иностранцы граждане и лица без гражданства, оставшиеся на территории РФ во время пика заражения коронавирусной инфекцией, попали в очень непростую жизненную ситуацию. Многие мигранты потеряли

работу, кто-то потерял жилье, не имея возможность оплачивать арендную плату.

Обращаясь к статистическим данным, можно заметить, что по сравнению с 2019 г. почти половина основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации снизилась. Наибольшая отрицательная динамика наблюдается по показателю «Количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства», а наибольшая положительная динамика наблюдается по показателю количества оформленных паспортов граждан РФ.

Следует отметить, что государство в лице МВД России уже немало сделало, приняв оперативно ряд мер по продлению пребывания иностранных граждан, а также по упрощению процесса их пребывания на период кризиса в целях недопущения роста числа неурегулированных мигрантов. К таким мерам можно отнести то, что с 15 марта по 15 июня 2020 г. в отношении иностранных граждан не будут приниматься решения о депортации, выдворении или о нежелательности нахождения. Также мигранты смогут работать в Москве, не получая специального разрешения на работу (патента).

В период развития пандемии российские власти и работодатели не имеют возможности предоставить действенные меры по содействию в трудоустройстве мигрантов. Но впоследствии преодоления пика пандемии и по мере открытия и возобновления работы компаний эти меры необходимо оперативно предоставить. Данные меры должны быть направлены прежде всего на развитие легального рынка труда иностранных работников при соблюдении приоритета трудоустройства для российских граждан.

Интерпретация, дискуссионные моменты и выводы

На данный момент на территории РФ живут сотни тысяч трудовых мигрантов. Чаще всего такая рабочая сила задействована в сферах жилищно-коммунального хозяйства, общественного питания и на стройках. Одни после введения карантина поспешили домой, но застряли в транзитных зонах, другие продолжают работать, а третьи потеряли

источник дохода после введения карантина и закрытия предприятий. Некоторым иностранным гражданам повезло больше, чем другим – им на помощь пришли посольства, но в большинстве своем мигранты сейчас находятся в очень затруднительном положении. Все это виной новой остро-респираторная инфекция, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2 и те предупредительные меры, которые принимает правительство РФ [Романов 2020:3-8].

С 27 марта Россия полностью прекратила регулярное и чартерное международное авиационное и железнодорожное сообщение. В сочетании с аналогичными мерами, принятыми на родине трудовых мигрантов, на территории РФ остались «запертыми» миллионы граждан стран ближнего зарубежья, а сотни тысяч зарегистрированных и незарегистрированных мигрантов без средств к существованию. По сводкам, которые были представлены на официальном сайте МВД¹, на конец 2019 г. на территории нашей страны находилось около 4 млн. трудовых мигрантов. Мужчины в основном заняты на стройках или работают водителями такси. Во время карантина вызовы такси сократились более чем на 70%. Женщины работают в сфере обслуживания. Им приходится особенно тяжело: рестораны и большинство магазинов закрылись. На протяжении нескольких месяцев были открыты лишь продуктовые и магазины, где продаются товары первой необходимости [Никифоров 2020:88-93]. В Москве и Московской области оставшимся без работы россиянам будет выплачено пособие. Мигрантам, которые чаще всего не оформлены официально, помощь не полагается.

Подавляющим большинством трудовых мигрантов в России являются приезжие из стран Центральной Азии. На просторах интернета можно наткнуться на новостные статьи, где сообщается, что в 2019 г. посредством денежных переводов они отправили на родину более восьми миллиардов долларов США. Однако денежные переводы, от которых сильно зависят семьи мигрантов и их родные страны, вследствие кризиса COVID-19, по последним данным, сократились вдвое.

¹ Министерства внутренних дел Российской Федерации URL: <https://мвд.рф/>

Посольства некоторых стран оказывают посильную поддержку своим согражданам, застрявшим на территории России и оказавшимся в непростых условиях. Например, посольство Кыргызстана¹ в Москве предлагает согражданам обращаться в оперативный штаб, который был создан вместе со Службой миграции и МВД. Таджикистан также пообещал вернуть на родину своих граждан, застрявших в России. Но, к сожалению, посольства оказывают помощь не всем. Вот, что думает на этот счет В. Чупик, руководитель некоммерческой организации помощи мигрантам «Тонг Жахони», правозащитница: «Сложно сказать, какое количество трудовых мигрантов сейчас в России. Если они потеряли источник дохода из-за карантина, то активно ищут новую работу — иначе им не выжить. Конкретно людям каких-то определенных профессий — строителям, медсестрам или продавцам овощей — посольства помощи не оказывают. Они помогают наиболее пострадавшим в миграции гражданам независимо от их рода деятельности... Как правило, в первую очередь зарубежные представительства помогают женщинам, детям, старикам и инвалидам. У большинства мигрантов, которые сегодня находятся на территории РФ, нет накоплений, они отправляли все заработанное домой, своим семьям. Поэтому из-за отсутствия заработка не имеют возможности оплатить свой миграционный патент или арендовать жилье для самоизоляции во время карантина. Своего жилья у мигрантов нет, а каких-либо пособий по безработице государство не платит. Кроме того, их грабят полицейские. Трудовые мигранты сегодня оказались в ужасном положении. Как сложится их судьба в дальнейшем, сказать нельзя, уехать они пока не могут»².

Связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой на всей территории РФ и закрытия границ правительство РФ ввело некоторые послабления для иностранных граждан. На официальном сайте МВД России говорится: «В целях минимизации рисков для здоровья граждан руководством

МВД России в марте – апреле текущего года принимались решения, в первую очередь направленные на исключение фактов скопления людей и образования очередей в местах ожидания получения государственных услуг»³. С 19 марта 2020 г. независимо от цели въезда всем иностранным гражданам была предоставлена возможность обратиться с заявлением о продлении срока действия разрешительных документов. Течение сроков следующих документов приостанавливается с 15 марта по 15 июня 2020 г.:

- визы,
- разрешения на временное проживание,
- виды на жительство,
- миграционные карты, а также проставленные в ней отметки с истекающими сроками действия,
- удостоверения беженца,
- свидетельства о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории РФ по существу,
- свидетельства о предоставлении временного убежища на территории РФ,
- свидетельства участника Государственной программы автоматически продляется.

Помимо этого, в течение этого периода мигранты смогут работать в Москве, не получая специального разрешения на работу (патента). Работодатели разрешили продолжать привлекать на работу мигрантов, въехавших из стран с безвизовым режимом, без необходимости оформления им разрешений на работу или патентов. При этом должны быть обязательно соблюдены ограничения направленные на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения. Для приема на работу граждан, прибывших в РФ в порядке, требующем получения визы, необходимо наличие у работодателя разрешения на временное привлечение иностранных работников. С 15 марта по 15 июня 2020 г. в отношении иностранных граждан не будут приниматься решения о депортации, выдворении и о нежелательности нахождения.

¹ Посольство Кыргызской Республики в Российской Федерации // URL: <https://mfa.gov.kg/ru/dm/posolstvo-kyrgyzskoy-respubliki-v-rossiyskoy-federacii>

² Пандемия коронавируса: что будет с мигрантами на стройках // <https://realty.rbc.ru/news/5e8d9bd69a7947001b113d5b>

³ Министерства внутренних дел Российской Федерации URL: <https://мвд.рф/>

МВД сообщило, что иностранные граждане, которые по каким-либо причинам еще не зарегистрировались по месту жительства, могут заполнить заявление в произвольной форме и обратиться в органы правопорядка. Никаких взысканий с них взимать не будут.

Что касается иных прав, то во многом права иностранных лиц, временно пребывающих в России, совпадают с правами наших граждан. К примеру, иностранцы имеют право на неотложную бесплатную медицинскую помощь.

Тем не менее, не все иностранные граждане осведомлены о нововведениях. И

зачастую на разных интернет-форумах можно увидеть сообщения обеспокоенных людей, которые интересуются, как же быть, если они не успели зарегистрироваться по месту жительства или у них истекает срок действия какого-либо документа.

Обращаясь к статистическим данным, можно заметить, что по сравнению с 2019 г. почти половина основных показателей деятельности по миграционной ситуации в РФ снизилась. В таблице 1.1. представлены актуальные данные, взятые с официального сайта МВД России.

Сведения о миграционной ситуации в Российской Федерации			
		за январь-март 2020 года	за январь-март 2019 года
Оформлено паспортов гражданина Российской Федерации, всего		2 887 558	2 484 026
в том числе	внутренних	1 632 881	1 542 738
	заграничных	1 254 677	941 288
Число лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации		161 170	63 249
Поставлено на учет участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей		19 917	23 851
Оформлено приглашений иностранным гражданам и лицам без гражданства		75 936	101 736
Оформлено виз иностранным гражданам и лицам без гражданства		52 446	53 811
Количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства		3 486 500	3 585 104
Оформлено разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, всего		16 128	23 550
в том числе	высококвалифицированным специалистам	5 996	7 413
	квалифицированным специалистам	1 728	3 252
Оформлено патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства		426 726	377 525
Оформлено разрешений на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства (первично)		38 166	55 605
Оформлено видов на жительство иностранным гражданам и лицам без гражданства (первично)		50 270	44 160
Направлено представлений о неразрешении иностранным гражданам и лицам без гражданства въезда в Российскую Федерацию		70 280	65 984

Таблица 1.1. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - март 2020 г.

В таблице представлены актуальные данные за январь-март 2020 г. в сравнении с данными за январь-март 2019 г. Рассмотрев 11 показателей, можно заметить отрицательную динамику у 6 из них. Наибольшая отрицательная динамика наблюдается в показателе «Количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства». Убыль там составила 98 604 человека. И напротив наибольшая положительная динамика наблюдается в количестве оформленных паспортов граждан Российской Федерации – 403 532 человека.

На официальном сайте Министерства труда и социальной защиты РФ¹ 4 декабря 2019 г. был представлен прогноз баланса трудовых ресурсов на 2020-2022 гг. В нем сообщалось, что по итогам 2019 г. численность безработных не будет превышать 3,4 млн. чел. и планировалось, что такой показатель сохранится на этом уровне до 2022 г. Но если мы обратимся к официальным данным, вывешенным на сайте Росстата², то с декабря 2019 г. по март 2020 г. уровень безработицы среди населения в возрасте от 30 до 34 лет уже вырос с 4,1 до 4,8%. В возрастной группе от 35 до 39 лет за аналогичный период безработица выросла на 0,6 п.п. — с 3,6 до 4,2%. Помимо этого, в прогнозе высказывалось мнение о том, что в условиях экономического роста и соответствующем росте потребности в трудовых ресурсах ожидается преодоление отрицательной динамики занятости. Численность занятых, после стабилизации в 2019-2020 гг., с 2021 г. начнёт увеличиваться и к концу прогнозного периода будет превышать значение 2018 г. примерно на 400 тыс. чел. Рост занятости при этом будет обеспечен не только вовлечением населения в экономическую деятельность, но и снижением уровня безработицы (с 4,6% в 2019 г. до 4,5% в 2022 г.). Уже на данном этапе можно предположить, что такие оптимистичные прогнозы вряд ли сбудутся.

Сегодня на российском рынке труда с участием иностранных работников произошло значительное сокращение рабочих мест. Так как зачастую у мигрантов нет никаких финансовых сбережений, чтобы выжить им приходится искать любую работу. Как

следствие – наблюдается резкий рост теневой занятости при демпинге заработных плат. Нужно понимать, что развитие рынка нелегального труда мигрантов может негативно отразиться на занятости российских граждан. Они не смогут конкурировать с трудовыми мигрантами в связи с демпингом зарплат.

Подводя итоги, можно понять, что вспышка коронавирусной инфекции COVID-19 — это проблема небывалого масштаба. Мировое сообщество уже давно не сталкивалось с такой страшной угрозой, не только для жизни миллионов людей, но и для многих сфер общества.

Все страны мира ощутят на себе влияние «коронакризиса», это коснется не только правительства, но и обычных граждан.

Пандемия коронавирусной инфекции в РФ и все, что с ней связано, обозначили проблемы, существующие в миграционной сфере. Закрытие российских границ и границ стран ближнего зарубежья отразилось на жизни многих тысяч мигрантов, застрявших на территории РФ практически без средств к существованию. Введение режима повышенной готовности и закрытие многих предприятий, компаний, торговых центров, ресторанов и кафе привело к плачевным результатам, связанным с потерей рабочих мест, а следовательно, и заработков среди трудящихся мигрантов. Зачастую многим из них даже нечем платить за съемное жилье, не на что купить еду и необходимые медикаменты, не говоря уже о том, что каждый трудящийся мигрант, приехавший в страну в безвизовом режиме, за исключением граждан стран, входящих в список стран Таможенного союза, обязан оформить патент для легальной работы. Стоимость таких патентов варьируется в зависимости от региона, например, в Москве его стоимость составляет 5350 рублей. Эта сумма является непосильной для большинства иностранных граждан в период режима самоизоляции.

Реальная ситуация на рынке труда в марте-апреле 2020 г. не совпадает с прогнозами, выложенными на сайте Министерства труда и социальной защиты РФ: уровень безработицы растет. Ускорение темпов роста

¹ Министерство труда и социальной защиты РФ // URL: <https://rosmintrud.ru/>

² Федеральная служба государственной статистики РФ // URL: <https://www.gks.ru/>

ВВП не наблюдается. Планировалось увеличить ВВП с 1,3% по итогам 2019 г. до 1,7% в 2020 году.

Возвращаясь к теме, касающейся трудовых мигрантов, логично, что в период развития пандемии российские власти и работодатели не имеют возможности предоставить действенные меры по содействию в трудоустройстве мигрантов. Но впоследствии

преодоления пика пандемии и по мере открытия и возобновления работы компаний эти меры необходимо оперативно предоставить. Данные меры должны быть направлены прежде всего на развитие легального рынка труда иностранных работников при соблюдении приоритета трудоустройства для российских граждан.

Библиографический список

Владыко А.С. Происхождение инфекций и соматических заболеваний: COVID-19 // Школа Науки, 2020.

Львов Д.К., Альховский С.В., Колобухина Л.В., Бурцева Е.И. Этиология эпидемической вспышки COVID-19 в г. Ухань (провинция Хубэй, Китайская Народная Республика), ассоциированной с вирусом 2019-CoV (Nidovirales, Coronaviridae, Coronavirinae, Betacoronavirus, подрод Sarbecovirus): уроки эпидемии SARS-CoV. Вопросы вирусологии. 2020; 65(1): 6-15.

Никифоров В.В., Суранова Т.Г., Чернобровкина Т.Я. и др. Новая коронавирусная инфекция (covid-19): клинико-эпидемиологические аспекты. Архив внутренней медицины. 2020; 10(2): 87-93.

Обзор зарубежных новостей клинической медицины // Российский кардиологический журнал. - 2020. - №25 (3).

Романов БК. Коронавирусная инфекция COVID-2019. Безопасность и риск фармакотерапии. 2020;8(1):3-8.

Сведения об авторе: Титова Анастасия Вячеславовна, магистр в области государственного и муниципального управления, РУДН (e-mail: nastyat1508@gmail.com)

References

Vladyko A.S. Proiskhozhdenie infekcij i somaticheskikh zabojevanij: COVID-19 // SHkola Nauki, 2020.

L'vov D.K., Al'hovskij S.V., Kolobuhina L.V., Burceva E.I. Etiologiya epidemicheskoy vspyshki COVID-19 v g. Uhan' (provinciya Hubej, Kitajskaya Narodnaya Respublika), associirovannoj s virusom 2019-CoV (Nidovirales, Coronaviridae, Coronavirinae, Betacoronavirus, podrod Sarbecovirus): uroki epidemii SARS-CoV. Voprosy virusologii. 2020; 65(1): 6-15.

Nikiforov V.V., Suranova T.G., Chernobrovkina T.YA. i dr. Novaya koronavirusnaya infekciya (covid-19): kliniko-epidemiologicheskie aspekty. Arhiv vnutrennej mediciny. 2020; 10(2): 87-93.

Obzor zarubezhnyh novostej klinicheskoy mediciny // Rossijskij kardiologicheskij zhurnal. - 2020. - №25 (3).

Romanov BK. Koronavirusnaya infekciya COVID-2019. Bezopasnost' i risk farmakoterapii. 2020;8(1):3-8.

About the author: Titova Anastasia Vyacheslavovna, Master in State and Municipal Administration, RUDN University (e-mail: nastyat1508@gmail.com)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Роль Ирана в решении урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта

Ф.Э. Ибрагимов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова, Москва, Россия

Аннотация. В данной статье была рассмотрена роль Ирана в решении урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта между Азербайджаном и Арменией. На протяжении последних 30 лет, ирано-азербайджанские взаимоотношения многими исследователями отмечаются как негативно-нейтральные. Причина такого состояния двусторонних отношений заключается во взаимном недоверии друг к другу. Однако это не означает отсутствия кооперации между ними. Проанализировав историю взаимоотношений между Азербайджаном и Ираном как в рамках конфликта в Карабахе, так и по общим двусторонним вопросам, автор приходит к выводу, что обе страны связывают себя не только наличием общей культуры, истории и религии, но и общей позицией по целому ряду региональных вопросов, несмотря на наличие разногласий.

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что Исламская республика Иран с недавних пор вновь вернулась к инициативе стать посредником в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта, невзирая на прежние провалы Ирана как миротворца в решении этого вопроса.

Цель статьи заключается в выявлении роли Ирана как региональной державы в решении урегулирования армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта, а также способности проявить себя с точки зрения посредника.

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на принципах научной объективности, научного познания и достоверности. При написании работы были использованы статьи, книги и электронные ресурсы на русском, английском, азербайджанском, армянском и персидском языках.

В статье автор затрагивает такие вопросы, как посреднические попытки Исламской республики в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта, двусторонние отношения Тегерана с Баку и Ереваном, а также интересы Ирана в данном конфликте. В заключении, автор подводит итоги, акцентируя внимание на стремлении Исламской республики вновь принять участие в роли посредника между конфликтующими сторонами, не принимая при этом чью-либо сторону, что вызывает недовольство как Азербайджана, так и Армении.

Ключевые слова: Азербайджан, Армения, Нагорно-Карабахский конфликт, Иран, ирано-азербайджанские отношения.

The role of Iran in resolving the Nagorno-Karabakh conflict

F.E. Ibrahimov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This article examined the role of Iran in resolving the Nagorno-Karabakh conflict between Azerbaijan and Armenia. Over the past 30 years, Iranian-Azerbaijani relations have been noted as negative-neutral by many researchers. The reason for this state of bilateral relations is the mutual distrust of each other. However, this does not mean a lack of cooperation between them. After analyzing the history of relations between Azerbaijan and Iran both in the framework of the conflict in Karabakh and on common bilateral issues, the author comes to the conclusion that both countries connect themselves not only by a common culture, history and religion, but also by a common position on a number of regional issues .

The relevance of the topic of this study is due the fact that the Islamic Republic has again returned to the initiative to become an intermediary in the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict, despite the previous failures of Iran as a peacemaker in resolving this issue.

The purpose of the article is to identify the role of Iran as a regional power in resolving the Armenian-Azerbaijani Nagorno-Karabakh conflict, as well as the ability to prove itself from the point of view of a mediator.

The theoretical and methodological basis of the study is based on the principles of scientific knowledge, historicism, scientific objectivity and reliability. When writing the work, articles, books and electronic resources were used in Russian, English, Azerbaijani, Armenian and Persian.

In the article, the author addresses such issues as the mediation attempts of the Islamic Republic in the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict, Tehran's bilateral relations with Baku and Yerevan, as well as Iran's interests in this conflict. In conclusion, the author sums up, focusing on the desire of the Islamic Republic to again take part in the role of mediator between the conflicting parties, while not taking sides, which causes dissatisfaction of both Azerbaijan and Armenia.

Key words: Azerbaijan, Armenia, Nagorno-Karabakh conflict, Iran, Iran-Azerbaijan relationships.

После распада Советского Союза, республики Южного Кавказа – Азербайджан, Армения и Грузия, погружаясь в пучину территориальных конфликтов, стали объектом внимания региональных держав в лице Ирана и Турции. И Тегеран, и Анкара на протяжении последних 30 лет рассматривают Закавказье как еще одну потенциальную зону для своего растущего геополитического влияния. С этой целью, оба актора приступили к установлению контактов с каждой из южнокавказских республик затрагивая все формы сотрудничества, начиная от политико-экономической кооперации, заканчивая культурно-гуманитарными вопросами.

Только оправившись от череды потрясений в виде Исламской революции 1979 г. и восьмилетней войны с Ираком (1980-1988 гг.), Иран занялся постепенной трансформацией своих внешнеполитических взглядов и ориентиров. От идеи «экспорта исламской революции» в Тегеране решили отказаться, чтобы не вызывать опасений и тревоги со стороны соседей. Однако в их умах тезис иранских исламских фундаменталистов успел закрепиться. Помнили об этом и в Баку, но поначалу, отношения между только получившей независимость Азербайджаном и Ираном развивались благополучно.

Иран стал одним из первых, признавший Азербайджан независимым государством. Еще до провозглашения о выходе из состава

СССР, республику в 1990 г. посетил президент Ирана Али Акбар Хашеми Рафсанджани, выразивший моральную поддержку народу, который в Иране считают «дружественным» и «братским»¹. Через год, в Баку прибыл глава МИД Исламской республики Али Акбар Вилаяти, в очередной раз подтвердив приверженность своей страны в поддержке азербайджанцам.

Впоследствии доверительные отношения между двумя странами были подорваны по нескольким причинам, прежде всего, из-за провала посреднической роли Ирана по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе.

Карабахский конфликт, переросший в активную горячую войну в начале 1990-х гг. с тысячами жертв и сотнями тысяч беженцев, изначально не мог оставить Иран равнодушным, поскольку Исламская республика является единственной страной в мире (помимо сторон конфликта – Азербайджана и Армении), имеющая общую границу с этим регионом.

Активные военные действия у его северных рубежей вызывали опасения у иранского руководства, по нескольким причинам. Во-первых, Иран имеет общую границу сразу с двумя странами, в которых отсутствует политическая стабильность и находятся в состоянии войны (Афганистан и Ирак). В этом смысле, Тегеран не желал столкнуться с

¹ «Heydar Aliyev Heritage». Азербайджано-иранские отношения. <http://lib.aliyev-heritage.org/ru/6163780.html>

подобной ситуацией в очередном сопредельном к нему регионе. Во-вторых, Иран крайне опасался волнений среди азербайджанцев компактно проживающих в иранских останках (провинциях), которое постепенно нарастало. Это в свою очередь могло бы привести к разрушению внутривосточной обстановки в самой Исламской республике. В-третьих – это вопрос безопасности и стабильности на территории всего Закавказья. На тот момент он стоял довольно остро и имел все шансы окончательно подорвать устойчивость всего региона. В случае продолжающейся горячей войны, ситуация могла бы привести к самым непредсказуемым последствиям. Ею могли бы беспрепятственно воспользоваться внерегиональные радикальные элементы, которые уже на тот момент постепенно набирали силу на Северном Кавказе.

Ко всему прочему, успех в деле решения конфликта мирным путем придал бы Ирану в международных отношениях статус актора-миротворца.

Первую попытку реального оказания своих посреднических услуг, Тегеран произвел в феврале 1992 г. Глава МИД Ирана Али Акбар Вилаяти произвел обмен мнениями касательно решения поэтапного урегулирования конфликта с президентами Армении Левоном Тер-Петросяном и Азербайджана Аязом Муталибовым. В результате переговоров, иранская сторона выразила готовность оказать всю необходимую поддержку для снижения напряженности в зоне боевых столкновений и пригласила делегации Армении и Азербайджана в Тегеран для дальнейших консультаций.

Впоследствии прошел раунд переговоров между заместителем министра иностранных дел Ирана Махмудом Ваези со своим азербайджанским коллегой Альбертом Саламовым и советником президента Армении Вааном Папазяном. По итогам этих переговоров был подготовлен проект из 14 пунктов, предполагающих постепенное введение режима прекращения огня. Однако план был отклонен: азербайджанская сторона выступила против положения о статусе Нагорного Карабаха.

Начиная с марта 1992 г. иранская посредническая миссия во главе с заместителем главы МИД ИРИ М. Ваези неоднократно

посещала Баку, Ереван, Ханкенди (Степанакерт) и Нахичевань. Были проведены встречи с руководителями Азербайджана, Армении, а также сепаратистов Нагорного Карабаха [Israeli 2002: 213]. 21 марта 1992 г. было установлено временное прекращение огня при посредничестве Ирана. Для координации усилий сторон, направленных на соблюдение прекращения огня, иранские представители были вновь направлены в Баку, Ханкенди и Ереван. Тем не менее, попытки продлить режим прекращения огня потерпели неудачу.

За все время посредничества Исламской республики, реального прогресса в переговорном процессе достичь не удалось. Ключевые вопросы, обсуждаемые обеими сторонами в конечном итоге, остались нерешенными. Армения продолжала настаивать на включение в переговорный процесс Нагорного Карабаха. Азербайджанская сторона в свою очередь отказалась от любой формы диалога с участием представителей сепаратистов НКР.

В это же время, напряженность в зоне конфликта продолжала расти. На момент временного прекращения огня в марте 1992 г., Азербайджан утратил контроль над Ханкенди (Степанакертом) – административным центром Нагорного Карабаха и его пригородами, а также г. Ходжалы. Через несколько дней бои возобновились, несмотря на призывы Тегерана успокоиться и вновь начать диалог. 4 апреля в Ханкенди прибыл советник министра иностранных дел Ирана Безад Мазахири. Ему удалось на время уговорить армян и азербайджанцев сложить оружие, в результате чего, на линии фронта установилось относительное затишье.

С ростом напряженности иранская сторона предприняла еще одну попытку добиться прогресса в процессе урегулирования конфликта между Азербайджаном и Арменией. 7 мая 1992 г. в Тегеране состоялась трехсторонняя встреча между президентом Ирана Хашеми Рафсанджани, президентом Армении Левоном Тер-Петросяном и исполняющим обязанности президента

Азербайджана Ягубом Мамедовым¹. В результате трехсторонних переговоров была подписана совместная декларация, подразумевающая прекращение огня. Однако на следующий день, 8 мая, достигнутые соглашения были нарушены Ереваном, когда вооруженные формирования НКР при поддержке Армении штурмовали город Шуша, в результате чего эта территория оказалась под оккупацией². Шуша представляет собой особую культурно-историческую ценность для азербайджанцев. Там расположены несколько сотен памятников культурного наследия, относящихся к периоду XV-XVI вв., когда Иран и Азербайджан были частью единого государства. В Тегеране с этим историческим фактом были хорошо знакомы, однако утратили контроль над ситуацией. Фактически, иранские власти признали провал своей миротворческой инициативы. Историк и журналист Томас де Ваал в своей книге «Черный сад» предполагает, что «президент Армении Тер-Петросян мог быть и не в курсе проведения операции по захвату города» [de Waal 2003: 179-180]. Иранские эксперты считают вероятной версию относительно намеренного срыва армянской стороной мирных переговоров в Иране и таким образом не позволить Тегерану и Баку совместными усилиями быстрее решить конфликт в пользу Азербайджана. После произошедшего в Шуше, ирано-армянские отношения резко ухудшились. Влиятельные иранские печатные издания на протяжении нескольких недель выходили с заголовками, осуждающие оккупацию земель, на которых, цитата, «проживали мусульмане».

Ухудшение ирано-азербайджанских взаимоотношений. Через несколько дней после оккупации Шуши, в Баку врио президента Азербайджана Я. Мамедова обвинили в сдаче территорий и отстранили от должности. К власти вернулся предыдущий президент А. Муталлибов, который был намерен вернуть утраченные территории под контроль Баку. Однако и ему не удалось долго

продержаться: спустя 4 дня его свергли в результате мятежа, поднятый национал-демократической партией Народного фронта во главе с Абульфазом Эльчибеем. Новый глава азербайджанского государства взял курс на укрепление тесного сотрудничества с Турцией и Западом, категорически отвергая любую возможную кооперацию с Ираном и Россией.

Помимо консервативного либерализма, идеология «фронтовиков» была построена на идее радикального пантюркизма, который предполагал создание некоего государственного союза, включающий в себя Турцию, Азербайджан, а также страны Центральной Азии (за исключением Таджикистана). Эльчибей прямо призывал к созданию «единого Азербайджана», который кроме закавказской республики охватывал бы и часть иранских земель, на территории которых компактно проживают азербайджанцы. Безусловно, подобные призывы привели к резкому ухудшению взаимоотношений между Баку и Тегераном. Несмотря на то, что и А. Эльчибеем также не удалось продержаться во власти длительное время, возглавляемая им страна за небольшой отрезок времени находилась в напряженных отношениях не только с Исламской республикой, но и со многими другими странами, в том числе и тюркскими (например, с Узбекистаном и Туркменистаном). Впоследствии в Баку охарактеризуют отношения с Ираном в период 1992-1993 гг. как периодом напряженности между двумя странами³.

В то время, как ухудшались взаимоотношения между Баку и Тегераном, совсем другая картина наблюдалась в Нахичеванской Автономной Республике Азербайджана, возглавляемая Гейдаром Алиевым. На тот момент Г. Алиев уже год как возглавлял Верховный совет автономии и проводил независимую от Баку внешнюю политику, предполагавшую углубленное сотрудничество как с Турцией, так и с Ираном.

¹ Iran.ru. Иран и Карабахский конфликт. 27.11.2013. https://www.iran.ru/news/analytics/91474/Iran_i_Karabakhskiy_konflikt

² Радио Sputnik. Двадцать семь лет без города Шуша. 08.05.2019

<https://az.sputniknews.ru/karabakh/20190508/420318485/azerbaijan-armenia-shusha-karabakh-conflict.html>

³ «Heydar Aliyev Heritage». Азербайджано-иранские отношения. <http://lib.aliyev-heritage.org/ru/6163780.html>

В августе 1992 года Гейдар Алиев посещает Тегеран¹. Его принимают на самом высшем уровне Верховный лидер страны Аятолла Али Хаменеи и президент Али Акбар Хашеми Рафсанджани, тем самым открыто продемонстрировав бакинским властям наличие диалога с представителями Азербайджана. В ходе своего визита Алиеву удалось достичь договоренностей, в том числе по продовольственным поставкам в Нахичевань, поскольку власти в Баку в этом помочь отказались².

На протяжении всего того периода времени, что у власти в Азербайджане находился Народный фронт во главе с Абульфазом Эльчибеем, Иран не инициировал повторных посреднических предложений. Во-первых, в Тегеране после провала миротворческих инициатив решили отказаться от этой идеи, сознавая отсутствие нужного момента. Во-вторых, иранцы решили использовать тактику наблюдения, способствующую проанализировать дальнейшие действия нового азербайджанского руководства, которое до своего прихода к власти вело антииранскую риторику на словах. Однако проводимая иранофобская политика и призывы к сепаратизму из Баку в отношении соседнего государства усиливались с большей силой [Brown 2004: 587-588]. Они не могли не вызывать раздражения иранских властей, которые в свою очередь решили ограничить себя от контактов с «Народным фронтом». На общем фоне ситуация выглядела вполне алогичной, поскольку Азербайджан сам страдал от внешней территориальной оккупации. Непоследовательность в действиях азербайджанского руководства во главе с Эльчибеем привела к разрушению доверительных отношений, на этот раз со стороны Ирана.

В Тегеране появились алармисты, в том числе из числа тех, кто первоначально выступал за всецелую поддержку Баку в решении конфликта. Некоторые иранские политики всерьез полагали, что Азербайджан войдет в состав Турции или образует некий турецко-азербайджанский военный альянс, который

впоследствии поспособствует появлению сил НАТО в каспийском бассейне. Для Ирана подобный сценарий был равнозначен проигрышу в его борьбе с США. Таким образом, Тегеран решил дистанцироваться, не присоединившись к инициативе Анкары по блокировке границ с Арменией. Военно-политическую равноудаленность Ирана от двух стран, в Азербайджане восприняли как акт предательства и поддержки от Исламской республики противоположной стороне. В действительности, в Тегеране решили на время абстрагироваться от конфликта, выстраивая исключительно экономические отношения с Ереваном. Иранские представители малого и среднего бизнеса приступили к поставкам продуктов питания, а также медикаментов в Армению. Помимо этого, две страны запустили взаимный энергообмен, что позволило закавказской республике сохранить важную энергетическую отрасль, обеспечивающую в определенной степени ее жизнедеятельность.

Несмотря на сохранение дистанции в отношениях с Азербайджаном в этот период времени, Тегеран, равно как и Анкара 2 апреля 1993 г. выступили с резкими заявлениями в адрес Армении из-за оккупации ее вооруженными силами Кельбаджарского района³. Группа общественных деятелей Ирана призвала власти своей страны приостановить все контакты с Арменией до тех пор, пока ее военные формирования не покинут оккупированную территорию. В Ереване на эти заявления не отреагировали, а напряженная ситуация между обеими странами со временем сошла на нет.

Тем временем, внутривнутриполитическая ситуация в Азербайджане с каждым днем продолжала ухудшаться. Она достигла своего апогея, когда в июне 1993 г. военные подразделения полковника Сурета Гусейнова начали движение на Баку с целью свержения президента страны А. Эльчибея. Для разрядки обстановки Эльчибей пригласил в Баку из Нахичевани Гейдара Алиева.

¹ Ibid

² Газета Коммерсантъ. Гейдар Алиев под огнем критики – ситуацию в Нахичевани изучают посланцы Эльчибея. №22 от 30.10.1992
<https://www.kommersant.ru/doc/28344>

³ AzLogos.Eu. Azərbaycan-İran münasibətləri.
<https://azlogos.eu/az%C9%99rbaycan-iran-munasib%C9%99tl%C9%99ri/>

15 июня 1993 г. Г. Алиева избрали председателем Милли Меджлиса (парламента) Азербайджана, а 17 июня Эльчибей неожиданно бежал из Баку и поселился в своем родном селе Келеки. Спустя несколько дней парламент вынес вотум недоверия бежавшему главе государства и сложил с него полномочия, а еще через неделю Алиев стал исполняющим обязанности президента. Эпоха правления Абульфаза Эльчибея в Азербайджане завершилась. Чуть позже, в интервью турецким СМИ, Эльчибей признается, в том, что просил помощи и у иранского руководства в поставке военных вертолетов, однако ответа от Тегерана не последовало¹.

Ирано-азербайджанские взаимоотношения 1993-2003 гг. С приходом к власти Гейдара Алиева, внешняя политика Азербайджана была полностью пересмотрена. Азербайджан восстановил сотрудничество с Москвой, вступил в СНГ, отказался от протурецкого курса, начал выстраивать многовекторную политику, перезагрузил взаимоотношения с Тегераном.

В октябре 1993 г., президент Ирана Х. Рафсанджани посещает Баку. В ходе своего визита он высказал поддержку президенту Г. Алиеву. В то время, как иранский президент находился в азербайджанской столице, армянские вооруженные формирования оккупировали районный центр Зангилан вместе с сопредельными населенными пунктами. В результате азербайджанский военный полк и мирные жители были заблокированы, так как сепаратистам удалось захватить прилегающие к Зангилану территории. Учитывая общую границу этого района с Ираном на юге, беженцы переправились через реку Араз и попали на территорию ИРИ [Юнусов 2007: 64]. Через некоторое время, на территории Азербайджана при содействии Ирана были построены первые палаточные лагеря для беженцев. В них разместились почти 100 тыс. чел.

Спустя некоторое время в зоне боевых столкновений произошло событие, которое кардинально могло бы изменить ситуацию в

регионе и повлиять не только на ирано-армянские отношения, но и на ход военных действий в пользу Азербайджана. 17 марта 1994 г. возле Ханкенди (Степанакерта) потерпел крушение военно-транспортный самолет С-130 ВВС Ирана. На его борту находились семьсот сотрудников иранского посольства в Москве. Они направлялись из российской столицы в Тегеран на празднование Новруза. В результате авиакатастрофы погибли все 32 человека находившиеся на борту, включая членов экипажа [Panico 1995: 108].

Для выяснения обстоятельств произошедшего, иранские власти создали спецкомиссию. Ее глава Абдат Аминян отверг версию вице-президента Армении Гагика Арутюняна относительно технической неисправности самолета. По версии армянских властей, именно неисправность привела к потере управления и последующего падения на землю, в результате чего произошел взрыв. В ответ на это заявление, официальный представитель МИД ИРИ заявил, что «самолёт по неустановленным причинам после отклонения от курса взорвался в воздухе»².

По словам Аминяна, самолёт был сбит двумя ракетами, выпущенными армянскими вооружёнными формированиями, и отметил, что «Ереван не взял на себя ответственность за происшествие... При этом признал, что его войска приняли иранское воздушное судно за азербайджанское и даже не пытались установить связь с экипажем для выяснения его принадлежности» [Panico 1995: 108].

В опубликованном МИД Ирана официальном заявлении о результатах работы комиссии, вина за уничтожение военно-транспортного самолёта возлагалась на Армению. В заявлении также отмечалось, что «Иран оставляет за собой право подать иск и получить компенсацию для жертв катастрофы и призывает армянское руководство выявить и наказать виновных в уничтожении воздушного судна»³.

¹ YouTube-канал MeydanTV (видео). Elçibəy: Türkiyədən dörd helikopter istədim, vermədilər. <https://www.youtube.com/watch?v=Ko4DidoU3PA>

² Associated Press. 32 Killed in Iranian Plane Crash Over Nagorno-Karabakh. March 19, 1994. <https://apnews.com/add13da5ffed54dc493cc029be03d795>

³ Ibid

Во время встречи с вице-президентом Армении Г. Арутюняном в Тегеране, президент Ирана Х. Рафсанджани потребовал наказания тех, кто являлся виновником уничтожения самолета. Иранские СМИ отмечали, что перед отбытием из Тегерана Арутюнян в итоге признал факт уничтожения иранского самолета «по ошибке», однако не указал лиц, ее допустивших. На тот момент, многие эксперты предполагали резкую смену курса Тегерана в пользу Баку. Лидеры общественного мнения из числа исламского духовенства прямо призывали к разрыву дипломатических отношений с Арменией и безоговорочной поддержке Азербайджану в Нагорно-Карабахском конфликте. Однако дипломатам удалось смягчить напряженную обстановку между двумя странами, а разговоры, так же, как и прежде были сглажены.

Летом 1994 г., президент Азербайджана Гейдар Алиев нанес ответный визит в Иран. Помимо обсуждения вопросов о двустороннем сотрудничестве и подписания ряда соглашений, была прояснена итоговая позиция Ирана в вопросе армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта. Она выражалась в осуждении Исламской республикой Иран агрессии Армении, призыву к решению конфликта мирным путем и выводу оккупационных войск из этой территории. Эти пункты были задекларированы в соответствующем документе и озвучены официальным представителем МИД ИРИ¹. Таким образом, Алиеву удалось добиться того, что было немислимым для ирано-азербайджанских отношений в период 1992-1993 гг. и даже для президента Муталибова, который был заинтересован в привлечении Ирана как страны-посредника.

В декабре 1995 г. в Баку вновь прибыл заместитель главы МИД Исламской республики М. Ваези. Он привез с собой несколько пленных азербайджанцев, которых Армения передала Ирану². В Азербайджане этот шаг расценили как попытку Ирана исправить провал мирных переговоров трехлетней давности в Тегеране. Через некоторое время вновь состоялась очередная встреча Алиева и Рафсанджани. Иранский президент

подчеркнул намерение своей страны продолжать поддержку азербайджанским беженцам и вынужденным переселенцам³.

В 1997 г. в Иране прошли президентские выборы. По итогам голосования победил Мохаммад Хатами – последовательный сторонник реформ, проведения курса многополярной политики, а также налаживания диалога с США. Проводимая им политика основывалась на экономических выгодах и порою могла несущественно перевесить ценности исламской революции, на которые опирались ее идейные лидеры. Позиция Хатами по Нагорно-Карабахскому конфликту на словах фактически ничем не отличалась от позиции своего предшественника. Под его председательством в Организации исламского сотрудничества в Тегеране была принята резолюция, в которой открыто осуждается агрессия Армении в отношении Азербайджана. Однако повторное заметное ухудшение взаимоотношений между Баку и Тегераном проявилось именно при нем. Напряженность была вызвана тем, что Хатами стремился решить вопрос делимитации Каспийского моря исходя исключительно из интересов Исламской республики, с чем был не согласен Алиев. Среди экспертов принято считать, что именно этот аспект и стал ключевым в новом витке напряженности между обеими странами. Иран продолжал экономическое сотрудничество с Азербайджаном, при этом перезагрузил кооперацию и с Арменией. С тех пор ирано-азербайджанские отношения рассматриваются исследователями как «негативно-нейтральные» [Валиев 2012: 3].

В самом Баку также пересмотрели политику в отношении южного соседа. Азербайджанский исследователь Ариф Юнусов в своих трудах упоминает факт выдворения из республики почти всех иранских религиозных, гуманитарных и общественных организаций. Также были арестованы и осуждены по обвинению в шпионаже в пользу Ирана руководители проиранской «Исламской партии Азербайджана» [Юнусов 2007: 68].

Эти факторы в совокупности не могли не повлиять на реакцию Ирана. Формально, Исламская республика продолжала

¹ «Heydar Aliyev Heritage». Азербайджано-иранские отношения. <http://lib.aliyev-heritage.org/ru/6163780.html>

² Ibid

³ Ibid

придерживаться ранее высказанных заявлений и подписанных документов по карабахскому конфликту. Смена курса в этом вопросе вызвала бы непонимание и волнения среди многомиллионного азербайджанского населения в Иране. Негативная реакция могла бы последовать и среди консервативно-религиозных слоев населения, выступающих за безоговорочную поддержку своих властей в пользу Азербайджана.

В этой связи у Тегерана не оставалось каких-либо рычагов воздействия, кроме как вновь использовать метод 1992-1993 гг. – абстрагироваться от вопроса, связанный с конфликтом и выстраивать равные отношения как с Баку, так и с Ереваном. Азербайджанские исследователи в своих публикациях указывают на интенсивную экономическую помощь Армении со стороны Ирана в этот период времени. В частности, Иран по сравнительно невысоким ценам поставлял газ, а также снабжал страну продовольственными товарами [Юнусов 2007: 23], тем самым спас ее от экономической катастрофы. При этом, некоторые эксперты в Баку подчеркивают, что были зафиксированы поставки продуктов питания и в Нагорный Карабах, однако в ходе нашего исследования не было выявлено ни одного документального факта, подтверждающий этот тезис.

В мае 2002 г. президент Азербайджана Гейдар Алиев впервые посетил Иран с официальным визитом после начала второго этапа напряженности в двусторонних отношениях¹. Алиев провел встречи с президентом Хатами и верховным лидером страны Али Хаменеи. Несмотря на то, что центральной темой визита был раздел Каспийского моря, вопрос Нагорно-Карабахского конфликта не был обведен стороной. Тегеран в очередной раз выступил с поддержкой территориальной целостности Азербайджана, однако неоднократно призывал решить проблему исключительно мирным путем. Если до 1997 г. Тегеран реже упоминал о мирном способе решения конфликта, то после того, как президентом стал Мохаммад Хатами, иранский МИД выступал гораздо чаще с

этим призывом. Несмотря на то, что существенного прорыва по обсуждаемым вопросам в ходе этого визита достичь не удалось, обе страны напомнили друг другу о необходимости ведения диалога, который в конечном итоге может принести результат.

Ирано-азербайджанские отношения 2003-2013 гг. В октябре 2003 г. президентом Азербайджана был избран И. Алиев. Новый глава государства провозгласил продолжение внешнеполитического курса своего отца Г. Алиева. Однако это вовсе не означало отсутствие изменения подходов Азербайджана в отношении Ирана. В Баку хорошо понимают, что Иран – это сосед, с которым связано достаточно факторов и поддержка хороших взаимоотношений сыграет положительную роль не только для двух стран, но и для всего региона.

В августе 2004 г. в азербайджанской столице состоялась встреча на уровне Алиев-Хатами. На ней было уделено особое внимание карабахской проблеме. И. Алиев прямо подчеркнул о чувствительности Азербайджаном постоянной поддержки Ирана в вопросе Нагорного Карабаха².

Хатами, в свою очередь, подчеркнул следующее: «Гарантиями отношений Ирана и Азербайджана являются наша совместная история, совместная религия и совместная культура... Совместные границы связывают нашу взаимную безопасность и развитие друг с другом... Безопасность Азербайджана мы считаем безопасностью Ирана». Далее он отметил о приверженности Исламской республики в решении конфликта мирным путем, добавив, что его страна готова оказать посильную помощь для его разрешения: «Я заявляю, что Нагорный Карабах является территорией Азербайджанской Республики и принадлежит ей» - подчеркнул президент Ирана³. На тот момент, у экспертов сложилось впечатление о пересмотре иранским президентом взглядов в отношении северного соседа. Примечательно, что обе страны пошли на взаимные уступки, отложив на время болезненные вопросы, касающиеся непосредственно взаимоотношений двух

¹ НГ. Алиев поехал в Тегеран на разведку. 20.05.2002. URL: http://www.ng.ru/cis/2002-05-20/6_baku.html

² РИА Новости. «Азербайджан постоянно чувствует поддержку Ирана в конфликте с Арменией из-за

Нагорного Карабаха - Ильхам Алиев». 05.08.2004. <https://ria.ru/20040805/648231.html>

³ Ibid

Ирана имеет особое значение, поскольку подобные фетвы имеют свою силу в мусульманском мире, особенно в тех странах, где правит теократический режим.

Подытоживая позицию ИРИ по вопросу Карабаха в период правления Махмуда Ахмадинежада следует отметить несколько фактов:

1. Иран в этот период времени пытался сохранить нейтралитет между обеими сторонами. Ахмадинежад был уверен, что и в Баку, и в Ереване такую тактику воспримут положительно, тем самым обе стороны выразят заинтересованность в Тегеране как площадке для урегулирования конфликта.

2. Внешняя политика Ирана была подвергнута кардинальной трансформации, вследствие чего страна впервые оказалась под санкциями ООН. Чтобы избежать катастрофических последствий для своей экономики, Тегеран предпринял попытку наладить тесную экономическую кооперацию со всеми соседями, невзирая на их конфликты. Продолжение углубленных связей с Арменией повлияли на отношения с Азербайджаном, тем самым вызвав нежелание последнего привлечь Иран как посредника.

3. В период 2010-2013 гг. Иран не проявлял активного интереса к решению урегулирования конфликта в Карабахе, поскольку вопросы его внутренней политики и экономического состояния диктовали условия для собственного выживания.

Позиция Ирана по Карабахскому конфликту на современном этапе (2013 – н.в.). В 2013 г. у руля президентской власти в Иране вновь оказались представители реформаторского крыла во главе с Хасаном Роухани. Новый президент, как и его соратник Хатами придерживался достаточно либеральных по меркам Исламской республики взглядов. Снятие санкций, проведение мягкой внешней политики с соседями, улучшение экономического благосостояния страны – на эти столпы опирался во время президентской гонки Хасан Роухани. Вступив в должность президента, Роухани пересматривает внешнеполитический курс своего предшественника Ахмадинежада. Под

реорганизацию внешней политики ИРИ попадают и отношения с Азербайджаном и Арменией, и взгляды на конфликт в Карабахе. Роухани на встречах с лидерами Азербайджана и Армении, всегда затрагивает тему решения Нагорно-Карабахского конфликта. При этом, как и его предшественники, Х. Роухани выделяет два ключевых аспекта: 1) Иран всегда готов выступить в качестве посредника и предоставить свою площадку для переговоров, 2) Конфликт необходимо решать исключив путем мирных переговоров.

В то же время мы являемся свидетелями интенсивной политико-экономической, региональной кооперации между Азербайджаном и Ираном. Этот тезис подтверждает появление геополитических треугольников «Россия-Азербайджан-Иран» и «Турция-Азербайджан-Иран», создание рабочей группы по полномасштабному запуску международного транспортного коридора «Север-Юг». В силу того, что против Ирана администрация президента США Д. Трампа повторно ввела санкции, Тегерану стало сложнее инвестировать в крупные проекты. За несколько месяцев до ввода ограничительных мер против Исламской республики в мае 2018 г., Азербайджан выделил 500 млн долл. иранской стороне на строительство участка железной дороги между азербайджанским городом Астара и иранским городом Решт¹. На протяжении последних нескольких лет фиксируется рост товарооборота между двумя странами. Вполне вероятно, что эти ключевые моменты экономического характера могут способствовать на смену взглядов Ирана в вопросе решения конфликта в пользу Азербайджана.

Заключение. Проанализировав роль Ирана в решении урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, мы прежде всего изучили динамику взаимоотношений между Азербайджаном и Ираном с 1991 г. по настоящее время. Невзирая на то, что экспертное сообщество оценивает ирано-азербайджанские отношения как «негативно-нейтральные», есть основания предположить, что они могут претерпеть изменения и быть направлены в позитивное русло. Сейчас у двух

¹ Day.Az - Азербайджан выделил Ирану \$500 миллионов. 15.11.2017. <https://news.day.az/economy/950798.html>

стран имеется уникальная возможность решить накопившиеся вопросы, поскольку события последних лет как в регионе, так и в международных отношениях в целом, указывают на формирование нового миропорядка в среднесрочной перспективе. Исходя из этого сценария, существует вероятность возвращения Ирана в переговорный процесс, где он сможет занять место посредника.

Однако если Иран вернет себе этот статус, то и Азербайджан, и Армения должны быть готовы к равноудаленному отношению со стороны своего южного соседа. Тегеран будет исходить исключительно из своих национальных интересов. Он не будет

руководствоваться принципами общей веры, общей истории или тесными экономическими взаимоотношениями. Для него особенно важно предугадать, какой порядок сложится в регионе, в случае если конфликт будет решен, причем его же руками. Исходя из этого, властям Исламской республики в определенной степени выгоднее сохранять действующий статус-кво, который не перерастет в полномасштабную войну с последующими катастрофическими последствиями для всего Закавказья. Иран никогда не откажется от роли посредника, однако вряд ли его предложения смогут полноценно устраивать обе стороны конфликта.

Библиографический список

- Raphael Israeli.* Islam in China. Religion, Ethnicity, Culture, and Politics. The Nagorno-Karabakh Test Case. 2002 С.213
- Thomas de Waal.* Black Garden. Armenia and Azerbaijan through Peace and War. Shusha Captured. 2003 С.179-180
- Cameron S. Brown.* Wanting to Have Their Cake and Their Neighbor's Too: Azerbaijani attitudes towards Karabakh and Iranian Azerbaijan. // Middle East Journal. 2004 С.587-588
- Юнусов А.* Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы. Глава «Иранская западня». // Институт мира и демократии 2007 С.64
- Christopher Panico, Jemera Ron.* Human Rights Watch/Helsinki. Azerbaijan: Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh. 1995 С.108
- Сидоров Е.И.* Ирано-азербайджанские отношения в первый год президентства Хатами // ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2015. № 6 (36). С.18
- Anar M. Valiyev.* Azerbaijan-Iran Relations: Quo Vadis, Baku? // PONARS Eurasia Policy Memo No. 244. 2012 С. 3
- Юнусов А.* Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы. Глава «Иранская западня» // Институт мира и демократии 2007 С.112
- Корнилов А.А., Матвеев А.С.,* «Динамика закавказской политики иранского президента М.Ахмадинежада». // Вестник РУДН, серия Международные отношения, 2011, № 4. С.25

Сведения об авторе: Ибрагимов Фархад Эльшан оглы – аспирант Центра постсоветских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (e-mail: farhadibragimov@yandex.ru)

References

- Raphael Israeli.* Islam in China. Religion, Ethnicity, Culture, and Politics. The Nagorno-Karabakh Test Case. 2002 S.213
- Thomas de Waal.* Black Garden. Armenia and Azerbaijan through Peace and War. Shusha Captured. 2003 S.179-180
- Cameron S. Brown.* Wanting to Have Their Cake and Their Neighbor's Too: Azerbaijani attitudes towards Karabakh and Iranian Azerbaijan // Middle East Journal. 2004 S.587-588
- Yunusov A.* Azerbaijdzhan v nachale XXI veka: konflikt'y i potencial'nye ugrozy. Glava «Iranskaya zapadnya». // Institut mira i demokratii 2007 S.64
- Christopher Panico, Jemera Ron.* Azerbaijan: Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh // Human Rights Watch/Helsinki. 1995 S.108
- Sidorov E.I.* Irano-azerbajdzhanskie otnosheniya v pervyj god prezidentstva Hatami. ISSN 1998-9938. // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 4, Ist. 2015. № 6 (36). S.18
- Anar M. Valiyev.* Azerbaijan-Iran Relations: Quo Vadis, Baku? // PONARS Eurasia Policy Memo No. 244. 2012 S. 3

Yunusov A. Azerbajdzhan v nachale XXI veka: konflikty i potencial'nye ugrozy. Glava «Iranskaya zapadnya» // Institut mira I demokratii 2007 S.112

Kornilov A.A., Matveev A.S., «Dinamika zakavkazskoj politiki iranskogo prezidenta M.Ahmad-inezhada». Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011, № 4. S.25

About the author: Ibrahimov Farhad – PhD student of Center for post-Soviet Studies, IMEMO of Russian Academy of Science (e-mail: farxadibragimov@yandex.ru)

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Двусторонние отношения Беларуси со странами СНГ в оценках белорусских экспертов

А.П. Косов

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебск, Беларусь

Аннотация. Предметом рассмотрения настоящей статьи является внешнеполитическая деятельность Белоруссии на постсоветском пространстве в рамках СНГ. Укрепление двустороннего и многостороннего сотрудничества между Республикой Беларусь и странами СНГ является одним из ключевых внешнеполитических приоритетов страны. Беларусь принимает активное участие в работе координационных органов СНГ (Межпарламентской Ассамблеи, Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны, Межгосударственного экономического комитета и др.). Столица республики город Минск является резиденцией исполнительных и координационных органов СНГ. Республика Беларусь участвовала в разработке, подписала и ратифицировала важнейшие уставные документы СНГ, в том числе его Устав. Принимая во внимание серьезный комплекс противоречий, накопившийся в рамках СНГ за 30 лет существования этой организации, а также то, что ряд государств-учредителей СНГ либо вышли оттуда (как Грузия и де-факто Украина), либо имеют весьма ограниченные цели в рамках Организации (как Туркменистан, являющийся ассоциированным членом и развивающим лишь двусторонние отношения со странами СНГ и Балтии), Совет глав государств узаконил концепцию разноскоростной интеграции в рамках СНГ. При этом экономическое направление является на сегодняшний день наиболее приоритетным. Белорусское руководство выступает за формирование в рамках Содружества полноценной рыночной инфраструктуры, что будет способствовать развитию в будущем общего экономического пространства, основанного на свободном перемещении товаров, услуг, рабочей силы и капиталов. Зона свободной торговли, созданная в рамках ЕАЭС, к примеру, содействует более плавному и равноправному вхождению стран-участниц данного интеграционного механизма в мировую систему хозяйства, что представляется особенно актуальным с учетом текущей международной повестки, отличающейся неопротекционизмом отдельных мировых игроков и общим ростом международной напряженности.

В рамках исследования проанализированы подходы ведущих белорусских экспертов, занимающихся системным анализом изучаемой проблемы. В ходе работы над материалом автор использовал системно-аналитический метод, историко-аналитический метод и метод экономического прогнозирования.

Ключевые слова: СНГ, Беларусь, экономическое сотрудничество, ЕАЭС, СМИ.

Bilateral relations of Belarus with the CIS countries in the estimates of Belarusian experts

A.P. Kosov

Vitebsk State University named after P.M. Masherova
Vitebsk, Belarus

Abstract. The subject of this article is devoted to the foreign policy of Belarus in the post-Soviet space within the CIS. Strengthening bilateral and multilateral cooperation between the Republic of Belarus and the CIS countries is one of the key foreign policy priorities of the country. Belarus takes an active part in the work of the coordinating bodies of the CIS (Inter-Parliamentary Assembly, Council of Ministers of Foreign Affairs, Council of Ministers of Defense, Interstate Economic Committee, etc.). The capital of the republic, the city of Minsk, is the seat of the executive and coordinating bodies of the CIS. The Republic of Belarus participated in the development, signed and ratified the most important statutory documents of the CIS, including its Charter. Taking into account the serious complex of contradictions that have accumulated within the CIS over the 30 years

of the existence of this organization, as well as the fact that a number of the CIS founding states have either left (like Georgia and de facto the Ukraine), or have very limited goals within the Organization (as Turkmenistan, which is an associate member and develops only bilateral relations with the CIS and Baltic countries), the Council of Heads of State has legitimized the concept of multi-speed integration within the CIS. Moreover, the economic direction is by far the highest priority. The Belarusian leadership advocates the formation within the framework of the Commonwealth of a full-fledged market infrastructure, which will contribute to the development of a common economic space in the future based on the free movement of goods, services, labor and capital. The free trade zone created within the framework of the EAEU, for example, promotes a smoother and more equal entry of the member countries of this integration mechanism into the world economy, which seems especially relevant given the current international agenda, which is distinguished by the neo-protectionism of individual world players and the general increase in international tension.

As part of the study, the approaches of leading Belarusian experts involved in a systematic analysis of the problem under study are analyzed. In the course of work on the material, the author used the system-analytical method, the historical-analytical method and the method of economic forecasting.

Keywords: CIS, Belarus, economic cooperation, EAEU, media.

После белорусско-российских отношений наибольший интерес для белорусского научно-исследовательского и экспертного сообщества представляют белорусско-украинские отношения. В современной белорусской историографии можно назвать ряд работ, в которых рассматриваются как отдельно взятые аспекты двустороннего взаимодействия, так и весь комплекс взаимоотношений Минска и Киева в 1990-е – 2000-е гг. [Володькин 2017; Заломай 1997; Касцюк 2004; Шимов 2008] В частности, послы Беларуси в Украине В.В. Курашик и В.В. Величко в своих публикациях охарактеризовали отношения между двумя странами, подчеркнув наличие активного политического диалога, динамичное развитие торгово-экономических связей [Величко 2004, 2012; Курашик 1997, 2010]. Так, В.В. Величко обратил внимание на то, что отношения Минска и Киева не подвержены политической конъюнктуре, а основаны на взаимных интересах [Величко 2012: 66]. По его мнению, неплохо развивалось белорусско-украинское взаимодействие на международной арене – по линии ООН, ОБСЕ, ЦЕИ, СНГ. Поэтому дипломат охарактеризовал отношения между Беларусью и Украиной как стратегическое партнерство [Величко 2012: 70]. Политолог В.И. Карбалевиц подробно проанализировал двусторонние отношения с 1995 по 1999 г., обратив внимание на то, что их основной составляющей были торгово-экономические связи [Карба-

левич 1999b]. Непосредственно торгово-экономическому сотрудничеству между Минском и Киевом посвящены публикации Е.А. Бурик, Г.П. Бущик, Н.П. Галимовой, П.Г. Никитенко и Т.С. Вертинской, в которых рассмотрены основные проблемы и достижения сторон в указанной сфере на протяжении постсоветского периода [Бурик 2012; Бушчык 2004; Галимова 2004; Никитенко, Вертинская 2002].

В конце 2000-х гг. в белорусской историографии появились первые удачные попытки комплексного исследования государственно-политических и торгово-экономических отношений между Минском и Киевом в постсоветский период. Так, А.В. Тихомиров в своих работах подчеркнул, что состояние политического диалога между двумя государствами не оказывает прямого воздействия на состояние их отношений в области экономики, хотя разнонаправленность внешнеполитических векторов и сдерживает развитие торгово-экономических контактов [Тихомиров 2010; Ціхаміраў 2007]. Существенным вкладом в комплексное изучение белорусско-украинских отношений стала монография витебского исследователя Д.В. Юрчака «Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений, где уделено особое внимание месту двух стран во внешнеполитической стратегии друг друга, государственно-политическим, торгово-экономическим и гуманитарным аспектам Республики Бела-

руссию и Украины в постсоветский период [Юрчак 2015а]. История нескольких последних лет белорусско-украинских отношений нашла свое отражение в одной из последних публикаций этого же автора [Юрчак 2018: 83–86].

Начавшийся в 2014 г. украинский кризис, привел к появлению в белорусской историографии исследований о реакции Минска на события в Украине и посреднической роли Беларуси в разрешении конфликта [Косов, Юрчак 2017; Тихомиров 2015б, 2016б; Юрчак 2015б].

Относительно немного в современной историографии работ, посвященных изучению современных белорусско-молдавских отношений. На сегодняшний день можно назвать несколько публикаций, в которых наряду с освещением страниц прошлого двух стран обращено внимание на современный уровень развития двустороннего взаимодействия в общественно-политической, торгово-экономической, социально-культурной и научной сферах. Кроме того, проанализированы этнополитические процессы в Беларуси и Молдове. Авторы рассмотрели динамику национальной политики в области защиты прав и свобод национальных меньшинств, процессы развития гражданского общества в лице белорусских организаций Молдовы и молдавских этнокультурных сообществ Беларуси [Беларусь – Молдова: 15 лет... 2007; Кошалеў 2009; Молдова – Беларусь: исторический опыт... 2012]. Кроме того, заслуживают внимания работы посла Беларуси в Республике Молдова в 1999–2009 гг. В.А. Саковича и доцента кафедры международных отношений БГУ В.В. Фрольцова [Сакович 2010, 2011; Froltsov 2012]. В целом, по мнению исследователей, в настоящее время белорусско-молдавские отношения имеют достаточно активный и взаимовыгодный характер.

Усилиями отдельных исследователей разрабатываются внешнеполитические аспекты, связанные с сотрудничеством Республики Беларусь с государствами Средней Азии и Закавказья. Так, белорусско-казахским отношениям посвящены публикации посла Беларуси в Казахстане в 1997–2006 гг. Л.В. Пакуш [Пакуш 2001а, 2001б],

научного сотрудника Центра всеобщей истории и международных отношений Института истории НАН Беларуси Е.А. Александрович [Александрович 2008, 2014, 2016] и доцента кафедры международных отношений БГУ А.В. Тихомирова [Тихомиров 2016а]. По их мнению, сотрудничество Беларуси и Казахстана в политической, торгово-экономической и культурной сферах отмечается высокой динамичностью и является важным направлением во внешней политике Беларуси. Его основу составляет близость позиций обеих сторон по наиболее важным международным вопросам, что находит свое отражение в расширении договорно-правовой базы белорусско-казахского взаимодействия и позволяет эффективно решать вопросы двустороннего сотрудничества. Что касается взаимоотношений Беларуси с другими среднеазиатскими республиками, то на сегодняшний день они освещены еще достаточно слабо. Так, в 2011 и 2016 гг. по инициативе посла Республики Таджикистан в Республике Беларусь К.К. Коимдодова было проведено две научные конференции, посвященные таджикско-белорусским отношениям, в которых приняли участие государственные деятели, дипломаты и эксперты – М.Г. Жилинский, И.В. Котляров, В.Е. Улахович, М.В. Данилович и др. [20 лет независимости Республики Таджикистан... 2011; 25 лет независимости Республики Таджикистан... 2016]

Сотрудник Института истории НАН Беларуси Т.А. Поповская проследила историю взаимоотношений Беларуси и Кыргызстана в 1990-е – 2000-е гг. и пришла к выводу о том, что важнейшим направлением белорусско-кыргызских связей является взаимовыгодное сотрудничество в экономической сфере, особенно после вступления Бишкека в ЕАЭС [Папоўская 2017: 98].

В статье профессора М.Э. Чесновского и Н.Х. Худайбердиевой анализируются особенности белорусско-туркменских отношений, обусловленные внешнеполитическими приоритетами двух стран, что нашло отражение в их деятельности на постсоветском пространстве. По мнению авторов, разные региональные приоритеты не препятствовали Минску и Ашхабаду мирно урегулировать все имеющиеся в процессе постсовет-

ской интеграции в рамках СНГ проблемы на основе удовлетворяющих стороны решений [Chasnouski, Khudayberdiyeva 2016].

К.С. Разуванова из Института истории НАН Беларуси обратилась к изучению белорусско-армянских отношений. Она резюмировала, что плодотворное сотрудничество между Минском и Ереваном развивается практически во всех сферах. Перечисляя успехи и достижения сторон, К.С. Разуванова обратила внимание на то, что существенную проблему представляет позиция Минска в отношении конфликта в Нагорном Карабахе, что не всегда нравится Еревану [Разуванова 2017: 116–117]. Тем не менее, по ее мнению, потенциал двусторонних связей далеко не исчерпан и нуждается в дальнейшем развитии, что «позволит противостоять имеющему место активному неблагоприятному внешнему воздействию на динамику белорусско-армянских отношений» [Разуванова 2017: 118].

Представитель азербайджанской диаспоры в Беларуси Б.А. Ганбаров рассмотрел ряд аспектов азербайджано-белорусских взаимоотношений. Однако акценты в его монографии расставлены на действиях Баку в отношении Минска. В частности, он рассмотрел роль и место Беларуси во внешнеполитическом курсе, а также культурной, образовательной и научно-технической политике Азербайджана, экономические связи двух стран и роль азербайджанской диаспоры в Республике Беларусь в процессе азербайджано-белорусского сотрудничества [Ганбаров 2014]. Современное состояние белорусско-азербайджанских отношений в экономической сфере нашли отражение в работе Ф.И. Юсубова [Юсубов 2010].

Однако серьезных исследований, посвященных всестороннему изучению взаимоотношений Беларуси со среднеазиатскими и закавказскими государствами, в современной белорусской историографии явно недостаточно. А по отдельным направлениям, например изучение белорусско-узбекских и белорусско-грузинских отношений, работы и вовсе отсутствуют.

Заключение. Таким образом, постсоветское пространство занимает ведущее место во внешней политике Республики Беларусь. После непродолжительного периода внеш-

неполитической неопределенности в начале 1990-х гг. белорусское руководство под влиянием происходящих в современном мире глобальных и региональных процессов определило четкие приоритеты внешней политики страны, где постсоветское пространство оказалось первым как по порядку, так и по значимости, поскольку включает в себя развитие и укрепление двусторонних отношений Беларуси с другими ННГ, особенно с Россией, а также участие в различных интеграционных проектах – СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, СГ, ЕАЭС. Поэтому повышенное внимание белорусского экспертного сообщества к планированию и реализации внешней политики страны в данном регионе неудивительно. Именно эксперты способны на профессиональном уровне осуществлять сопровождение внешнеполитического курса Беларуси: выявлять и обосновывать национальные интересы страны, определять для страны возможные преимущества и риски на мировой арене как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Сегодня в Беларуси существует целый ряд различных научно-исследовательских структур, в полной мере обеспечивающих экспертное сопровождение внешнеполитической деятельности страны на международной арене, в том числе и на постсоветском пространстве. Разумеется, их влияние на выработку и реализацию внешнеполитических решений государственными органами неодинаково. Одни эксперты активно привлекаются МИД к обсуждению актуальных вопросов, участвуют в ток-шоу на радио и телевидении, публикуются и выступают в СМИ, тем самым являясь узнаваемыми персонами среди широкой общественности. Другие, наоборот, известны только в узкопрофессиональных кругах. При этом в общественно-политическом дискурсе Беларуси представлены различные точки зрения относительно внешнеполитического курса страны на постсоветском пространстве: от одобрения действий белорусского руководства до критики и даже жесткого их неприятия, особенно в сфере интеграции с Россией. В целом, оценки внешней политики Беларуси в данном регионе представителями экспертного сообщества страны напрямую зависят от практической реа-

лизации заключенных договоренностей, соблюдения национальных интересов и извлечения выгоды на том или ином временном этапе.

Неодинаково в белорусской историографии изучены двусторонние отношения Беларуси с другими постсоветскими государствами. Наибольшее количество публикаций посвящено белорусско-российским отношениям, затем взаимосвязям с Украи-

ной, Казахстаном, Молдовой. Исследований, затрагивающих отношения Беларуси с закавказскими и среднеазиатскими республиками относительно немного или вообще нет. Данный факт объясняется рядом субъективных и объективных причин. Поэтому в перспективе следует ожидать появления новых публикаций, посвященных внешнеполитическому курсу страны на постсоветском пространстве.

Библиографический список

- 20 лет независимости Республики Таджикистан и 15 лет установления дипломатических отношений между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь*: материалы Международной научной конференции (Минск, 8 июня 2011 г.) / под общ. ред. К. Коимдодова. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2011. 82 с.
- 25 лет независимости Республики Таджикистан и 20 лет установления дипломатических отношений между Республикой Таджикистан и Республикой Беларусь*: материалы Международ. науч.-теорет. конф. (г. Минск, 22 сент. 2016 г.) / Посольство Респ. Таджикистан в Респ. Беларусь; сост. Е. Хомченко; под общ. ред. К. Коимдодова. Минск: Кнігазбор, 2016. 78 с.
- Александрович Е.А.* Беларусь-Казахстан: 25 лет сотрудничества // Мемлекет тарихы = История государства. 2016. № 2. С. 20–27.
- Александрович Е.А.* Развитие торгово-экономических отношений Беларуси и Казахстана (2000–2013 гг.) // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. 2014. № 4. С. 63–67.
- Александрович Е.А.* Участие Республики Беларусь в экономической интеграции на постсоветском пространстве // Беларусь в геополитических процессах XX – начала XXI в.: сборник научных статей / редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 5–15.
- Беларусь – Молдова: 15 лет дипломатических отношений*: Междунар. науч.-практ. конф. (Кишинев, 10 нояб. 2007 г.) / Ин-т истории, государства и права Акад. наук Молдовы, Посольство Респ. Беларусь в Молдове; ред. совет: Б. Гаина [и др.]. Кишинев, 2007. 298 с.
- Бурик Е.А.* Приграничное экономическое сотрудничество между Республикой Беларусь и Украиной в 1990-е – 2000-е годы // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2012. № 4. С. 8–17.
- Бушчык Г.П.* Стан гандлёва-эканамічных сувязяў Рэспублікі Беларусь з Украінай у 1992–2002 гг. // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 сак. 2003 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; рэдкал.: У.І. Навіцкі [і інш.]. Мінск, 2004. С. 398–401.
- Величко В.В.* Беларусь и Украина в системе стратегического партнерства // Проблемы управления. 2012. № 2. С. 64–70.
- Величко В.* Состояние и перспективы белорусско-украинских отношений // Веснік Міністэрства замежных спраў. 2004. № 3. С. 53–60.
- Володькин А.А.* Отношения с Украиной в формировании системы внешнеполитических связей Республики Беларусь // Историчні та стратегічні імператывы модернізацыі првідных і транзитивних країн світу: збірник наукових праць / за заг. ред. О.В. Зернецької / Інститут всесвітньої історії НАН України. К.: ДУ «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2017. С. 102–110.
- Галимова Н.П.* О некоторых проблемах торгово-экономических отношений Беларуси и Украины на современном этапе // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 сак. 2003 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; рэдкал.: У.І. Навіцкі [і інш.]. Мінск, 2004. С. 366–367.

- Ганбаров Б.А.* Республика Беларусь во внешней политике Азербайджанской Республики в 2001–2012 гг. 2-е изд. доп. Минск: Право и экономика, 2014. 202 с.
- Заломай И.В.* Беларусь – Украина // Вестник Министерства иностранных дел. 1997. № 1. С. 149–152.
- Карбалевиц В.* Украина во внешней политике Беларуси: основные тенденции и направления // Национально-государственные интересы Республики Беларусь / О.М. Абрамова [и др.]; под ред. Л.Ф. Заико. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. С. 31–46.
- Касцюк М.П.* Беларусь і Украіна: асноўныя этапы ўзаемаадносін // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 сак. 2003 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; рэдкал.: У.І. Навіцкі [і інш.]. Мінск, 2004. С. 22–31.
- Косов О., Юрчак Д.* Роль і місце Рэспублікі Білорусь у процесі врегулювання кризи на сході Украіны // Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини. 2017. Випуск 41. С. 89–96.
- Кошалёў М.К., Папоўская Т.А.* Гісторыя беларуска-малдаўскіх узаемаадносін. Мінск: Беларуская навука, 2009. 187 с.
- Курашик В.* Дружба и сотрудничеству альтернативы нет // Беларуская думка. 1997. № 8. С. 157–162.
- Курашик В.В.* Я не хочу судьбу иную... (Записки дипломата). К.: Освита Украина, 2010. 366 с.
- Молдова – Беларусь: исторический опыт взаимодействия* / В. Степанов [и др.]; ред.: Т. Зайковская; Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т культурного наследия Акад. наук Молдовы. – Кишинев, 2012. 452 с.
- Никитенко П.Г., Вертинская Т.С.* Белорусско-украинские экономические отношения: состояние, проблемы и пути их активизации // Никитенко П.Г., Вертинская Т.С. Беларусь – Россия и Украина: региональное измерение экономического сотрудничества. Минск: Право и экономика, 2002. С. 56–69.
- Пакуш Л.В.* Из истории белорусско-казахстанских отношений. Алматы: Гылым, 2001. 131 с.
- Пакуш Л.В.* Экономическое сотрудничество Беларуси и Казахстана: состояние, проблемы, перспективы развития // Экономическое сотрудничество Беларуси и Казахстана: состояние, проблемы, перспективы развития. Челябинск: Урал Л.Т.Д., 2001. 175 с.
- Папоўская Т.А.* Беларусь – Кыргызстан: аспекты ўзаемадзеяння // Беларусь в геополитических процессах XX – начала XXI в.: сборник научных статей / редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 88–99.
- Разуванова К.С.* К вопросу об особенностях белорусско-армянских отношений на современном этапе // Беларусь в геополитических процессах XX – начала XXI в.: сборник научных статей / редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 110–120.
- Сакович В.* Белорусско-молдавские отношения в контексте формирования молдавской государственности // Moldoscopie (Probleme de analiză politică). 2010. Vol. XLIX, № 2. С. 156–166.
- Сакович В.А.* Белорусы в этнокультурном пространстве Молдовы / Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы НАН Беларуси. Минск; Кишинев, 2011. 844 с.
- Тихомиров А.В.* Белорусско-казахстанские отношения в условиях углубления евразийской интеграции // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сборник научных статей / сост. и науч. ред. Е.А. Достанко; редкол.: А.М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. Вып. 4. Минск, 2016. С. 184–196.
- Тихомиров А.В.* Белорусско-украинские отношения в 1991–2009 гг. // Труды факультета международных отношений: Научный сборник. Выпуск 1. Минск: Тесей, 2010. С. 43–46.
- Тихомиров А.В.* Белорусско-украинские отношения в условиях кризиса в Украине (2013–2016 гг.) // Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, 27 октября 2016 г. / редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С. 59–62.

- Тихомиров А.В.* Украинский кризис и Беларусь: итоги года // Беларуская-польскія адносіны: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. круглага стала, Мінск, 30 кастр. 2014 г. / рэдкал.: В.Г. Шадурыскі (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2015. С. 69–84.
- Ціхаміраў А.В.* Беларуская-ўкраінскія адносіны ў 1991–2006 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 2. С. 3–10.
- Шимов В.В.* Украина как стратегическое направление внешнеполитической деятельности Беларуси // Социология. 2008. № 1. С. 152–159.
- Юрчак Д.В.* Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений. 2-е изд., перераб. и доп. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. 295 с.
- Юрчак Д.В.* Белорусско-украинские отношения в 1991–2017 гг. // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 1. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/0206eb_7e6b28ddd9af4a2aa2bc4c3fec1b6e5b.pdf (дата обращения: 15.03.2018).
- Юрчак Д.В.* Минск как потенциальная площадка для урегулирования украинского конфликта // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апреля 2015 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Косов (отв. ред.) [и др.]. Витебск, 2015. С. 259–263.
- Юсубов Ф.И.* Развитие экономического сотрудничества между Беларусью и Азербайджаном. Минск: Право и экономика, 2010. 146 с.
- Chasnouski M., Khudayberdiyeva N.* Belarus and Turkmenistan as CIS states – an Evolving Relationship (1991–2015) // Труды факультета международных отношений: науч. сборник / БГУ, Факультет международных отношений. Вып. 7. Минск: БГУ, 2016. С. 39–46.
- Froltsov V.V.* Belarus: A Pragmatic Approach toward Moldova // Moldova: Arena of International Influences / M. Kosienkowski, W. Schreiber (eds.). Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Lexington Books, 2012. P. 1–12.

Сведения об авторе: Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова (email: alekos1979@mail.ru)

References

- 20 let nezavisimosti Respubliki Tadzhiqistan i 15 let ustanovleniya diplomatiqeskih otnoshenij mezhdu Respublikoj Tadzhiqistan i Respublikoj Belarus': materialy Mezh-dunarodnoj nauchnoj konferencii (Minsk, 8 iyunya 2011 g.) / pod obshch. red. K. Koimdodo-va. Minsk: Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus', 2011. 82 s.
- 25 let nezavisimosti Respubliki Tadzhiqistan i 20 let ustanovleniya diplomatiqeskih otnoshenij mezhdu Respublikoj Tadzhiqistan i Respublikoj Belarus': materialy Mezh-dunar. nauch.-teoret. konf. (g. Minsk, 22 sent. 2016 g.) / Posol'stvo Resp. Tadzhiqistan v Resp. Belarus'; sost. E. Homchenko; pod obshch. red. K. Koimdodova. Minsk: Knigazbor, 2016. 78 s.
- Aleksandrovich E.A.* Belarus'-Kazahstan: 25 let sotrudnichestva // Memleket tarihy = Isto-riya gosudarstva. 2016. № 2. S. 20–27.
- Aleksandrovich E.A.* Razvitie torgovo-ekonomiqeskih otnoshenij Belarusi i Kazahstana (2000–2013 gg.) // Ekonomiqeskij byulleten' NIEI Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus'. 2014. № 4. S. 63–67.
- Aleksandrovich E.A.* Uchastie Respubliki Belarus' v ekonomiqeskoj integracii na postso-vetskom prostranstve // Belarus' v geopolitiqeskih processah XX – nachala XXI v.: sbornik nauchnyh statej / redkol.: A.A. Kovalenya (gl. red.) [i dr.]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2017. S. 5–15.
- Belarus' – Moldova: 15 let diplomatiqeskih otnoshenij: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kishinev, 10 noyab. 2007 g.) / In-t istorii, gosudarstva i prava Akad. nauk Moldovy, Posol'stvo Resp. Belarus' v Moldove; red. sovet: B. Gaina [i dr.]. Kishinev, 2007. 298 s.
- Burik E.A.* Prigranichnoe ekonomiqeskoe sotrudnichestvo mezhdu Respublikoj Belarus' i Ukrainoj v 1990-e – 2000-e gody // Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universite-ta im. F. Skoriny. 2012. № 4. S. 8–17.

- Bushchyk G.P.* Stan gandlyova-ekanamichnyh suvyazyay Respubliki Belarus' z Ukrainaj u 1992–2002 gg. // Belarus' – Ukraina: gistorychny vopyt uzaemaadnosin: materyyaly mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 18–19 sak. 2003 g. / In-t gistoryi NAN Belarusi; redkal.: U.I. Navicki [i insh.]. Minsk, 2004. S. 398–401.
- Cihamiray A.V.* Belaruska-ŷkrainskiya adnosiny ŷ 1991–2006 gg. // Belaruski gistorychny chasopis. 2007. № 2. S. 3–10.
- Galimova N.P.* O nekotoryh problemah torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij Belarusi i Ukrainy na sovremennom etape // Belarus' – Ukraina: gistorychny vopyt uzaemaadnosin: materyyaly mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 18–19 sak. 2003 g. / In-t gistoryi NAN Belarusi; redkal.: U.I. Navicki [i insh.]. Minsk, 2004. S. 366–367.
- Ganbarov B.A.* Respublika Belarus' vo vneshnej politike Azerbajdzhanskoj Respubliki v 2001–2012 gg. 2-e izd. dop. Minsk: Pravo i ekonomika, 2014. 202 s.
- Karbalevich V.* Ukraina vo vneshnej politike Belarusi: osnovnye tendencii i napravleniya // Nacional'no-gosudarstvennye interesy Respubliki Belarus' / O.M. Abramova [i dr.]; pod red. L.F. Zaiako. Minsk: Izd. V.M. Skakun, 1999. S. 31–46.
- Kascyuk M.P.* Belarus' i Ukraina: asnoŷnyya etapy ŷzaemaadnosin // Belarus' – Ukraina: gistorychny vopyt uzaemaadnosin: materyyaly mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 18–19 sak. 2003 g. / In-t gistoryi NAN Belarusi; redkal.: U.I. Navicki [i insh.]. Minsk, 2004. S. 22–31.
- Koshaleŷ M.K., Papoŷskaya T.A.* Gistoryya belaruskaja-maldaŷskih uzaemaadnosin. Minsk: Belaruskaya navuka, 2009. 187 s.
- Kosov O., YUrchak D.* Rol' i misce Respubliki Bilorus' u procesi vregulyuvannya krizi na skhodi Ukraïny // Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya mizhnarodni vidnosini. 2017. Vipusk 41. S. 89–96.
- Kurashik V.* Druzhbe i sotrudnichestvu al'ternativy net // Belaruskaya dumka. 1997. № 8. S. 157–162.
- Kurashik V.V.* Ya ne hochu sud'bu inuyu... (Zapiski diplomata). K.: Osvita Ukraina, 2010. 366 s.
- Moldova – Belarus': istoricheskij opyt vzaimodejstviya / V. Stepanov [i dr.]; red.: T. Zaj-kovskaya; In-t istorii Nac. akad. nauk Belarusi, In-t kul'turnogo naslediya Akad. nauk Moldovy. – Kishinev, 2012. 452 s.
- Nikitenko P.G., Vertinskaya T.S.* Belorussko-ukrainskie ekonomicheskie otnosheniya: so-stoyanie, problemy i puti ih aktivizacii // Nikitenko P.G., Vertinskaya T.S. Belarus' – Rossiya i Ukraina: regional'noe izmerenie ekonomicheskogo sotrudnichestva. Minsk: Pravo i ekonomika, 2002. S. 56–69.
- Pakush L.V.* Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Belarusi i Kazahstana: sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya. CHelyabinsk: Ural L.T.D., 2001. 175 s.
- Pakush L.V.* Iz istorii belorussko-kazahstanskih otnoshenij. Almaty: Gylym, 2001. 131 s.
- Papoŷskaya T.A.* Belarus' – Kyrgyzstan: aspekty ŷzaemadzeyannya // Belarus' v geopoliticheskikh processah HKH – nachala HKHI v.: sbornik nauchnyh statej / redkol.: A.A. Kovalenya (gl. red.) [i dr.]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2017. S. 88–99.
- Razuvanova K.S.* K voprosu ob osobennostyah belorussko-armyanskih otnoshenij na sovremennom etape // Belarus' v geopoliticheskikh processah HKH – nachala HKHI v.: sbornik nauchnyh statej / redkol.: A.A. Kovalenya (gl. red.) [i dr.]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2017. S. 110–120.
- Sakovich V.* Belorussko-moldavskie otnosheniya v kontekste formirovaniya moldavskoj gosudarstvennosti // Moldoscopie (Probleme de analiză politică). 2010. Vol. XLIX, № 2. S. 156–166.
- Sakovich V.A.* Belorusy v etnokul'turnom prostranstve Moldovy / In-t iskusstvovedeniya, etnografii i fol'klora im. Kondrata Krapivy NAN Belarusi. Minsk; Kishinev, 2011. 844 s.
- Shimov V.V.* Ukraina kak strategicheskoe napravlenie vneshnepoliticheskoy deyatelnosti Belarusi // Sociologiya. 2008. № 1. S. 152–159.
- Tihomirov A.V.* Belorussko-kazahstanskie otnosheniya v usloviyah uglublenniya evrazijskoj integracii // Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij i global'nogo razvitiya: sbornik

- nauchnyh statej / sost. i nauch. red. E.A. Dostanko; redkol.: A.M. Bajchorov (gl. red.) [i dr.]. Vyp. 4. Minsk, 2016. S. 184–196.
- Tihomirov A.V.* Belorussko-ukrainskie otnosheniya v 1991–2009 gg. // Trudy fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij: Nauchnyj sbornik. Vypusk 1. Minsk: Tesej, 2010. S. 43–46.
- Tihomirov A.V.* Belorussko-ukrainskie otnosheniya v usloviyah krizisa v Ukraine (2013–2016 gg.) // Belarus' v sovremennom mire: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf., posvyaya-shchennoj 95-letiyu obrazovaniya Belorus. gos. un-ta, 27 oktyabrya 2016 g. / redkol.: V.G. SHadurskij [i dr.]. Minsk: Izd. centr BGU, 2016. S. 59–62.
- Tihomirov A.V.* Ukrainskij krizis i Belarus': itogi goda // Belaruska-pol'skiya adnosiny: gistoryya i suchasnasc': materyyaly Mizhnar. kruglaga stala, Minsk, 30 kastr. 2014 g. / redkal.: V.G. SHadurski (adk. red.) [i insh.]. Minsk: Vyd. centr BDU, 2015. S. 69–84.
- Velichko V.* Sostoyanie i perspektivy belorussko-ukrainskih otnoshenij // Vesnik Ministerstva zamozhnyh spraj. 2004. № 3. S. 53–60.
- Velichko V.V.* Belarus' i Ukraina v sisteme strategicheskogo partnerstva // Problemy upravleniya. 2012. № 2. S. 64–70.
- Volod'kin A.A.* Otnosheniya s Ukrainoj v formirovanii sistemy vneshnepoliticheskikh svyazej Respubliki Belarus' // Istorichni ta strategichni imperativi modernizacii providnih i tranzitivnih kraïn svitu: zbirnik naukovih prac' / za zag. red. O.V. Zernec'koï / Insti-tut vsesvitn'oï istorii NAN Ukraïni. K.: DU «Institut vsesvitn'oï istorii NAN Ukraïni», 2017. S. 102–110.
- Yurchak D.V.* Belarus' – Ukraina: 20 let mezhdunarostvennyh otnoshenij. 2-e izd., pererab. i dop. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 2015. 295 s.
- Yurchak D.V.* Belorussko-ukrainskie otnosheniya v 1991–2017 gg. // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1, № 1. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/0206eb_7e6b28ddd9af4a2aa2bc4c3fec1b6e5b.pdf (data obrashcheniya: 15.03.2018).
- Yurchak D.V.* Minsk kak potencial'naya ploshchadka dlya uregulirovaniya ukrainskogo konflik-ta // Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij i diplomatii (1918 g. – nachalo HKHI v.): materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Vitebsk, 23–24 aprelya 2015 g. / Vit. gos. un-t; redkol.: A.P. Kosov (otv. red.) [i dr.]. Vitebsk, 2015. S. 259–263.
- Yusubov F.I.* Razvitie ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdru Belarus'yu i Azerbajdzhanom. Minsk: Pravo i ekonomika, 2010. 146 s.
- Zalomaj I.V.* Belarus' – Ukraina // Vestnik Ministerstva inostrannyh del. 1997. № 1. S. 149–152.

About the author: Kosau Aliaksandr P. – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of Postgraduate Course, Associate Professor of the Department of General History and World Culture, Vitebsk State University after named P.M. Masherov (email: alekos1979@mail.ru)

Евразийские инициативы России в оценках зарубежных экспертно-аналитических центров

С.Б. Закарян

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В эпоху глобализации, которую охватывают мощные информационные потоки, особенный смысл приобретает деятельность научно-исследовательских организаций. Экспертно-аналитические центры, нередко называемые «мозговыми центрами», считаются инструментами артикуляции интересов авторитетных групп и перевода данных интересов на общедоступный язык, в том числе для лиц, принимающих политические решения. В соответствии с определением специалистов из Пенсильванского университета, осуществляющих под управлением Дж. Макгани ежегодный анализ крупнейших экспертно-аналитических организаций, «мозговыми центрами» считаются организации, осуществляющие политико-ориентированный анализ, который способствует представителям государственных структур и общественности принятию обоснованных решений по ключевым политическим и общественным вопросам. Предлагая экспертные решения различных ситуаций – от борьбы с глобальным потеплением до исследования причин глобального экономического кризиса, «мозговые центры» играют одну из ключевых ролей в формировании внутренней и внешней политики современных государств. Создание постоянно функционирующих глобальных экспертно-аналитических центров, взаимодействующих с головной научно-исследовательской организацией, увеличило значение и влияние мозговых центров по всему миру. Наблюдается процесс формирования мирового сообщества «мозговых центров», которые наводят мосты между государствами и сталкиваются с не меньшими трудностями во время реализации взаимодействия между собой, чем правительства. Подобные экспертно-аналитические центры функционируют на постоянной основе, «мозговые центры» могут быть связаны с государственными или корпоративными структурами, или имеют статус независимых аналитических организаций.

Ключевые слова: экспертно-аналитические центры, ЕАЭС, «мозговые центры», Россия, интеграция, Евразия.

Russia's Eurasian initiatives in the assessments of foreign expert-analytical centers

S.B. Zakaryan

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. In the era of globalization, which is covered by powerful information flows, the activity of research organizations acquires special meaning. Expert-analytical centers, often called “think tanks”, are considered instruments of articulating the interests of authoritative groups and translating these interests into a generally accessible language, including for political decision makers. According to the definition of experts from the University of Pennsylvania, who conduct an annual analysis of the largest expert analytical organizations under the supervision of James McGany, «think tanks» are organizations that carry out political-oriented analysis, which helps representatives of government agencies and the public make informed decisions on key political and public issues. Offering expert solutions to various situations - from combating global warming to exploring the causes of the global economic crisis, «think tanks» play one of the key roles in shaping the domestic and foreign policies of modern states. The creation of constantly functioning global expert and analytical centers that interact with the parent research organization has increased the importance and influence of think tanks around the world. There is a process of formation of a global community of "think tanks" that build bridges between States and face no less difficulties during the implementation of interaction among themselves than governments. Such expert-analytical centers operate on a permanent basis, «think tanks» can be associated with government or corporate structures or have the status of independent analytical organizations.

Keywords: expert-analytical centers, EAEU, «think tanks», Russia, integration, Eurasia

Зарубежные экспертно-аналитические центры уделяют особое внимание внешней политике России на евразийском пространстве. В большинстве своём евразийские инициативы России критикуются и ставятся под сомнение зарубежными «мозговыми центрами». Основанная в 1995 г. в Брюсселе Международная кризисная группа (International Crisis Group, Belgium) в докладе «ЕАЭС: власть, политика, торговля» (The Eurasian Economic Union: Power, Politics and Trade. International Crisis Group) критично отзывается о евразийской экономической интеграции утверждая, что «Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) пока еще не решил поставленных перед ним задач ввиду отсутствия политической воли у стран-членов к проведению реформ». Авторы утверждают, что одной из главных проблем в евразийских инициативах российского государства является тот факт, что Россия рассматривает институты интеграции как механизм влияния на соседей и «фундамент» построения нового международного порядка. Это создаёт напряженность в отношениях с партнёрами евразийской интеграции и приводит к столкновению с европейскими и китайскими интеграционными проектами. По мнению авторов, более тесная экономическая интеграция между членами ЕАЭС способна снизить вероятность конфликта членов союза. Однако несмотря на негативный фон доклада, авторы предлагают несколько условий при которых ЕАЭС сможет внести существенный вклад в стабильность и процветание региона:

- повышение уровня жизни и качества условий труда для приезжих трудовых мигрантов – это благоприятно повлияет на поддержку среди населения;
- повышение эффективности институтов ЕАЭС, которые способны убрать тарифные барьеры;
- улучшение эффективного управления и борьбы с коррупцией;
- расширение самостоятельности стран-членов ЕАЭС во взаимодействии с другими странами объединениями.

В заключении эксперты утверждают, что улучшение отношений между странами ЕС с Россией может быть возможно через установление партнерских отношений между ЕС и ЕАЭС, что в свою очередь способно снять давление со стран-участниц программы Восточного партнёрства, которые по мнению авторов «оказались в ловушке между Москвой и Брюсселем».

Важной составляющей деятельности зарубежных «мозговых центров» – в отличие от занимающихся общественно-политическими вопросами научно-исследовательских институтов – является их большая нацеленность на практическую применимость результатов исследований [Бубнова 2017: 10]. Подобную нацеленность можно наблюдать в докладах европейских экспертно-аналитических центров, которые проводят параллели между ЕС и ЕАЭС. Европейские «мозговые центры» оценивают евразийскую интеграцию в качестве конкурирующего проекта для Европы.

В преддверии создания ЕАЭС Центр европейских политических исследований (Centre for European Policy Studies, Belgium) выпустил специальный доклад «На пути к Евразийскому экономическому союзу: вызовы интеграции» (Towards a Eurasian Economic Union: The challenge of integration and unity) в котором была дана оценка будущим процессам евразийской интеграции. Для того чтобы добиться представления об уровнях экономической интеграции постсоветских стран до создания ЕАЭС, авторы доклада анализировали экономическую интеграцию в существовавших к тому времени Таможенном союзе (ТС) и Едином экономическом пространстве (ЕЭП) [Blockmans, Kostanyan, Vorobiov 2012: 10]. В связи с этим авторами доклада была использована концепция Эрнста Хааса и Филиппа Шмиттера, которая была применена в 1964 году для оценки ранних этапов процессов европейской интеграции. Позиции, изложенные в адаптированной форме, для оценки интеграционных процессов были разделены на три группы:

1. Предпосылки создания экономического союза (численность населения, ВВП,

расстояние между экономическими центрами интеграции, начальные темпы регионального экспорта).

2. Условия функционирования экономического союза (общевыработанная политика государств-членов интеграции и функционирование наднациональных институтов в конкретных направлениях совместной политики).
3. Готовность к изменениям и реформам, которые могут быть вызваны функционированием интеграционных структур.

При исследовании трёх групп оценки интеграционных процессов, авторы считали, что создаваемая на основе Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) новая структура столкнётся с большими трудностями.

При оценке предпосылок создания экономического союза, эксперты сравнили союз, создаваемый Россией, Казахстаном и Беларусью с начальным этапом функционирования Евразийского Экономического Сообщества (ЕЭС). Несмотря на тот факт, что ЕЭС (в начале интеграционного проекта) и ТС/ЕЭП имели сопоставимую численность населения (167 млн и 169 млн соответственно), расстояние между экономическими центрами и географическая площадь различаются (ТС примерно в 17 раз был больше, чем ЕЭС в 1957 г.). Диспропорция также ощущается в процентном соотношении численности населения, на долю России к 2015 г. приходилось более 84% всего населения будущего ЕАЭС. Разница в объемах между экономиками еще более поразительна: к 2009 г. ВВП России составлял более 88% ВВП ТС, в то время как доля Западной Германии до создания ЕЭС едва превышала 40%. Таким образом эксперты пришли к выводу, что ЕАЭС в начале своего функционирования столкнулся с проблемами, которые в последствии повлияли на дисбаланс распределения власти в рамках интеграционного объединения.

В заключении авторы поставили несколько задач, решение которых привело бы ЕАЭС к успешному и плодотворному функционированию:

1. Устранение нетарифных барьеров во внутрисоюзной торговле, особенно связанных с процедурами таможенного оформления, транспортной инфраструктурой (из-за больших расстояний между экономическими центрами) и регулированием предпринимательской деятельности.
2. Гармонизация тарифного и нетарифного регулирования с обязательствами России по ВТО и, возможно, обязательствами, вытекающими из предполагаемого присоединения Беларуси. Эти внешние обязательства учитываются Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) в рамках регулярного процесса пересмотра тарифов, однако изменения в важнейших нетарифных барьерах (таких как введение утилизационного сбора на автомобили, критикуемого Европейской комиссией) должны быть отменены.
3. Согласование переговорного процесса. ЕЭК имеет право на ведение переговоров по торговым соглашениям с ЕС от имени членов ЕАЭС, а главное-России. На данный момент этому шагу противостоит Еврокомиссия, которая считает, что условия для заключения соглашения ЕС-ЕАЭС не созданы в связи с тем, что некоторые структуры ЕАЭС не соответствуют требованиям ВТО. Препятствия на пути полной совместимости ЕАЭС с критериями ВТО должны быть срочно и надлежащим образом устранены, если ЕАЭС намерен быть признанным в качестве переговорной стороны своими торговыми партнерами.

Особенное внимание евразийским инициативам России уделяют британские экспертно-аналитические центры, среди которых выделяется основанный в 1920 г. Королевский институт международных отношений Чатам Хаус (The Royal Institute of International Affairs Chatham House). На базе института был создан специальный координационный центр «Россия-Евразия» для анализа внешней политики России, государств Восточной Европы, Центральной Азии и Южного Кавказа. В рамках программы «Россия-Евразия» ежегодно проводятся 50-70 круглых столов. В

настоящее время основное внимание уделяется внешней политике России, политике безопасности и неразрешимым конфликтам в регионе в целом.

В июне 2015 г. институт выпустил аналитический отчет «Российский вызов» (The Russian Challenge) представленный как «исследование российской внешней политики в 2000 - 2015 гг. и рекомендации по ответным действиям Запада» [Giles., Hanson., Lyne., Nixey., Sherr., Wood 2015: 34]. Коллектив авторов, составивших данный отчет, состоит из специалистов в области изучения внешней политики СССР, РФ и государств постсоветского пространства: специалистов по отечественным оружейным технологиям, членов многих комиссий и исследовательских институтов, и бывших сотрудников дипломатических ведомств. Руководитель проекта – Джеймс Никси, руководитель российско-евразийской программы Chatham House, специализирующийся на взаимоотношениях России с бывшими советскими республиками.

В целесообразности и объективности мнений британских экспертов можно усомниться, поскольку вооруженный конфликт с Грузией не был инициирован Россией, подобное можно сказать и об украинском кризисе, в которой по настоящее время идет гражданская война.

После опубликования Королевским институтом международных отношений данного доклада, представители российского руководства критично отреагировали на публикацию, сравнив документ с пропагандой времен холодной войны. По словам члена думского комитета по делам СНГ В. Лихачёва, целью документа является дезинформация властных структур западных государств с целью отталкивания их от взаимодействия с Россией¹.

Более взвешенную оценку со стороны Королевского института международных отношений евразийским инициативам России можно наблюдать в докладе ассоциированных членов программы «Россия-Евразия» Катерины Вольчук и

Рилки Драгневой «Евразийский экономический союз: функционирование, правила и соглашения» (The Eurasian Economic Union Deals, Rules and the Exercise of Power).

В докладе прослеживается общее для членов Королевского института международных отношений негативное отношение к евразийским проектам российского государства. Однако, по сравнению с докладом «российский вызов», авторы поименованного выше труда объективно оценивают преимущества и недостатки евразийского проекта. Ключевым мотивом, побуждающим российских политиков к проведению экономической интеграции с государствами евразийского пространства, авторы считают «противодействие экономической маргинализации и восстановление России в центре экономического блока» полагая, что великие державы не растворяются в других интеграционных проектах, а формируют свои собственные» [Dragneva, Wolczuk 2017: 20].

В своей работе авторы пришли к выводу, что евразийская интеграция инициированная в 2000-х гг. стала, по крайней мере частично, оборонительным ответом российского руководства на предполагаемое вторжение в сферу влияния России со стороны ЕС и, все чаще, региональных амбиций Китая. Цветные революции во время первого президентского срока В.В. Путина только укрепили его решимость бороться с предполагаемыми угрозами традиционной российской власти во время второго президентского срока. Преимуществом структуры ЕАЭС является то, что она позволяет России влиять на внешнеполитические решения государств-членов без обременительной ответственности за их управление. Эта форма «мягкой силы», а не имперского строительства как считают многие западные эксперты. Российское руководство не желает контролировать внутренние институты и политику евразийского объединения, а хочет провести внешнюю политику в соответствии

¹ Лихачев: доклад Четэм-хауса схож с продукцией времен холодной войны // <https://ria.ru/20150604/1068052708.html>

со своими собственными национальными интересами. В своей работе авторы, утверждают, что несмотря на то, что ЕАЭС – это экономический союз, но экономические отношения с евразийскими партнёрами важны для России только как предвестник достижения ее политических и геополитических целей. Первоначальный план интеграции России был, по существу, политическим, а не просто экономическим. С самого начала существования ЕАЭС Кремль стремился создать всеобъемлющий союз, включающий валютный союз, политическую и оборонную интеграцию. Однако эта далеко идущая повестка дня была отвергнута другими государствами, в частности Казахстаном, который преуспел в своих усилиях ограничить ЕАЭС только экономической интеграцией.

Евразийские инициативы России попали зону внимания не только экспертно-аналитических центров европейских и постсоветских стран, но также заинтересовали «мозговые центры» США.

Созданный на базе Международного центра Вудро Вильсона в 1974 г. Институт Кеннана (Kennan Institute, USA) активно исследует политику России на евразийском пространстве. Доклады института не лишены эмоционально-негативной окраски, а также политизированных клише по поводу проводимой российским руководством внешней политики на евразийском пространстве. Исключением не стал доклад старшего научного сотрудника Института Кеннана Максима Трудолубова, опубликованный 01 июня 2016 г. в Институте под заголовком «Все хотят снова быть великими» (Everybody Wants to Be Great Again). Евразийские инициативы России по отношению к своим соседям, автор расценивает как попытку «вернуть утраченное величие, не исключая использование военной силы» [Trudolyubov 2016: 3].

Совершенно иное видение евразийской политике России можно найти в докладах Центра стратегических и международных исследований США (The Center for Strategic and International Studies, USA). В сентябре 2016 г. вышел в свет один из шести докладов «Россия в воссоединении Евразии» (Russia in

a Reconnecting Eurasia) серии книг «Евразия извне» (Eurasia from the Outside), которая включала в себя исследования, посвященные Турции, Европейскому Союзу, Ирану, Индии, России и Китаю. В отчете Ивана Сафранчука рассматривается весь спектр российских национальных интересов на Южном Кавказе и в Центральной Азии и анализируются общие контуры взаимодействия России в ближайшие годы. В докладе последовательно описывается процесс развития евразийских инициатив России после распада СССР начиная от подписания в 1995 г. Соглашения о создании ТС до основания ЕАЭС в 2015 г. В процессе исследования евразийского вектора внешней политики России, автор пришел к выводу, что реинтеграция государств постсоветского пространства стояла на повестке дня России с момента распада СССР, именно поэтому пост-советская Россия всегда рассматривала европейскую, южно-кавказскую и центрально-азиатскую части постсоветского пространства как взаимосвязанное целое с точки зрения своей экономической политики и политики безопасности, а также создавала и поддерживала региональные организации, включающие государства-члены из всех трех этих географических зон [Safranchuk 2016: 35].

Автором была использована широкая методологическая база с использованием сравнительно-сопоставительного метода при проведении анализа причин появления нового вектора внешней политики России на евразийском пространстве после Украинского кризиса. Новая инициатива «поворота на восток» российского руководства была направлена на углубление связей между постсоветским регионом и крупнейшими державами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Исследуя оценки зарубежных экспертно-аналитических центров по отношению к евразийским инициативам России можно сделать вывод о том, что, к сожалению, большинство западных исследователей до сих пор видят инициативы России по отношению к своим соседям как пример имперских амбиций российского государства. Евразийскую экономическую интеграцию, западные эксперты видят, как

навязанный Россией проект для расширения своего собственного влияния в регионе. Лишь немногие авторы, объективно анализируют интеграционные процессы, протекающие на евразийском пространстве, указывая на положительные и отрицательные стороны данного процесса.

Библиографический список

- Abelson D., Lindquist E.* Think Tanks and Civil Societies //Routledge, - 2017 – 44 p.
- Blockmans S., Kostanyan H., Vorobiov I.* Towards a Eurasian Economic Union: The challenge of integration and unity // Centre for European Policy Studies, - 2012 – 38 p.
- Dragneva R., Wolczuk K.*, The Eurasian Economic Union Deals, Rules and the Exercise of Power // Chatham House, – 2017 – 27 p.
- Ernst B. Haas., Philippe C. Schmitter.* Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections About Unity in Latin America // Cambridge University Press, 2009 – Pp. 705-737.
- Giles K., Hanson P., Lyne R., Nixey J., Sherr J., Wood A.* The Russian Challenge // Chatham House, – 2015 – 72 p.
- Laruelle M.* Russian Eurasianism: An Ideology of Empire // Woodrow Wilson Center Press, 2008. 78 p.
- Safranchuk I.* Russia in a Reconnecting Eurasia. Eurasia from the Outside // The Center for Strategic and International Studies, - 2016 – 38 p.
- The Eurasian Economic Union: Power, Politics and Trade // International Crisis Group*, 2016. 2 p.
- Trudolyubov M.* Everybody wants to be Great Again. The Russia file // Kennan Institute, 2016. 6 p.
- Беляева Н., Зайцев Д.* "Мозговые центры" в России и странах Запада: сравнительный анализ // Мировая экономика и международные отношения, №1, 2009. С. 26-35.
- Бубнова Н.И.* «Мозговые центры» как актор современной политики // Сравнительная политика. - М.: 2017. - С. 8-19.
- Качетков Г.Б., Супян В.Б.* Ведущие «мозговые центры» США // США и Канада: Экономика, Политика, Культура, №6, 2010. С. 81-94.
- Курылев К.П., Данюк Н.С., Семибратов Е.В., Никулин М.А.* Архитектура евразийской безопасности сквозь призму российских концептуальных подходов // Гуманитарные науки. –М.: Финансовый университет, 2019. Т. 9. № 5 (41). С. 56-65.
- Курылев К.П., Станис Д.В., Баранник М.А., Закарян С.Б.* Евразийская идеология во внешней политике современной России // История и политические науки. – М.: МГОУ, 2019. №4. – С. 151-165.
- Курылев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств // Учебно-методическое пособие для студентов направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» / Москва, 2013. (Издание 3-е, переработанное и дополненное)
- Лагутина М.Л.* ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. – 2015. №11 С. 124-136.
- Троцкий М.А., Чаран С.* Дилемма интеграции на постсоветском пространстве// Россия в глобальной политике - 2013, - № 11 (5) - С. 21-33.
- Чагры А.* «Мозговые центры» и политический процесс: роль и значимость в принятии решений // Вестник ЗабГУ – 2019. - №4. – С. 75-85.

Сведения об авторе: Закарян Сурен Багратович – магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: zakaryan-sb@rudn.ru)

References

- Belyayeva N., Zaytsev D.* "Mozgovyye tsentry" v Rossii i stranakh Zapada: sravnitelnyy analiz // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. №1. 2009. S. 26-35.
- Bubnova N.I.* «Mozgovyye tsentry» kak aktor sovremennoy politiki // Sravnitel'naya politika. - M.: 2017. - S. 8-19.
- Kachetkov G.B., Supyan V.B.* Vedushchiye «mozgovyye tsentry» SShA // SShA i Kanada: Ekonomika. Politika. Kultura. №6. 2010. S. 81-94.

- Kurylev K.P., Danyuk N.S., Semibratov E.V., Nikulin M.A.* Arkhitektura evraziyskoy bezopasnosti skvoz prizmu rossiyskikh kontseptualnykh podkhodov // Gumanitarnyye nauki. –M.: Finansovyy universitet. 2019. T. 9. № 5 (41). S. 56-65.
- Kurylev K.P., Stanis D.V., Barannik M.A., Zakaryan S.B.* Evraziyskaya ideologiya vo vneshney politike sovremennoy Rossii // Istoriya i politicheskiye nauki. – M.: MGOU. 2019. №4. – S. 151-165.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv // Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnosheniya», «Politologiya», «Istoriya» / Moskva, 2013. (Izдание 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe)
- Lagutina M.L.* ES i EAES: problemy i perspektivy sotrudnichestva v sovremennykh geopoliticheskikh realiyakh // Upravlencheskoye konsultirovaniye. – 2015. №11 S. 124-136.
- Troitskiy M.A., Charap S.* Dilemma integratsii na postsovetskom prostranstve// Rossiya v globalnoy politike - 2013. - № 11 (5) - S. 21-33.
- Chagry A.* «Mozgovyye tsentry» i politicheskiy protsess: rol i znachimost v prinyatii resheniy // Vestnik ZabGU – 2019. - №4. – S. 75-85.

About the author: Zakaryan Suren B. – Master in International Relations, RUDN University (e-mail: zakaryan-sb@rudn.ru).

ОТ РЕДАКЦИИ

В статье «Международные соглашения и национальные правовые акты государств Центральной Азии: ожидание и реальность сотрудничества с Россией в гуманитарной сфере» Т.В. Вербицкой, опубликованной в №1 журнала «Постсоветские исследования» за 2020 г., была ошибочно дана информация о том, что исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 19-78-10060 «Гуманитарное сотрудничество между Россией и странами постсоветской Центральной Азии: институты, содержание, оценка социальной эффективности».